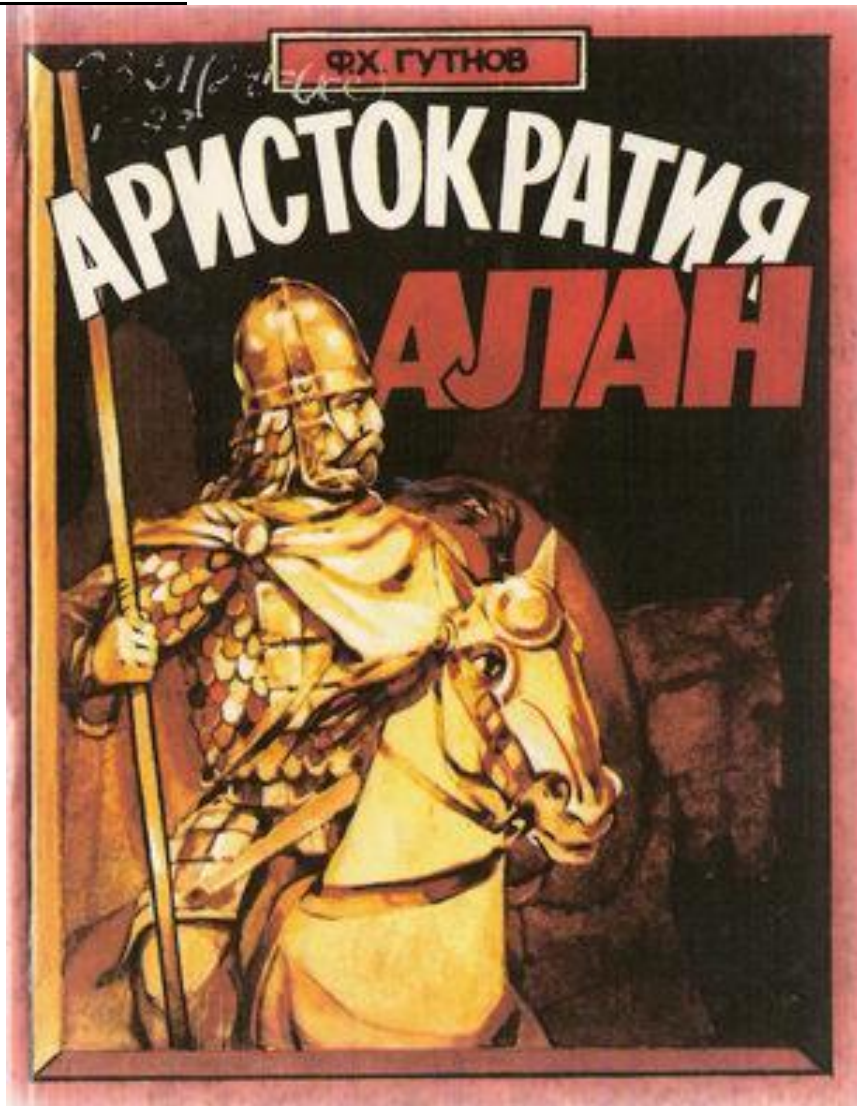


<http://iratta.com/aristokratia>



"Аристократия Алан"

автор: Ф.Х. Гутнов.

Владикавказ "ИР" 1995.

## Содержание:

### Введение

Истоки формирования аланской аристократии. Часть 1.

Истоки формирования аланской аристократии. Часть 2.

Аланы в эпоху «Великого переселения народов». Часть 1.

Аланы в эпоху «Великого переселения народов». Часть 2.

У истоков государства. Часть 1.

У истоков государства. Часть 2.

Союзники Византии и Руси. Часть 1.

Союзники Византии и Руси. Часть 2.

В годы суровых испытаний. Часть 1.

В годы суровых испытаний. Часть 2.

### Заключение

### Источники

### Литература

### Список сокращений

## Введение

В истории средневекового Кавказа особое место принадлежит аланам. Появившись здесь на рубеже н. э., они около полутора тысяч лет влияли на ход политических событий. Следует учитывать и тот факт, что современный этнический состав населения Северного Кавказа в основном сложился именно в указанный период. В этногенезе горских народов в той или иной степени принимали участие и аланы, хотя их роль была весомой не только здесь. А. П. Новосельцев, отмечая некоторые лексические заимствования древнерусского языка, подчеркнул, что, например, термины «богатырь» и «боярин» имеют «явную иранскую этимологию». И в принципе речь должна идти «о лексическом и даже общественном наследии древних насельников нашего юга — иранцев... часть которых слилась со славянами и участвовала в этногенезе юго-восточной части русского славянства».

А история алан на Дальнем Востоке, в Азии, Византии, Западной Европе? Фактически к решению этой проблемы медиевисты еще только собираются приступить. И нельзя сказать, что специалисты не осознавали роль алан в судьбах народов Старого Света. Вспомним слова известного ученого М. И. Ростовцева: «В большинстве исследований периода переселения народов почти игнорируется роль, которую сыграли сарматы, особенно аланы, в завоевании Европы». Даже если вести речь только о тех аланах, которые в IV—V вв. находились на службе у Рима, то и в этом случае их роль велика. Мы находим алан на огромном пространстве от Испании на западе до Ирана на востоке, от Британии на севере до Африки на юге. Они стояли во главе кавалерийских отрядов (Савл), полков (Аспар), армий (Ардабур), были крупными землевладельцами и консулами (Ард), патрициями и претендентами на императорский престол. В целом, как вслед за Б. Бахрахом отмечает В. Б. Ковалевская, аланы «были в хорошей позиции, чтобы стать частью новой средневековой аристократии, ее элиты». Ираноязычные пришельцы оказали настолько серьезное влияние на быт и культуру\* народов Старого Света, что автор «Истории Британии» эпонима (родоначальника) Европы назвал Аланом.

Таким образом, история алан значима в трех аспектах:

- 1) как часть иранской проблемы юга России;
- 2) как важная составная прошлого многонационального северокавказского региона;
- 3) роль алан в рамках всемирной истории.

Разумеется, решение всех этих трех задач вряд ли под силу одному исследователю. Поэтому мы ограничимся лишь поиском ответов на некоторые вопросы очерченной проблемы. Вместе с тем,

автор, осознавая, что поставленная даже в таком ограниченном виде задача является отнюдь не простой, не претендует на ее окончательное решение.

Сразу же оговорим некоторые особенности данной книги. Во-первых, она не научное, а популярное издание. В связи с этим автор постарался максимально упростить текст, оставил «за кадром» источниковедческий анализ, отказался от сносок (небольшая часть использованной литературы приведена в конце книги в разделе «библиография») и т. д.

Во-вторых, учитывая специфику популярного издания, хотелось отойти от трафаретов и стандартов даже в структуре монографии. Она состоит из практически самостоятельных очерков, каждый из которых начинается краткой характеристикой периода, а конкретные события отражаются через портретную галерею деятелей Алании.

В-третьих, хотелось отойти и от традиционного подхода в изложении фактического материала. Мы слишком часто прикрывались «магическими» формулировками **народные массы и трудящиеся**, уходя от выявления роли различных социальных групп и слоев в разные исторические эпохи (А. О. Чубарьян). Если признать, что экономически и политически господствующий класс, носитель данного способа производства, играл исторически прогрессивную роль в развитии данного способа производства, то вытекает необходимость показать эту роль. Однако в нашей историографии не найти работ, изображающих господствующий класс в процессе утверждения и эволюции данных производственных отношений, или данной политической системы, или данной совокупности идей, особенно в момент, когда он еще совмещал классовые интересы с общенациональными (М. А. Барг). Исходя из этого, историю алан мы рассмотрим главным образом через призму формирования и деятельности аланской аристократии, прежде всего — военной аристократии.

---

*\* В этом смысле интересна (хотя и не бесспорна) мысль В. В. Бартольда: «Основным содержанием истории какой-нибудь страны является степень ее участия в мировом культурном общении».*

### Истоки формирования аланской аристократии. Часть 1.

Имя «алан» впервые появляется в сочинениях античных авторов I в. н. э. Иосиф Флавий писал, что «племя аланов есть часть скифов, живущая вокруг Танаиса (Дона) и Майотийского (Азовского) озера». Об аланах и роксаланах сообщают Страбон и Плиний Секунд. Известный римский поэт, племянник Сенеки Марк Лукан в уста знаменитого Помпея вложил следующие слова: «Я (Помпей) в то время стремился к каспийским запорам и преследовал суровых и вечно воинственных аланов...» Дионисий Периегет уважительно называл их «храбрые аланы, сильные и многоконные». Рассматриваемый этноним встречается в прикаспийских эпитафических памятниках первых годов н. э., в частности, он известен по надписям Картира на «Каабе Зороастра», где аланы упомянуты в описании границ Ираншахра, на севере доходивших до Кавказского хребта и Аланских ворот.

Существует множество версий по поводу происхождения алан. Наиболее распространенная точка зрения связывает алан с сарматским миром. Так, в популярном «Археологическом словаре» английских ученых У. Брея и Д. Трампа аланы (наряду с роксаланами, сираками, аорсами, язигами) причислены к сарматским племенам.

Сарматы с момента появления на юге России привлекали внимание древних историков, традиционно изображавших их кочевым народом. Согласно Геродоту и Гиппокриту, сарматы не имели домов, а жили на повозках. Примерно четыре века спустя Страбон дал аналогичную характеристику: «Кибитки номадов (кочевников) сделаны из войлока и прикреплены к повозкам, на которых они живут; вокруг кибиток пасется скот, мясом, сыром и молоком которого они питаются. Они следят за своими стадами, выбирая всегда местности с хорошими пастбищами; зимою в болотах около Меотиды, а летом — на равнинах». Сарматы, согласно Тациту, проводили « всю жизнь на повозке и на коне». Правда, говоря об аорсах — одном из крупнейших сарматских союзов,

Страбон сообщает, что они «частью кочевники, частью живут в шатрах и занимаются земледелием». У сираков был город Успа, расположенный на возвышенном месте и укрепленный стенами и рвами; «стены были не из камня, а из сплетенных прутьев, с насыпанной посредине землей». Горожане делились на людей «свободного состояния» и рабов.

Сарматские племена играли важную роль в политических событиях рубежа двух эр. В Европе особую активность проявляли язиги. Их появление на Дунае некоторые венгерские и румынские исследователи объясняют особенностями внешней политики Рима, который поощрял приход язигов в целях создания пограничных поселений. Более важной причиной рассматриваемой миграции служило возрастающее давление алан или аорсов на роксалан, которые, в свою очередь, оказывали давление на язигов, буквально вытесняя их на запад (А. В. Исаенко).

Надежды римлян на помощь язигов в борьбе с внешней агрессией не оправдались 62 г. н. э. на Среднем Дунае роксаланы при доброжелательном нейтралитете язигов помогли дакам на правом берегу Дуная (т. е. на территории империи) против войск легата Плаутия Сильвана. В 67 г. роксаланы уничтожили римскую кагорту. Правда, в следующем году они, вновь перейдя Дунай, сами были разбиты. В этих столкновениях погиб наместник Мезии консульский легат Гай Фонтей Агриппа.

В Верхней Паннонии язиги вместе с германским племенем снвевов сформировали антиримский союз. В начале 70-х гг. к ним присоединились роксаланы.

Эффективные действия конницы язигов высоко оценили вожди германских племен, и неслучайно они признали лидерство сарматов в антиримском союзе. Т. Момзен в своей фундаментальной «Истории Рима» подчеркнул, что властям империи приходилось бдительно следить за проворными конными отрядами язигов и для обеспечения безопасности границ выдавать им ежегодные «подарки». Римский поэт Овидий, отражая, очевидно, общее отношение жителей столицы империи к этому сарматскому племени, называл их «яростные язиги».

Вместе с тем, следует отметить, что отношения сарматов и Рима не всегда были враждебными. В этом смысле интересно свидетельство Диона Кассия: «Император Марк народы, посылавшие к нему посольства, принимал не все на одинаковых условиях... Так как язиги оказывались полезными для него, то он сложил многие из наложенных на них обязательств... и позволил сноситься с роксаланами через Дакию».

Сарматы проявляли активность и на Кавказе. Их влияние здесь (как и раньше влияние скифов) было настолько мощным, что отразилось на этнических процессах. Прежде всего это касается равнинных и предгорных районов. Но и в культуре позднекобанских племен горной зоны стали появляться типично сарматские элементы. Это объясняется постоянными контактами и растущим обменом между горцами и сарматами. Последние, судя по археологическим памятникам, взяли под контроль Дарьяльский проход — военную дорогу сарматов через Кавказский хребет. Наиболее значительным памятником пребывания сарматов на берегах Терека в границах Северной Осетии является курганный могильник у хутора Комарово Моздокского района. Среди 24 типично сарматских погребений наиболее выразительным оказалось центральное захоронение в кургане 15-метровой высоты. В подземной камере-катакомбе была захоронена пожилая сарматка. Она покоилась в деревянном гробу, в несколько слоев обернутом золотой парчой, на которой крепились множество золотых бляшек с мужскими и женскими личинами. Среди огромного множества сопровождающего инвентаря — крупное бронзовое зеркало, массивные золотые браслеты, гривна и т. д. Погребение представительницы сарматской знати датируют I в. до н. э.

В целом, археологические изыскания последних лет в предгорной и равнинной зонах Центрального Кавказа свидетельствуют, как отмечает М. П. Абрамова, «не столько о начавшемся, как это считается, в III в. до н. э. мощном процессе сарматизации местного населения, сколько о продолжающихся со скифского времени длительных и постоянных контактах кавказских племен и ираноязычных кочевников». Не менее принципиально и другое ее замечание: «Уже в последних веках до нашей эры у местных племен исследуемой территории и у кочевавших здесь или на прилегающих землях сарматов была единая культура, объединявшая сарматские и кавказские черты».

Ираноязычное влияние на рубеже н. э. было достаточно мощным не только на севере, но и на юге Кавказа. Особенно большую роль во внутривосточной жизни Картли «овсы» (сарматы) сыграли в период образования восточногрузинского «царства» Фарнавазидов на рубеже IV—III вв. до н. э. Скрываясь от убийц отца, Фарнаваз, будущий основатель династии, с 3-летнего возраста воспитывался на Кавказе. Леонтий Мровели конкретно не указывает, у кого скрывался Фарнаваз. Но учитывая его последующие связи с сарматами (он «выдал одну сестру свою за царя оссов»), их помощь Фарнавазу в борьбе за престол, его ираноязычное имя (от осетин, «фарн»), как имена других представителей его рода, можно без особой натяжки полагать, что Фарнаваз воспитывался среди сарматов. И неслучайно сын его также носил сарматское имя — Саурмаг «Чернорукий».

Влияние ираноязычных племен на Центральном Кавказе было настолько заметным, что на это обратили внимание античные авторы. Страбон, например, писал: «На Иберийской равнине обитает население, более склонное к земледелию и миру... горную страну, напротив, занимают простолюдины и воины, живущие по обычаям скифов и сарматов, соседями и **родственниками** которых они являются; однако они занимаются также и земледелием. В случае каких-нибудь тревожных обстоятельств они выставляют много десятков тысяч воинов как из своей среды, так и из числа скифов и сарматов». Н. А. Бердзенишвили указанное известие Страбона понимал как свидетельство родства горцев с сарматами. Для Г. А. Меликишвили симптоматичным представлялось то обстоятельство, что «не только Страбон и другие иноземные источники находят население горной Иберии сильно отличным от жителей низменности (первые по Страбону даже находятся в родстве с сарматами), но и грузинские источники рисуют аналогичную картину. ... Многочисленные сообщения той же грузинской традиции в связи с утверждением христианства в Грузии также подразумевают наличие в горных районах Грузии населения, в этнокультурном отношении обособленно стоявшего от населения равнины».

К рубежу н. э. основными сарматскими племенами на Северном Кавказе стали сираки и аорсы. Первые тяготели к междуречью Лабы и Кубани, Донским степям, вторые — к прикаспийским просторам. Сираки и особенно аорсы сыграли, по мнению специалистов, огромную роль в историческом прошлом Восточной Европы и юга России. Напомним, что, например, аорсы являлись активными участниками караванной торговли, получая с юга и от армянских и мидийских купцов вавилонские и индийские товары, тем самым включая народы Восточной Европы в знаменитую торговую артерию — Великий шелковый путь. Этот путь простирался от Ханьского Китая на востоке, до Римской империи на западе. Кроме того, часто выступая союзниками Боспора, сираки и аорсы установили тесные политические и торговые связи с античными городами Северного Причерноморья.

На стыке двух эр сарматы Северного Кавказа попадают в орбиту событий мировой истории. Опасный противник Рима, царь Понта Митридат VI Евпатор, исчерпав свои собственные ресурсы, обратил взгляд на северные окраины античного мира. В это время в пограничных с империей районах «варвары» проявили себя как внушительная сила. К тому же направление их движения совпадало с устремлениями Митридата. Он планировал большой поход через Европу в Северную Италию. Аппиан в сочинении «Митридатовы войны» оставил свидетельство о союзе понтийского царя с сираками: «Митридат же, вступив в область Меотиды, над которой много династов (правителей), когда все они ... приняли его, пропустили и обменялись взаимно многими подарками, заключил с ними союз, задумав другие, еще более удивительные планы — вторгнувшись через Фракию — в Македонию... перейти Италию через Альпийские горы; для укрепления этого союза он отдал замуж за наиболее могущественных из них своих дочерей». Из текста следует, что Митридат лично вступил в контакт с предводителями многоплеменного сиракского объединения. Сильно заинтересованный в их военной поддержке, он даже отдал своих дочерей за некоторых вождей. Именно после заключения этого союза у Митридата возникла идея крупного похода в Северную Италию. Однако в конечном итоге ему не удалось собрать большую армию, а восстание боспорцев вынудило Митридата покончить с собой в 63 г. до н. э.

В начале н. э. сираки не снижают своей активности. В 35 г. н. э. они выступили на стороне царя Иверии Фарасмана в борьбе с Парфией и Арменией: «Фарасман,—отмечал Тацит,—поднимает

сарматов, скептухи (вожди) которых, приняв подарки от обеих сторон, по обычаю своего племени отправились на помощь и к той, и к другой». Иверийцы быстро пропустили сираков, шедших через Дарьял. Другие же сарматы, вероятно аорсы, пытавшиеся пробиться к войскам парфяно-армянской коалиции, «были легко отрезаны, так как враг запер проходы».

В 49 г. сираки и часть меотов (предков адыгов) поддержала свергнутого римлянами с престола царя Боспора Митридата VIII. Против них выступили римские легионы и конные дружины аорсов. Сираки, возглавляемые царем Зорсином, были разгромлены, а их столица — «город Успа, укрепленный стенами и рвами» была разрушена. «Истребление жителей Успы вселило страх во всех остальных, решивших, что больше не стало безопасных убежищ, раз неприятеля не могут остановить ни оружие, ни крепости, ни труднодоступные и высокогорные места, ни реки, ни города». Лишившись союзников, Митридат VIII сдался на милость царя аорсов Эвнона. В 193 г. сираки вновь потерпели поражение, теперь уже от боспорского царя Савромата II.

С начала н. э. огромную активность в Европе и Закавказье проявляли аланы. Источники той поры пестрят сообщениями о «неукротимых», «храбрых», «вечно воинственных» аланах. Они совершали походы через Дарьяльский (получивший теперь название «Аланские ворота») и Дербентский проходы, постоянно угрожая владениям Рима, тревожа Иверию и Армению, разоряя Парфию, Атропатену доходя до Каппадокии Малой Азии. Нашествие алан 72—74 гг. вынудило Рим и Парфию срочно заняться строительством укрепленных постов на Кавказе.

Смерть Трояна в 117 г. и ослабление империи стали причиной нового нашествия алан, в 135—136 гг. громивших подчиненные Риму кавказские территории. Армянский царь Вагаршак II сумел приостановить нападение алан «подарками». Свидетельством событий конца II в. является серебряная чаша, найденная в погребении у станицы Даховской Майкопского района. По мнению К. В. Тревер, надпись на ней «могла быть нанесена в 161—163 гг., когда армянский царь Пакор правил и мог подарить эту чашу кому-нибудь из своего окружения. Можно допустить и другой случай, объясняющий появление чаши к северу от Кавказского хребта, а именно, что она входила в состав даров, полученных от Пакора кем-либо из аланских вождей, в могилу которого ей суждено было попасть».

Постоянные военные походы отразились на общественном строе всех сарматских племен, включая алан. Как и у всех кочевников, у ираноязычных племен существенную роль играло коневодство, а в военной организации ведущая роль принадлежала воину-всаднику. Тацит писал, что конница «составляет подлинную боевую силу сарматов». В другом месте он подчеркнул мощь сарматской конницы: «Вряд ли существует войско, способное устоять перед натиском их конных орд».

Как свидетельствуют источники, на рубеже двух эр война и организация для войны определяли быт ираноязычных племен юга России. Этот период социальной истории принято обозначать понятием «военная демократия». Военная потому, что «война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни». Военный вождь «становится необходимым, постоянным должностным лицом».

Прямых свидетельств о структуре верховной власти сарматских племен на рубеже двух эр нет. Но суммируя отрывочные сообщения различных источников можно попытаться ее реконструировать. По сообщению Тацита, в противоборстве с Арменией, царь Грузии Фарасман «поднимает сарматов, скептухи которых, приняв подарки от обеих сторон, по обычаю своего племени отправлялись на помощь и к той, и к другой». Аланы, судя по данному сообщению, не представляли в то время единого этносоциального организма. Отдельные «скептухи» (вожди) действовали независимо друг от друга и вполне самостоятельно. Под «скептухами» скорее всего следует понимать родовых старейшин, родоплеменную знать. Старейшины руководят, но не участвуют в походах. Дружины возглавляют военные предводители. В этом отношении большой интерес представляют свидетельства древнегрузинских хронистов Мровели и Джуаншера. Описывая противоборство алан и грузин в середине V в., они назвали и лица, стоявшие во главе войск. Грузинскими дружинами командовал «царь» Вахтанг (имя аланского происхождения: Варх+танг «имеющий волчье тело»), аланскими — «багатар» (военный вождь). Причем, хронисты последнего

характеризуют как широко известного, пользующегося славой воина, военачальника, но не царя, называют его «испоином», «бумберазом» (богатырем), «голиафом». Характерно и обращение к нему Вахтанга: «Не перейду я через реку, ибо я — царь. Не приближусь к рати овсетской, ибо от гибели моей погибнет все войско мое. Ты же рядовой и от сокрушения твоего не убавится войску овсетскому...» Здесь же следует отметить, что в данном тексте «багатар» — не имя, а титул. В то время у алан «багатарами» назывался высший слой военной аристократии.

Как видно, багатар — военный вождь; его удел — походы; остальными делами ведал родоплеменной (мирный) вождь. На протяжении эпохи военной демократии традиционные институты управления племенем претерпели значительные изменения, как изменились отношения между военными вождями и родоплеменной верхушкой. Важный момент изменения структуры управления у алан IV в. подметил Аммиан Марцеллин: «Судьями они выбирают тех, которые отличаются долгое время на войне». Это указывает на серьезное наступление военной аристократии на позиции родоплеменной знати. Если на начальных этапах военной демократии судебные функции принадлежали старейшинам, то в IV в. они уже перешли к военачальникам. Сочетание военных и судебных функций характерно для лиц, именуемых «вторыми царями». Уже в самом названии должности — «второй царь» — отражено изменение субординации царя и военного вождя по сравнению с предшествующим периодом. Теперь последний не просто глава военного отряда, а «второй царь». Наличие этого института у алан отмечено в древнеармянских памятниках церковной литературы («Житие Воскеанов», «Житие Сукиасянов») и «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци. В описании событий первых веков н. э. они помещают рассказ об алане Баракаде (ср. осетин, **бæркад** «изобилие»), который был «вторым по престолу соцарствующим царя». Данный институт существовал у многих народов. В древней Картли, согласно Страбону, «второе (после царя) лицо» — также «верховный судья и полководец».

Таким образом, в первой половине 1-го тысячелетия структура управления аланскими племенами претерпела существенные изменения. В руках багатаров сосредотачивались не только военные, но и элементы гражданского управления. Серьезные перемены произошли и в военной организации алан. В иерархии военных отрядов все возрастающую роль стали играть имущественное положение и социальный фактор. По свидетельству Аммиана Марцеллина, у алан «молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором ходить пешком». Об этом же свидетельствуют и фольклорные сюжеты. Так, «самые доблестные из нартов» отправлялись в поход верхом, а Сырдон, взятый ими как «младший», семенил за всадниками пешком. Неслучайно в эпосе есть поговорка: «Мужчина без лошади, что птица без крыльев». Оппозиция конный-пеший в эпосе имела явную социальную нагрузку, на что указывают постоянные издевки «знатных нартов» над безлошадным Сырдоном. Называя видных нартов своими «алдарами» (хозяевами), он неоднократно говорил, что ему «не позволят сидеть» рядом со «знатными нартами», да и он сам «не посмеет» сидеть рядом с ними.

Роль экономического положения и социального статуса в структуре военной организации ираноязычных племен юга России значительной стала довольно рано. В этом смысле интересно описание Лукиана (II в.) сбора «скифских» воинов для частного набега. Организатор набега приносил в жертву быка, варил мясо и садился на шкуру. Любопытный брал мясо и, став правой ногой на шкуру, обещал доставить (по своим возможностям): наиболее знатные — тяжеловооруженных всадников, люди состоятельные — нескольких воинов, бедные могли предложить лишь свои услуги. В таких отрядах собирались воины из различных родов и даже племен, поэтому основным принципом организации такого войска был не родоплеменной, а принцип личных отношений предводителя и воинов. Из подобных временных объединений постепенно формировались дружины, группировавшиеся вокруг наиболее удачливых предводителей.

На рубеже двух эр особый отряд конных воинов, не только у алан, но и у многих народов мира, составляли катафрактары (от греч. «катафракта» — доспех воина), отличавшиеся от остальных всадников вооружением и специфическим способом ведения военных действий. Вооружение их состояло из тяжелого доспеха, закрывавшего тело всадника, шлема, копья, меча, иногда лука со стрелами. Зачастую доспехи имели и лошади, например, у роксалан.

Катафрактерии могли действовать только целыми подразделениями, в тесном боевом порядке. Тяжелая кавалерия атаковала клином. Панцирная конница формировалась из аристократов и вооруженных ими лиц. Знать в военном отношении все меньше зависела от рядовых соплеменников. Со своей дружиной и слугами она могла предпринимать самостоятельные набеги. В какой-то мере это отвечало и интересам рядового населения, ибо оно не могло одновременно являться и сельскими производителями и воинами.

Во II—IV в. уже не каждый сармат был воином. С другой стороны, все возрастала роль дружины. Интересен рассказ о набеге роксалан в Мезию. «Их конный отряд состоял из девяти тысяч человек, опьяненных недавней победой, помышлявших больше о грабеже, чем о сражении. ...Римляне наступали в полном боевом порядке, у сарматов же к этому времени одни разбежались по округе, в поисках добычи, другие тащили тюки с награбленным добром. ...Вряд ли существует войско, способное устоять перед натиском их конных орд. В тот день, однако, шел дождь, лед таял, и они не могли пользоваться ни пиками, ни своими длинейшими мечами, которые сарматы держат обеими руками; лошади их скользили по грязи, а тяжелые панцири не давали им сражаться. Эти панцири, которые у них носят все **вожди** и **знать**... действительно непроницаемы для стрел и камней, но если врагам удастся повалить человека в таком панцире на землю, то подняться он сам уже не сможет». Из приведенного сюжета следует, что в набеге участвовали только аланские катафрактерий и их насчитывалось всего девять тысяч человек. Цифра чрезвычайно мала, особенно в сравнении с многочисленными войсками сарматов в предшествовавшее время. Следовательно, в походе не участвовали рядовые общинники.

Катафрактерии представляли собой слой воинов-профессионалов, дружинников. Основным средством существования дружины первоначально служила военная добыча. Тацит специально акцентировал внимание на этом: «Содержать большую дружину можно не иначе, как только насилием и войной... что же касается пропитания и хоть простого, но обильного угощения на пирах, то они у них вместо жалованья. Возможности для подобного расточительства доставляют лишь войны и грабежи». Тот же Тацит красочно описал аланских дружинников, которые «тащили тюки с награбленным добром».

Порядок раздела добычи у алан имел ряд характерных особенностей, связанных с утверждением престижа военных вождей. «Тыхы куывды хай» (доля пира силы) и «хистæры хай» (доля предводителя, для старшего) использовались по-разному. Доля для общего застолья хранилась отдельно и использовалась для организации дружинных пиров. Доля старшего находилась в единоличном распоряжении предводителя и состояла из золота, серебра, оружия, тканей и скота. Обычаем возбранялось предводителю тратить эту долю на себя и свою семью: она предназначалась для нужд общего характера. В тяжелые времена предводитель обязан был помогать общинникам, иначе он терял уважение и вместе с тем свой ранг. Помимо этого, предводитель одаривал дружинников, отличившихся в состязаниях. Особо следует отметить сосредоточение трофейного оружия в руках знати. Это создавало предпосылки для его использования в собственных целях. Представлялась возможность по своему усмотрению вооружить угодную часть общинников и претендовать на большие доли добычи на основании распоряжения арсеналом оружия. Престижные раздачи, ставившие получателя в неравноправное положение по отношению к дающему, приводили к возникновению патронатных отношений.

Такова в самом сжатом виде картина основных событий истории сарматских племен рубежа двух эр. Если одним словом характеризовать основное занятие сарматов (алан, роксаланов, сираков, аорсов, язигов) в ту эпоху, то таким словом будет «война». Неудивительно, что античные и закавказские историки, много внимания уделяя сарматам, о конкретных лицах информацию оставили только о представителях нарождавшейся военной аристократии.

## Истоки формирования аланской аристократии. Часть 2.

**Арифарн** — царь сираков конца IV в. до н. э. Его имя В. И. Абаев разбивает на составные **ари** «арийский»+**фарн** «небесная благодать», «высшая сила». Диодор Сицилийский сообщает о нем в



рассказе о междоусобной войне претендентов на боспорский престол Сатира, Притана и Эвмела (309—303 гг. до н. э.). Арифарн назван союзником Эвмела. Основные военные действия проходили в Прикубанье. Это означает, что сираки либо уже в то время жили здесь, либо пришли на помощь союзнику Эвмелу в указанный пункт. Решающее сражение произошло у реки Фат, одного из притоков нижнего течения Кубани. Союзниками старшего брата Сатира, согласно Диодору Сицилийскому, были «греческие наемники в числе не более двух тысяч и столько же фракийцев, а все остальное войско состояло из союзников-скифов в количестве двадцати с лишком тысяч пехоты и не менее десяти тысяч всадников». Здесь же отметим, что некоторые исследователи, учитывая локализацию событий на р. Кубань, заменяют фракийцев сираками. Такое предположение представляется вполне вероятным. Другая часть сираков — 20 000 конницы и 22 000 пехоты — во главе с «царем Арифарном» выступила на стороне Эвмела. Диодор оставил красочное описание хода сражения: «Сатир, окруженный отборными воинами, завязал конную стычку со свитой Арифарна, стоявшей против него в центре боевого строя, и после значительных потерь и с той и с другой стороны, принудил наконец варварского (сиракского) царя к отступлению. ...Но немного спустя, услышав, что брат его Эвмел одолевает на правом фланге и обратил в бегство его наемников, он прекратил преследование и поспешил на помощь побежденным; сделавшись вторично виновником победы, он разбил все неприятельское войско, так что для всех стало ясно, что по старшинству происхождения и по храбрости он был достоин наследовать отцовскую власть».

Исход этого сражения не повлиял на конечный результат всей компании. Воины Арифарна и Эвмела укрылись в «царской крепости» сираков на р. Фат. Крепость «была хорошо укреплена»: ее окружала глубокая река и густой, непроходимый лес; она «имела всего два искусственных доступа, из которых один, ведущий к самой крепости, был защищен высокими башнями и наружными укреплениями, а другой был с противоположной стороны в болотах и охранялся полисадами». После длительной, безуспешной осады Сатир умер от раны, полученной при штурме крепости. Эвмел при помощи Арифарна захватил престол и правил шесть лет.

**Амага**, жена **Медосакка**, царя сарматов. В имени царя интересна вторая часть, восходящая к **саг** «олень» (Ж.В.: или из этноним саг, сака). В имени царицы первая часть **ама** означает «сильный», «могучий». Сарматская царица вполне оправдывала свое имя, ибо Медосакк, как писал Полиен, «предавался роскоши и пьянству». Амага же «сама чинила суд и расправу, сама расставляла гарнизоны в своей стране, отражала набеги врагов и помогала обижаемым соседям. Блестящая слава о ней разнеслась по всей Скифии». Херсонесцы с Таврического полуострова, теснимые одним из скифских вождей, попросили царицу принять их в число союзников. Амага послала скифскому вождю приказ прекратить набеги на Херсонес. Когда же «скиф не послушался, то она выбрала 120 человек, сильнейших душой и телом, дала каждому по три лошади и, проскакав с ними в одни сутки 1200 стадиев (1 аттический стадий=177 м) внезапно явилась ко двору царя и перебила всех стражей, стоявших у ворот». Скифы опешили от неожиданности; Амага ворвалась во дворец, убила царя, некоторых его родственников и друзей, а «власть вручила сыну убитого», приказав ему править справедливо и, помня печальную кончину отца, не трогать соседних эллинов и варваров.

**Спадин** — царь аорсов, упоминаемый Страбоном. Согласно его данным, этот царь выставлял 200 000 всадников. Цифра, возможно, завышена, но интересно, что имя царя образовано от др.-иран. **спада** «войско». Нелишне процитировать еще один сюжет Страбона: «Верхние аорсы выставляли еще больше (Спадина), так как они занимают более обширную область, владея почти что большей частью побережья Каспийского моря. Поэтому они вели караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая их в обмен от армян и мидийцев; вследствие своего благосостояния они носили золотые украшения».

**Зорсин** — царь сираков середины I в. н. э., союзник царя Боспора Митридата VII. Они боролись с царем Малой Армении Котисом и римским военачальником Аквиллой. Последние, не рассчитывая на свои силы, «направили послов к Эвнону, правившему племенем аорсов». В результате соглашения, Аквила приступил к осаде крепостей и поселений, а Эвнон бросил на врага свою конницу. Римско-аорское войско вступило в землю **дондариев**. Как разъяснено В. Ф. Миллером, поддержанным В. И. Абаевым, это племенное название означает «держашие реку»,

«живущие на реке»; ср. осетин, **дон** «река» и **дарын** «держать». Речь действительно идет о племени, жившем на реке в верховьях Кубани. Аквила и Эвنون взяли дондарский город Созы, оставили в нем гарнизон и направились в землю сираков. Вскоре укрепленный сиракский город Успа оказался в окружении. Штурм сходу едва не привел к успеху. «На следующий день,— отмечал Тацит,— осажденные прислали послов, просивших пощадить горожан свободного состояния и предлагавших победителям десять тысяч рабов. Эти условия были отвергнуты, так как перебить сдавшихся было бы бесчеловечной жестокостью, а сторожить такое количество — затруднительно (то решили): пусть уж лучше они падут по закону войны; и проникшим в город с помощью лестниц воинам был подан приказ к беспощадной резне». Столица сираков была уничтожена. Царь Зорсин «выдал заложников, простерся ниц перед изображением Цезаря» и отказался от поддержки Митридата.

**Эвنون** — царь аорсов середины I в. н. э., союзник Рима. После поражения сираков и Боспора, Митридат VII, выбирая, «к чьему милосердию он мог бы воззвать», решил обратиться к Эвнону, учитывая, что царь аорсов не питал к нему личной вражды и пользовался большим влиянием среди римлян. Одевшись «в подобавшее его положению платье и придав своему лицу такое же выражение», боспорец вошел в царские покои и, припав к коленям Эвнона, сказал: «Пред тобою добровольно явившийся Митридат, которого столько лет на суше и на море преследуют римляне; поступи по своему усмотрению с потомком великого Ахемена—лишь одного этого враги не отняли у меня».

Эта мольба произвела сильное впечатление на Эвнона. Подняв Митридата с колен, он пообещал ему помочь. Эвنون отправил к императору Клавдию (41—54 г. н. э.) послов и письмо, в котором, в частности, писал: «Начало дружбе между римскими императорами и царями великих народов кладется схожестью занимаемого ими высокого положения; но нас связывает и совместно одержанная победа. Исход войны только тогда бывает истинно славным, когда она завершается великодушием к побежденным —так и мы ничего не отняли у поверженного нами Зорсина (царя сираков). Что касается Митридата, заслужившего более суровое обхождение, то я, Эвنون, прошу не о сохранении за ним власти и царства, но только о том, чтобы его не заставили следовать за колесницею триумфатора и он не поплатился своей головой». Не без колебаний принял Клавдий предложение Эвнона. После этого Митридата VII выдали римлянам; прокуратор Понта Юний Цилон доставил его в Рим.

**Базук и Амбазук** — аланские цари I в. н. э. По В. И. Абаеву, **базук** — «плечо», **амбазук** — «равноплечий». Раннесредневековые закавказские летописцы и историки аланам отводят доминирующие позиции на Кавказе: их цари Базук и Амбазук смогли привлечь на свою сторону несколько отрядов из горцев Северного Кавказа для борьбы за интересы картлийских правителей. Интересно, что две существующие версии событий тех давних лет— древнегрузинская и древнеармянская — одинаково высоко оценивают роль аланских царей Базука и Амбазука. Леонтий Мровели: «Цари Картли — Азорк и Армазел — призвали овсов и леков, привели царей овских — братьев-голиафов по имени Базук и Амбазук — с войском овским. **И привели они с собой** пачаников (печенегов, кангаров) и джиков (адыгов)». Древнеармянская версия: «В это время цари Картли Азук и Азмайэр призвали на помощь царей леков и овсов, братьев — Базука и Амбазука. **И привели они с собой** пачаников и джиков, дурдзуков (вайнахов) и дидавков (дагестанцев), и общая армия картлийцев пришла в одно место...».

Как видно, оба источника указывают на ведущую роль алан на Кавказе: Базук и Амбазук **«привели с собой»** северокавказские дружины, которые численно превосходили собственно картлийское войско. Вполне закономерно грузинский хронист подчеркнул значение помощи алан (овсов). Это отметил еще В. Ф. Миллер: «В рассказе заметно, что оссы с их двумя царями-великанами играли важную роль, отодвигая на задний план грузинских царей».

Знаменитый древнеармянский историк Мовсес Хоренаци, повествуя о вторжении в Армению алан вместе с горцами и иверийцами, особую роль отвел аланам: «Около того времени аланы, соединившись с горцами и привлекая на свою сторону почти половину Иверии, огромными толпами распространились по нашей земле». Античные авторы, повествуя об этом походе, вообще говорят

лишь об аланах. Иосиф Флавий: «Племя аланов есть часть скифов, живущая вокруг Танаиса и Меотийского озера. В это время, замыслив вторгнуться с целью грабежа в Мидию и еще дальше ее, они вступили в переговоры с царем гирканов (иверов), ибо он владел проходом... И когда тот открыл им доступ, аланы, напав огромной массой на ничего не подозревавших мидян, стали опустошать многолюдную и наполненную всяким скотом страну, причем никто не осмеливался им противиться, ибо царствующий в этой стране Пакор (царь Парфии), убежав от страха в неприступные места, отступился от всего остального и лишь с трудом выкупил сотней талантов жену и наложниц, попавших в плен. И так, произведя грабеж с большою легкостью и без сопротивления, они дошли до Армении, все опустошая. Царем Армении был Тиридат, который, выйдя им навстречу и дав битву, едва не попался живым в плен во время самого боя; некто издал набросил ему на шею аркан и готовился уже притянуть его, если бы он не успел убежать, перерубив мечом веревку. Аланы, еще более рассвирепевшие вследствие битвы, опустошили страну и возвратились домой с большим количеством пленных и другой добычи из обоих царств».

Такую же картину рисует Амвросий: «Аланы ... обрушились на племя мидян... страна была многолюдна и изобиловала скотом; без сопротивления она легко была доступна грабежу, сам царь мидян Пакор удалился в недоступные места, заботясь скорее о своем спасении, чем о царстве, так что жена, дети и наложницы были захвачены аланами, а впоследствии выкуплены за сто талантов. Не был избавлен от опасности и царь Армении Тиридат... во время сражения он чуть было не попал от наброшенной петли во власть врагов, если бы не разрубил проворно преострым мечом безобразного узла. Ибо аланы искусны, и у них в обычае накинуть петлю и опутать врага, вследствие какой-то надменности от собственной храбрости и гордого презрения к прочим...». Таким образом, все источники — и закавказские, и античные — главенствующую роль в описываемых событиях отводят аланам Базука и Амбазука.

В рассказе Мовсеса Хоренаци большой интерес вызывает указание на то, что аланы «привели на свою сторону почти **половину** Иверии». Это свидетельство перекликается с сообщениями древнегрузинских и древнеармянских летописей и историков о «двоецарствии в Картли» (согласно «Картлис цховреба», оно началось в 57 г. н. э.). Речь, вероятно, идет о возвышении «вторых лиц в царстве», являющихся, обычно, членами правящего рода (дядя, брат, сын, племянник царя). Усиление противоречий в правящих кругах поощрялось соседними государствами, заинтересованными в ослаблении Картли.

О борьбе между членами царской семьи в Иверии нам известно и по римским источникам. Тацит говорит о примирении императором Тиберием «кивера Митридата... с царствовавшим в своей стране братом его Фарасманом». Далее Тацит характеризует Радамиста, сына фарасмана: «Статный, отличавшийся редкою телесною силой, овладевший всеми науками и искусствами, которым обучают на его родине, он был широко известен и среди соседних народов». Фарасман стал «опасаться охваченного жаждою власти и опирающегося на народную любовь юношу» и в конце концов умертвил его. Причем, интересно, что Радамиста поддерживал царь Армении.

В свете изложенного особую актуальность приобретают указания Мовсеса Хоренаци на то, что вторгшиеся в Армению аланы (Базук и Амбазук) привлекли на свою сторону лишь **половину** Иверии». Очевидно, другая половина находилась в союзе с армянами. В закавказских источниках указывается, какая часть Иверии находилась в одном лагере с аланами. По «Картлис цховреба», возвращающиеся из похода аланы и грузины стали лагерем на р. Иори, здесь стали делить пленных и трофеи. Здесь же произошла битва с преследовавшим их армянским войском. Также и по Мовсесу Хоренаци, алано-грузинское войско стояло «на северном берегу реки (Куры)». Следовательно, союзницей аланских царей Базука и Амбазука являлась левобережная Иверия — принадлежавшая, по грузинским источникам, «мцхетским (т.е. настоящим) царям». Правобережная Картли (домен армазского «второго» царя) в этой войне, вероятно, поддерживала армян. То, что Базук и Амбазук находились в союзе именно с царем Картли, а не с восставшим против него «вторым после царя лицом», подтверждает Иосиф Флавий, говоривший о заключении аланами союза именно «с царем гирканов (иверов), ибо он владел проходом».

Резюмируя изложенное, присоединимся к мнению академика Г. А. Меликишвили: поход алан Базука и Амбазука был обусловлен не только внешнеполитической обстановкой, но и внутренним положением Иверии. Ее царь воспользовался закавказским походом алан для укрепления своих пошатнувшихся позиций внутри страны, для восстановления своего господства над отпавшей правобережной Картли. Иными словами, Базук и Амбазук оказали решающее влияние на развитие событий в Иверии.

О прочности алано-иверийских отношений свидетельствует и факт заточения пленного армянского царевича Зорсина в Дарьяльской крепости, о чем говорят как грузинские, так и армянские памятники. О степени контактов говорит и сармато-аланское происхождение имени сына царя Иверии Фарасмана — Радамиста. В переводе с др.-иран. Радамист означает «получающий первую награду». Такое почетное аланское имя, данное царевичу (возможно, в зрелом возрасте) вполне соответствует ему, учитывая характеристику Радамиста, приведенную выше.

Об интенсивных контактах сармато-аланских племен с древнегрузинскими племенами убедительно свидетельствует археологический материал. Г. А. Ломтиадзе ставил вопрос о генезисе сарматской культуры и ее связях с южнокавказской культурой. Г. А. Меликишвили заострял внимание на «**интенсивном проникновении**» в Грузию выходцев «из сарматских или сарматизированных областей». Аланы, подчеркивал академик, «**в значительном количестве**» привлекались правителями Картли для участия «в их постоянных воинских отрядах», т. е. дружинах. «Некоторые из них, надо думать, **успешно** прокладывали себе путь **в иберийскую знать**». Этот процесс со времен Базука и Амбазука не ослабевал.

Во II в. Фарасман II организовал вторжение алан в парфянские и римские владения. Согласно свидетельству Диона Кассия, эта война «сильно потрясла Мидию, коснулась также Армении и Каппадокии». Парфянский царь Вологес II (122—149 гг.) вынужден был откупиться от алан «дарами».

Участие значительного числа представителей военной аристократии алан в операциях дружин правителей Картли сказывалось на этническом составе иверийской знати — часть ее была аланами по происхождению (Г. А. Меликишвили, Г. В. Цулая, Г. Д. Тогошвили). В этой связи огромный интерес представляют армазские эпиграфические надписи, обнаруженные в районе Мцхеты — древней столицы Картли. Значение этих надписей трудно переоценить — в них упоминается целый ряд высших должностных лиц Картлийского царства I—II вв., имеющих большое значение для изучения социально-политического строя Иверии.

Значительная доля упоминаемых в армазских надписях имен сармато-аланского происхождения, например: питиахши Сарагас (**сар+агас**=«с невредимой головой»), Аспарук (**аспа+раука**—«имеющий светлых коней»), дворюправитель Иодманган («тщедушный») и др. Но особый интерес представляет антропоним иверийского царя II в. Хсефарнуга, в имени которого выделяется корень **фарн** — аланское (осетинское) слово со значением «небесная благодать», «высшая сила». Г. А. Меликишвили и Ю. С. Гаглойти обратили внимание на то, что в армазской надписи отсутствует упоминание имени отца Хсефарнуга. Данное обстоятельство выглядит странно, т. к. перечисляемые вместе с Хсефарнугом высшие должностные лица Иверии фигурируют в эпитафии вместе с отцами. Исключением является царь Фарасман, предшественник Хсефарнуга, имя отца которого также не указано. Как заметил Г. А. Меликишвили, это могло быть результатом сознательного нежелания упомянуть отца Хсефарнуга. По данным хроники Леонтия Мровели, Фарасмана отравили в результате дворцового заговора. На основании перечисленных фактов Г. А. Меликишвили пришел к выводу, что отец Хсефарнуга не был царем, а сам он, возможно, пришел к власти в результате этого заговора.

Интересный момент подметил Ю. С. Гаглойти у известного исследователя кавказских древностей Ф. Д. де Монпере. Анализируя грузино-аланские взаимоотношения начала и. э., французский ученый писал: «Судя по тексту (Флавия) Арриана, осетины не только заключили союз с Грузией, но и подчинили это царство своему господству». Хотя последний сюжет нуждается в уточнении, участие аланской аристократии в формировании иверийской знати несомненно.

**Баракад** (от осетин, **бæркад** «изобилие») — «второй царь». Информацию о нем и царевне **Сатиник** содержит ряд древнеармянских источников V в.: два «Жития», «История Армении» Мовсеса

Хоренаци. Рассказ о них, в сокращенном варианте повторенный в трудах армянских историков X в. Иоаннеса Драсханакертци и епископа Ухтанеса, имеет фольклорную основу. Но, по мнению К. С. Тер-Давтяна, в нем отражены отголоски реальных исторических событий начала н. э. Содержание источника таково: Во время похода в Армению сын аланского царя был захвачен и приведен к Арташесу. Попытки царя алан освободить сына из плена не увенчались успехом. В конфликт вмешалась царевна Сатиник и дело закончилось освобождением ее брата; а сама она вышла замуж за царя Арташеса. Вместе с нею в Армению прибыла группа сородичей. «Это были мужи видные и представительные, царского рода и главные среди дворцовых и военных чинов при дворце царя алан». Старший среди них, по имени Баракад, на родине «был вторым по престолу соцарствующим царя». Оставшиеся при дворе Арташеса аланы вскоре (после проповедей монахов Воскянов) приняли крещение и отправились отшельничать на гору Коса-Таг. Через 44 года новый царь алан Гирианос (Датианос) узнал о том, что много лет назад некоторые бывшие аланские полководцы отправились с царицей Сатиник, крестились и не желают «поклоняться богам царей аланских и армянских». Гирианос послал за «святыми мужами» отряд воинов во главе с военачальником Барлахом (ср.: осетин бæллæх «беда»). Однако вероотступники отказались выехать на родину и в соответствии с наказом царя Барлах перебил их. Приведенный фольклорный сюжет уже становился предметом анализа специалистов. Ж. Дюмезиль и В. И. Абаев привели ряд интересных параллелей между Сатиник древнеармянских источников и Сатаной нартовского эпоса. В. А. Кузнецов, подчеркнув значимость предания о Баракаде для выяснения не только армяно-аланских контактов, то и фактов внутренней жизни алан, привлек его для реконструкции ранних этапов распространения христианства у алан. Нас интересует социальная информация, содержащаяся в этом памятнике.

И «Жития» и Мовсес Хоренаци единодушно причисляют Баракада и Сатиник к царскому роду алан. Баракад в своем племени был «вторым по престолу», т. е. вторым лицом после царя. Хоренаци в уста Сатиник вложил слова о том, что ее родственники являлись «потомками богов», а таковыми могли считаться только представители правящей династии. Вспомним, например, аргументы скифских царей о божественной санкции их власти и священном характере их особ. Укажем на этимологию имени аланского царевича Баракада — **бæркад** «изобилие». Связь антропонима со словом **бæркад** тем более вероятно, что один из главных сановников «среди дворцовых и военных чинов» алан мог носить имя, указывающее на его богатство.

Вскоре после свадьбы аланской царевны и Арташеса умер отец Сатиник и править должен был ее брат. Но трон захватил его противник. Арташес послал полководца Смбата «с войском на землю Аланов на помощь брату Сатиник... Смбат опустошил землю его врагов, которых в большом множестве отвел в плен в Арташет». Царь приказал пленных поселить на юго-восточной стороне Масиса, дав этой местности «название Артаза; потому что земля, откуда переведены пленные, до сего времени называется Артазом».

Данный сюжет свидетельствует не о внутривременной борьбе за лидерство, а скорее указывает на межплеменные столкновения в конфедерации алан. К такому выводу склоняют два фрагмента из «Истории Армении». Противники брата Сатиник «завладели **их землею**»; Смбат, придя на помощь брату Сатиник, «опустошил землю его **врагов**». Следовательно, здесь речь идет о двух племенных княжениях и борьбе за лидерство над обоими. Причем, Мовсес Хоренаци локализует их конкретно: «Земля, откуда переведены пленные, до сего времени называется Артазом». Армянские авторы со времен Мовсеса считали Артаз (Ардоз) исконной территорией некоторых аланских племен на Северном Кавказе. Этимологическое значение Ардоз — «поляна, равнина» (Ж.В.: в болг. рудина). В. Ф. Миллер связывал местность Ардоз с Владикавказской равниной. А. В. Гадло конкретизировал эту точку зрения: «Ардоз Кавказских гор» — это весь район низменности, орошаемый Терекон, до его поворота на северо-восток ниже впадения р. Сунжи. Анализируемые источники содержат информацию о серьезных конфликтах внутри правящих династий аланских племен. Начнем с того, что отец Сатиник не случайно, видимо, отослал Баракада в Армению. Таким образом он избавился от одного из своих главных конкурентов. Древнеармянские «Жития» отводят Баракаду видное место в социальной структуре аланского общества. Эти источники впервые знакомят нас с институтом «второго царя» у алан: Баракад был «вторым по престолу

соцарствующим царя». Барлах, прибывший в Армению за аланами-отшельниками, также упоминал должность «второго царя». Обращаясь к Баракаду, он предлагал: «Возвратись к прежним почестям, воссядешь на втором престоле».

Конечно, существование столь могучего «второго лица» не могло долго продолжаться и царская власть должна была приложить все усилия для ликвидации этого института. В противном случае царь сам рисковал потерять власть. В свете изложенного, отсылку Баракада в Армению в свадебном поезде Сатиник следует рассматривать как попытку ликвидации рассматриваемого института. Аналогичные процессы протекали в то время у многих народов.

Судя по имеющимся источникам, «вторые цари» в Алании, Грузии и Армении являлись близкими людьми монархов, часто даже родственниками (братьями, сыновьями).

В чем причина такой структуры верховной власти? Однозначно ответить пока трудно. Возможно, мы имеем дело с остаточными явлениями в организации управления предшествующих эпох. На определенном этапе развития многих этносоциальных организмов воображение народа наделяло царя сверхъестественными способностями, полагая, что общественная жизнь и ход природных явлений находятся под его контролем. Вера в его божественную силу и страх потерять ее приводили к табуированию почти всех действий царя и предметов вокруг него. Жизнь его постепенно превращалась в цепь строгих запретов и он все более устранялся от управления. В таких условиях правящая династия, если ей удавалось, реальную власть передавала кому-либо из своих членов. В других случаях нити управления сосредотачивались в руках соперников. При любом варианте какое-то время существовала двойственная структура власти. В одних случаях новая знать, узурпировав власть, продолжительный период сознательно сохраняла для «прикрытия» правящий прежде клан. Так, например, положение кагана у хазар и кендер у мадьяр сложилось в результате захвата власти новыми династиями, нуждавшимися в прикрытии авторитетом традиционных правителей. У других народов (алан, грузин) историческое развитие довольно быстро привело к ликвидации (или попытке уничтожения) «двоецарствия». Очевидно это объясняется примерно равными возможностями противоборствующих группировок в борьбе за реальное лидерство внутри общности, что ожесточало борьбу за трон.

В рассматриваемом предании о Баракаде мы, как представляется, имеем дело с фольклорным отражением такой борьбы. Свидетельством этого является убийство алан-христиан, живших на горе Коса-Таг. Для выяснения причин их гибели необходимо восстановить последовательность правления царей у соплеменников Баркада. Сопоставляя информацию «Житий» и Хоренаци, мы можем решить этот вопрос. Сначала царем был отец Сатиник, затем ее брат Шапух\* и наконец — Гигианос (Датианос). Последний ничего не знал об аланских отшельниках. О вероотступничестве ему рассказали «некоторые из аланов, которые ездили в Армению: после смерти Сатиник они подружились с ее сыновьями и расспросив, осведомились о святых мужах, что (живут) на горе; в особенности хорошо знал обо всем этом некий нахарар (вельможа) по имени Скуер...» Гигианос послал за аланскими отшельниками отряд во главе с Барлахом, наказав убедить «их многочисленными подарками вернуться сюда, если же не захотят вернуться, всех предайте мечу». Барлах, уже в Армении узнав о принадлежности Баракада к высшему слою военной аристократии и той роли, которую он прежде играл при дворе царя алан, уговаривал христианина: «возвратись к прежним почестям, воссядешь на втором престоле (подушке) и в славе и покое проведешь дни старости своей». Как уже отмечалось, отшельники отказались вернуться на родину и были перебиты.

В чем же причина конфликта между Баракадом и Гигианосом? Что они не поделили, находясь в сотнях километров друг от друга и не будучи даже знакомы? На наш взгляд, за туманными известиями древнеармянских памятников скрывается конфликт противоборствующих группировок в аланском обществе. Само по себе отступление от языческих верований в тогдашних условиях — тяжкое преступление. Но только оно вряд ли могло привести к столь жестокому наказанию (ведь Арташес, отец и братья Сатиник не расправились с отшельниками). Конечно, крещение Баракада и его сподвижников не нашло понимания и одобрения у Сатиник. «Поэтому царица встречала их с неудовольствием, ибо боялась, как бы царь и сыновья царские не подумали, что она согласна со

своими сородичами, учителям же их, Воскеанам, запретила показываться во дворце». Узнав об этом и «увидев, что лицо родственницы их Сатиник не так доброжелательно, как раньше, (аланы-христиане) и сами начали избегать ее дворца». После смерти Сатиник и Шапуха сведения о «святых мужах», просачиваясь в Аланию, стали использоваться противниками кривящего клана в борьбе за престол. Скорее всего этим противником являлось жречество. Подобные конфликты, в основе которых лежала борьба за власть между различными группировками внутри господствующего слоя, на заключительных этапах классового образования и в раннеклассовых обществах не были редкостью. Известно о борьбе кшатриев и брахманов за руководящее положение в древней Индии. Аналогичную картину Тацит и Марцеллин отметили у германских племен. Из рассказа Геродота о скифах можно заключить, что отношения между царем и жрецами-гадателями далеко не всегда были идиллическими. За убийствами Анахарсиса и Скила лежит, быть может, конфликт между жречеством и носителями светской власти. Геродот же изложил официальную точку зрения, предложенную ему Тимном—доверенным лицом скифского царя. Официальная мотивировка убийства Анахарсиса, естественно, акцентировала внимание на поступках (действительных или мнимых) царевича, способных вызвать наибольшее осуждение скифов, а именно на его совершившееся, якобы, отступничество от родных богов и обычаев.

Вероятно, нечто подобное имело место и у алан. Противники правящей династии пытались, очевидно, использовать факт «нежелания поклоняться богам царей аланских» некоторыми членами царского рода, оказавшимися в Армении. В период классового образования авторитет, личные качества претендента имели немаловажное значение в борьбе за лидерство. В таких условиях вероотступничество (даже дальних родственников) являлось серьезным преступлением и грозило лидеру потерей многих сторонников, а в конечном итоге — трона. В связи с этим становятся понятными жестокие меры Гирианоса в отношении аланских отшельников с горы Коса-Таг.

**Распараген** — царь роксаланов начала II в., активный участник важнейших политических событий на Дунае. В конце I в. даки Децибала перерезали в районе Железных ворот на Дунае единственный узкий коридор, связывавший роксаланов с язигами (сарматами). В начавшейся затем дако-римской войне язиги заняли выжидательную позицию. В 83 г. в битве при Топае даки потерпели тяжелое поражение. Силы римских войск также истощились. Язиги посчитали момент благоприятным для вмешательства в войну и в одном из сражений уничтожили целый римский легион вместе с легатом. После этого в войну вступили союзники язигов — роксаланы и германское племя свебов. Встревоженный император Домициан предложил мир и даже обещал платить ежегодную дань. Союзники, приняв условия, тем не менее фактически продолжали войну. В апреле 92 г. Домициан выступил против сарматов, нанес им поражение и в январе 93 г. вернулся в Рим. Боевые действия не прекращались вплоть до смерти Домициана и воцарения престарелого Нерва. После его кратковременного правления римский престол занял Троян — опытный генерал Домициана, хорошо знавший как театр военных действий, так и традиции и обычаи сарматов. Пять долгих лет он вел кропотливую подготовку к походу. В начале II в. Троян относительно легко оккупировал Дакию, тем самым изолировав язигов от роксаланов. Последним он предложил платить дань и временно обеспечил их нейтралитет.

Однако Троян так и не смог нанести решающего удара по язигам. Более того, последние, понимая, что изоляция от роксаланов для них губительна, перешли в контрнаступление, большими силами вторглись в Нижнюю Паннонию и в только что завоеванную римлянами Дакию. Осенью 117 г. язиги выступили совместно с роксаланами Распарагена. В качестве предлога роксаланы представили свои жалобы на якобы имевшее место «уменьшение дани». Новый римский император Андриан, чтобы окончательно не потерять плоды побед своего предшественника, поспешил отправиться в Мезию для заключения мира с царем роксаланов Распарагеном. В преклонном возрасте последний принял римское гражданство и был похоронен в городе Пола. Его сын поставил ему памятник, на котором есть текст со словами: «царь сарматов»; но в источниках упоминается и другой титул — «царь роксаланов». Очевидно, это связано с тем, что при заключении мира с Домицианом Распараген представлял и язигов, и роксаланов. Кстати, имя это представляет собой кальку с сармато-аланского (по В. И. Абаеву) Растбарагон «честный, справедливый». Правда, сам же

В. И. Абаев считает возможным Распараген выводить из корня **спар** «наступать». (Ж.В.: более вероятно из *рас* – правда, как в протобулг. имя Расате и *спар* – наступать.)

До июля 119 г. язиги безуспешно пытались прорвать блокаду Паннонии. От роксаланов их отделяла непрерывная линия укреплений, гарнизоны которых император Андриан успел увеличить. Кроме того, массивная двойная стена в несколько метров толщиной и три метра высотой на протяжении 94 миль шла от левого берега Прута до Днестра и кончалась у современного города Бендеры в Молдове. Эти укрепления запирали роксаланов в пределах нижнедунайской низменности.

**Ашхадар**—аланский правитель начала IV в. Мовсес Хоренаци упоминает его в рассказе о правлении армянского царя Трдата III (298—330 гг.): «Трдат, по возвращении в нашу страну, посылает аспета Смбата, отца Багарата, привести ему в жены девицу Ашхен, дочь Ашхадара ...приказал записать ее в Аршакуни, облечь в пурпур, возложить на нее корону, дабы она могла стать супругою царя».

По мнению Р. А. Габриелян, армянский царь решил установить мирные, дружественные отношения с аланами. Как это часто бывало в эпоху средневековья, дружественные отношения закреплялись династическим браком. Женившись на аланской царевне, Трдат, таким образом, не только оградил свою страну от опустошительных набегов алан, но и приобрел сильного, надежного союзника. Подтверждением этому являются многочисленные факты участия аланских дружин в отражении агрессии в Армению. Интересна интерпретация армянскими учеными аланских антропонимов. Г. М. Налбандян, обратив внимание «на внутреннюю связь между именами Ашхен и Ашхадар», оба имени выводил из иранского корня **хша** «власть». Исходя из этого, **Ашхен** отождествляется им с осетинской формой **æхсин** (æхшин) — «госпожа», «княгиня». По убеждению ученого, именно из этой осетинской формы перестановкой «х» и «ш» «образуется армянское имя Ашхен». Имя Ашхадар Г. М. Налбандяном также выводится из иранского: оно образовано от **хша** «власть»+**дар** «иметь», «править», в целом — «имеющий власть».

**Равсимод** — царь роксаланов начала IV в. В конце III в. язиги начали новую фазу борьбы против Римской империи. Постепенно в нее были вовлечены большие массы роксаланов и алан. Эти «Дунайские войны» с перерывами продолжались до 374 г. Дружины ираноязычных племен проникали далеко вглубь империи, докатываясь до Вены. Рим постоянно находился в напряжении, сражаясь с объединенными отрядами сарматов. Одним из участников Дунайских войн был царь роксаланов Равсимод. В 332 г. его дружина «переправилась на судах через Истр» и атаковала римлян. Равсимод безуспешно осаждал хорошо укрепленную крепость Кампону.

**Арсаком** — «скиф», упоминаемый Лукианом Самасатским (II в.). Лукиан относит Арсакома к «бедным и простым скифам». Но последний, очевидно, выделялся среди соплеменников, ибо был послан к царю боспорцев Левканору за данью, «которую постоянно платили боспорцы, а тогда просрочили почти на три месяца». Выполнив поручение, Арсаком остался на пир, устроенный в его честь царем Левканором. Во время обеда он увидел царевну Мазею и сразу же влюбился в нее. За столом находилось немало «царей и царевичей соседних народов», специально приехавших свататься. По обычаям боспорцев каждый жених получал чашу, выливал ее содержимое на стол, «осыпая себя при этом похвалами, насколько каждый может похвастать или благородством происхождения, или богатством, или могуществом». После того как многие претенденты на руку Мазей поступили подобным образом, Арсаком потребовал чашу, но не вылил ее содержимое, а, напротив, выпил ее залпом и сказал: «Царь, отдай мне в замужество свою дочь Мазею, потому что я далеко превосхожу этих и богатством и владениями». На удивленный вопрос Левканора: «А сколько у тебя, Арсаком, стад или телег? Ведь в этом заключается ваше богатство» — последовал ответ: «У меня нет ни телег, ни стад, но есть два верных и добрых друга».

Арсаком был талантливым военным предводителем. Лукиан описывает связанный с ним набор военного отряда. Это описание очень важно для историков, т. к. характеризует один из этапов формирования военной аристократии. Арсаком принес в жертву быка, сварил мясо, а сам, разостлав на земле шкуру, сел на нее. «Все желающие подходят, берут по части мяса и, став правой ногой на шкуру», обещают доставить бесплатно — кто несколько всадников, кто пеших, а кто—только самого себя. «Такое войско держится очень крепко и для врагов непобедимо, как связанное клятвой,



ибо вступление на шкуру равносильно клятве. Так поступил и Арсаком; у него собралось около 5000 всадников, а тяжело вооруженных и пеших вместе 20000».

---

*\* Еще одно доказательство того, что фольклор беззаботно относится к географии, хронологии событий, мерам веса, объема и т. д. По древнеармянским источникам, Шапук, аланский военачальник, царь, проводивший жизнь в походах и набегах, после выхода замуж сестры Сатиник прожил еще 44 года. Это представляется маловероятным. В раннее средневековье примерно треть жителей гибла насильственным путем или умирала от голода и болезней. Немногие умирали естественной смертью после 50 лет. Средний срок жизни у восточных славян равнялся 36,5 годам, у летто-литовцев — 39,5, у поволжских финно-угорских народов — 36,5, у северокавказских народов (на рубеже I—II тысячелетий) — 34.*

### **Аланы в эпоху «Великого переселения народов». Часть 1.**

Конец IV в. стал важной вехой в истории не только алан, но и всей Европы. В этот период началось так называемое «Великое переселение народов», вызванное передвижением гуннских племен с Востока на Запад. По свидетельству Аммиана Марцеллина, гунны «не знают над собой строгой царской власти и довольствуются предводительством кого-нибудь из своих старейшин». Аланы в это же время проживали на огромной территории Приазовья, Подонья и Предкавказья. Племена их возглавляли родоплеменные вожди («скептухи» античных авторов). К IV в. существенно усилилась роль военной аристократии («багатары», «военные чины»). Аммиан Марцеллин оставил интересное описание быта алан. Часть племен вела оседлый образ жизни, питаясь «полевыми плодами; все остальные, кочующие по обширным степям, никогда не испытывавшим ни сохи, ни посевов... питаются отвратительным образом по-звериному. Все их имущество, жилища и бедная утварь сложены на покрытых корой кибитках; они беспрепятственно переезжают, когда вздумается, перевоза, куда заблагорассудится, свои повозки».

В III—IV вв. сарматские племена Северного Причерноморья вступили в контакт с готами. В середине IV в. здесь сложился остготский союз племен во главе с Германарихом. Часть сармато-алан входила в состав этого союза. Готы, как и аланы, находились на стадии военной демократии. Но у готов очень велика была роль жреческого сословия. По свидетельству Диона Златоуста, из среды жрецов «поставлялись короли». Самым почитаемым божеством у готов был бог войны Марс. «Этого Марса готы постоянно ублажали жесточайшим культом (жертвою ему было умерщвление пленных), полагая, что возглавителя войн пристойно умиловить пролитием человеческой крови. Ему посвящалась первая добыча, в его честь подвешивали на стволах деревьев трофеи». Божество войны весьма почиталось и аланами. Поданным Аммиана Марцеллина, аланы поклонялись мечу, воткнутому в землю.

В 372 г. огромные орды гуннов форсировали Волгу и вторглись в земли алан. Главный удар гунны нанесли по аланам Приазовья и их союзникам — готам. Гунны многих алан «перебили и ограбили, а остальных присоединили к себе по условиям мирного договора». По свидетельству Иордана, гунны подчинили часть алан, «обессилив их частыми стычками». С их помощью они напали на готов Германариха и одержали победу. После этого гунно-аланский союз двинулся в Западную Европу, а часть готов и алан — в Константинополь. В Византии готы-аланские дружины играли важную роль, их предводители (в первую очередь аланские «багатары») фактически определяли развитие событий в Восточноримской империи. Так, например, одно аланское семейство военных аристократов (три поколения) на протяжении полувека — во время правления императоров Феодосия II, Маркиана и Льва—удерживало господствующее положение в Константинополе.

Несколько аланских племен в составе гуннских орд в 376 г. появились на Нижнем Дунае и с этого времени неоднократно совершали набеги на Римскую империю. В одном из писем Иероним отметил, что варвары, среди которых названы и аланы, распространились между Константинополем и Альпами; всюду здесь «уже более двадцати лет проливается римская кровь. ...Опустошают,

присваивают, хищнически захватывают готов, сарматов, квадов, алан, гуннов, вандалов, маркоманнов». Но и наиболее опасными врагами Римской империи источники считают готов, гуннов и алан. Эти объединенные силы в 378 г. нанесли страшной силы удар по Римской империи; в битве под Андрианополем было убито 40 тысяч лучших римских легионеров во главе с императором Валентом. По оценке видного советского историка Н. А. Машкина, «битва при Андрианополе имела огромное всемирно-историческое значение», ибо в результате ее империи был нанесен удар, от которого Рим уже не смог оправиться. В этой битве аланская конница, согласно Аммиану Марцеллину, сыграла решающую роль.

Римские императоры стали привлекать «варварские» племена на военную службу, поселяя их за жалование и земельные наделы вдоль границ Рима. При императоре Грациане (375—383 гг.) аланы включаются в состав римской армии. В 380 г. вождями гото-аланских дружин, расположенных в Паннонии, были Алафей и Сафрак. По данным Л. Варади, алан в войске Сафрака было 20 тысяч воинов. Интересно отметить, что император Грациан перед войсками появлялся в аланском вооружении.

Заслуживает упоминания история западно-римского императора Максимиана, наследника Грациана. Отцом Максимиана был гот, мать аланка. Максимиан обладал незаурядными способностями, поступил на службу в римскую кавалерию в Британии. Поддержанный римскими войсками в Галлии, он после гибели Грациана захватил престол и стал первым императором «варварского» происхождения.

В V в. аланы продолжали играть важную роль в политической жизни Европы. Иордан отметил алан во главе с Сангибаном, Григорий Турский — алан с их вождем Реслендиалом; аланы под предводительством Гоара, направленные патрицием Аэцием в Арморик, и аланы Беорга, напавшие на Северную Италию — все они отделились от той группы, которая вместе с вандалами перешла Рейн в последний день 406 г. и расселилась в Галлии. Часть их осела возле Луары, другая группа разместилась на Роне и по ее притоку Изеру; третья — остановилась около Гаронны. Некоторая часть алан продолжала сопровождать вандалов и перешла с ними в Испанию в 409 г. Гейзерих (428—477 гг.) перед отправкой в Северную Африку в 429 г. распределил свое войско по отрядам, состоявших из вандалов и алан. Число воинов достигало 50 тысяч. Вероятно, аланы слились с вандалами. В «Хронике» Идация (умер около 470 г.) имеется сведение, что в 418 г. погиб последний аланский «король Аудак... и уничтожилось» аланское королевство, т. к. много алан погибло в войне с вестготами. После этого аланы подчинились вождю вандалов Гунтариху, предшественнику Гейзериха.

Незадолго до этого некоторые аланские дружины вместе с вестготами Алариха двинулись в Южную Галлию. Они захватили Нарбонну, Тулузу и Бордо, но в Базасе были остановлены. Граф Павлин из Пеллы рискнул выбраться из осажденного города для переговоров с вождем алан. За спасение своей семьи граф пообещал аланам земли для расселения. Разработав детальный план, вождь алан в качестве заложников отправил в Базас свою жену и любимого сына. Графу разрешили вернуться в город, а аланы развернули свои войска кольцом вокруг крепости. Вестготы вынуждены были снять осаду. В соответствии с соглашением, аланы получили землю между Тулузой и Средиземным морем, причем они могли держать под контролем дороги, связывавшие Галлию с Испанией.

Такова в самом кратком виде история алан, ушедших с гуннами в Европу. Сильное влияние гуннское нашествие оказало и на алан, оставшихся на Северном Кавказе. Армянские источники указывают, что в середине V в. гунны сохраняли свои позиции на Северном Кавказе, располагаясь в непосредственной близости к ущельям, отделявшим их от Албании. На рубеже V—VI вв. в область политического господства алан не входил стратегически важный Дарьяльский проход. По сведениям Прокопия Кесарийского, при императоре Анастасии (491—518 гг.) проходом владел «гунн Амбазук», имя которого указывает на его связь с аланской элитой. В 507 или 508 г. персидский царь Кавад прогнал детей Амбазука и захватил проход. Согласно хронике Захария Ритора, Кавад настойчиво спрашивал с византийцев сумму в 5 кентинариев золотом, которое он получал в качестве платы за содержание персидского гарнизона, оберегавшего

Дарьяльский проход от гуннов. (Ж.В.: Не надо мешать гунны Атила и хонские племена Северного Кавказа, они ничего общего не имеют. Так что гунн, никогда не ходили на Северном Кавказе!) Эти события конца IV—начала VI вв. затронули группы алан, проживавших на равнине и в предгорьях Северного Кавказа. В их среде активно шел процесс выделения сословия профессиональных воинов — дружинников. Отрыву военной аристократии от рядовой массы населения в I половине I тысячелетия способствовало и освоение аланами новых территорий на равнине и в ущельях Центрального Кавказа. Смешение с коренными жителями привело к замене родового принципа организации поселений и формирования воинских контингентов на территориальный. Этот процесс еще более усилился после гуннского нашествия, которое коренным образом изменило относительно стабильную этнополитическую обстановку в Предкавказье, привело к перемещению больших масс населения, установлению доминанции кочевых племен. Археологических памятников алан V в. — столетия, полного крупных потрясений — исследовано пока мало. На территории Северной Осетии можно отметить могильники у с. Брут и с. Октябрьское, крупное городище в районе с. Зилга. Это памятники алан, живших здесь оседло еще в догуннское время. В их среде, судя по погребальному обряду, уже имела место социальная дифференциация. Рядовое население хоронили в грунтовых ямах, тогда как знать погребали в глубоких, тщательно высеченных в глине катакомбах. Принадлежность катакомб социальным верхам подтверждается наличием в них обломков железных мечей и кинжалов, золотых вещей и т. д.

Сложные миграционные процессы и изменения этнополитической обстановки в регионе на рубеже IV—V вв. привели к необходимости реорганизации управления у алан. Потребность в этом диктовалась как необходимостью регулирования отношений с местным населением, так и защиты своей территории от давления извне. Новое условие подрывало родовой строй двояким образом: «Во-первых, оно создавало публичную власть, которая уже не совпадала просто-напросто с совокупностью вооруженного народа; во-вторых, оно впервые разделяло народ для общественных целей не по родственным группам, а по **проживанию на одной территории**». Важнейшие дела все чаще стали решаться «царями» и их окружением — советом. Интересное описание совета грузинского «царя» Вахтанга (сер. V в.) оставил Джуаншер: Вахтанг созвал «знатных картлийцев и собрал их всех в городе. И устроившись в одном из зданий, воссел на высоком престоле. На престоле же восседал **спаспет** Джуаншер и оба его епископа, а все прочие эриставы расселись по креслам, а тысячники и сотники и прочие воины тут же стояли навтыжку».

Союзы этнотерриториальных групп алан возглавляли «цари». Источники указывают на «соцарствующих» архонтов — совет, в котором каждый знал свое место. Аланский военачальник Барлах, отправленный в Армению за бывшим аланским военачальником Баракадом, уговаривал его вернуться на родину: «Согласись со мной и вновь удостоишься прежнего положения и возляжешь на втором месте (после царя)».

Армянские источники V в. к элите аланского общества, помимо «царей», «дворцовых и военных чинов», причисляли и «нахараров». Последний термин иранского происхождения. Его этимологическое значение — «областной правитель». Как показал А. П. Новосельцев, в начале н.э. прежние армянские наместничества превратились в полусамостоятельные княжества, владельцы которых известны как нахарары. У них в ту пору были свои замки, дружины и определенная территория.

Судя по армянским источникам, военной аристократии принадлежало видное место в аланском обществе середины I тысячелетия. Вместе с тем, те же источники отделяют «военные чины» от «нахараров», т. е. военную аристократию названные источники отделяют от родовой знати. И тот и другой тип знати далеко отстоял от рядового населения. Разделение всего народа на «благородных» и «неблагородных» — важный шаг к разрушению родового строя. Такое разделение «раскрывает перед нами новые, незаметно развившиеся общественные элементы. Оно показывает, что вошедшее в обычай замещение родовых должностей членами определенных семей превратилось уже в мало оспариваемое право этих семей на занятие общественных должностей; что эти семьи ...начали складываться вне своих родов в особый привилегированный класс и что эти их притязания были освещены только еще зарождавшимся государством».

Начало второй половины I тысячелетия на Кавказе ознаменовалось крупными политическими потрясениями—столкновением Византии с Ираном. В этот конфликт были втянуты практически все народы региона. Участие алан в войнах между Византией и Ираном оказало серьезное воздействие на социальные процессы, способствуя дальнейшему отрыву элиты и особенно военной аристократии от массы рядовых соплеменников. В середине I тысячелетия обособилась социальная группа знатных профессиональных конных воинов. Причем, военно-служилая знать алан была неоднородной. Дружины возглавляли вожди-полководцы («вторые цари» по терминологии Мовсеса Хоренаци). Сами дружинники разделялись на отдельные социальные слои. Это деление нашло отражение в языке. Высший слой дружинников назывался «багатарами». Следующая прослойка служилой знати обозначалась одним из ранних полувоенных-полусословных терминов — «алдар». Он восходит к периоду военной демократии и первоначально обозначал не более как «военный предводитель». Интересно, что в венгерском слове, заимствованном у алан, оно означает «начальник охраны», «начальник сотни». Наконец, существовала прослойка конных воинов, живших, главным образом, крестьянским трудом и почти ничем не отличавшихся от рядовых общинников. По существу, это та «молодшая дружина», которая известна по Киевской Руси.

VI в. стал временем «демографического взрыва для того населения северокавказских гор и предгорий, которое принято отождествлять с аланами» (В. Б. Ковалевская). На увеличение плотности населения степных и горных районов Северного Кавказа указывают материалы могильников Гиляч, Тамгазык, у Вольного аула, с. Брут, с. Октябрьское, с. Мартан-Чу, на р. Березовке, у г. Майского, г. Пятигорска и др.

Демографический взрыв VI в. и увеличение плотности аланского населения имели большие социальные последствия. Названные факторы вынуждают к более тесному сплочению как внутри, так и по отношению к внешнему миру. Союз родственных племен (конфедерация) становится необходимостью, а вскоре становится необходимым слияние отдельных племенных княжений в общую территорию всего народа.

На первые роли в аланской среде выходила новая, военная по происхождению, аристократия.

## **Аланы в эпоху «Великого переселения народов». Часть 2.**

**Саул** (Савл) — предводитель аланских дружин в Римской империи начала V в. В 401 г. у Полинции в битве римлян с вестготами он руководил ходом сражения. Объединенному римско-аланскому войску удалось разбить готского короля Алариха, спасшегося бегством. Это было третье поражение Алариха, и все три раза королю вестготов удавалось бежать. Из-за этого распространились слухи, будто римский полководец Стилихон и аланский вождь Саул не всегда верны империи. Когда Аларих с новыми войсками вторгся в Италию, Стилихон за помощью вновь обратился к аланам. Хотя они были сильно задеты необоснованными подозрениями римлян, Саул смог убедить соплеменников собраться в поход, и призвал их в случае необходимости отдать жизнь за империю.

В сражении у Вероны Стилихон аланам отвел главную роль. Аланский военачальник Саул (Савл), описанный современниками как маленький, покрытый шрамами воин с горящими глазами и мужественным лицом, возглавил один из флангов римской армии и нанес готам ощутимый удар. Его смерть в самой гуще сражения освободила алан от прежних подозрений. Гибель Саула настолько ошеломила войска, что они отступили. Однако, быстро оправившись, аланская конница помогла Стилихону восстановить боевой порядок.

Несмотря на смерть вождя, столь ярко продемонстрировавшего верность воинскому долгу, аланы продолжали служить императору; когда в 405 г. над Римом нависла очередная угроза «варварского» вторжения, Стилихон вновь позвал алан на помощь. Составлявшие основную часть армии Стилихона аланы — не просто наемные солдаты. Рим расселял алан в качестве колонистов. Им раздавались государственные земли с тем условием, что они обеспечат римскую армию войсками. Служба алан в Риме оказала заметное воздействие на уровень мастерства императорской

кавалерии. Уже вскоре римские офицеры, отмечает Б. Бахрах, «считали императорскую кавалерию блестящей и не нуждавшейся в улучшении».

**Гоар (Го+ар «добывающий скот»)** — предводитель аланских племен в Западной Европе начала V в. Заключив договор с римлянами, он со своими дружинами поселился на стратегически важных местах. В 409 г. аланы и вандалы вошли в Испанию. После двух лет опустошительных набегов и грабежей они заключили соглашение с местными властями о разделении земли. Они надеялись, что империя признает за ними права федератов. Но Константин, римский военачальник на Западе, предпочел использовать незадолго до этого подчинившихся ему вестготов. С их помощью после трех лет войны он почти сломил сопротивление обоих противников. Но вскоре римская власть в Галлии настолько ослабела, что Гоар стал предпринимать активные самостоятельные действия. Вместе с вождем бургундов Гундахаром аланский вождь попытался некоего римлянина Иовина возвести на трон, провозгласив его в городке Монцене императором. Однако вскоре Иовин был разбит и Гоар вернулся в свои поселения в Северной Галлии, оставаясь на службе Рима.

На протяжении четверти века Гоар верно служил императору, в то время как соседи алан бургундцы несколько раз выступили против Рима; правда, все восстания были подавлены легионерами во главе с Аэцием и его гуннскими союзниками. В начале 40-х годов V в., когда Аэцию стало ясно, что больше нельзя полагаться на гуннов, он обратился к Гоару с предложением поселить часть подчиненных ему племен в Орлеане, чтобы контролировать багаудов Арморики и удерживать вестготов от расширения своей территории к северу от Лауры. Гоар перенес свою столицу в Орлеан. Топонимические названия позволяют определить некоторые места, в которых осели аланы: Аленс, Аленкурт, Ле Аленс, Алленвиль ан-Дрю, Алленвиль-Буа, Алленвиль ан-Бос, Курталан, Алеенс (Эр и Луар).

Аэций издал особые распоряжения, предписывавшие местной знати поделиться с аланами землями и принять их как гостей. Тем не менее многие отказались выполнять приказы Аэция и даже оказали аланам вооруженное сопротивление. Гоару не стоило большого труда подавить локальные очаги сопротивления.

В 445—446 г. армориканцы подняли восстание против власти Рима. Аэций приказал Гоару усмирить багаудов, в награду обещав конфискованное имущество непокорных передать аланам. Гоар собрал аланских воинов со всех поселений в Орлеане. В сопровождении большого ополчения и личной дружины он отправился на подавление восстания. На пути в Армориканку аланы встретились с епископом Германусом, который попытался отговорить Гоара от намечавшегося предприятия. После долгих переговоров Гоар согласился отменить поход в том случае, если Аэций изменит свой приказ. Однако Германусу не удалось договориться с Аэцием и около 450 г. Гоар разгромил восставших. Вскоре после этого Гоар перестал править аланами в Орлеане и его место занял Сангибан. Источники не содержат сведений о смерти Гоара, хотя он был весьма значительной фигурой. Став военным предводителем в 406 г., он оставался им более четырех десятилетий. Гоар являлся популярной личностью не только среди алан, но и среди другого населения Галлии. Компания 446 г. показала, что Гоар еще в состоянии вести в бой свои войска. Вспомним, что у алан «считается счастливым тот, кто испускает дух в сражении, а стариков или умерших от случайных болезней они преследуют жестокими насмешками, как выродков и трусов» (Аммиан Марцеллин). Очевидно поэтому, несмотря на прежние заслуги, Гоара в 451 г. сменил Сангибан. Престарелый Гоар не играл более никакой роли, поэтому смерть его для современников прошла незамеченной.

**Святой Гоар** — аланский отшельник, канонизированный католической церковью. В Германии, в 30 км от Кобленца, на левом берегу Рейна находится городок Санкт-Гоар, а напротив, на правом берегу — Санкт-Гоархаузен. В средние века Санкт-Гоар являлся популярным местом паломничества, потому что в его главной церкви покоился прах почитаемого верующими святого Гоара. Здесь же отметим, что в Аквитании — области к северу от Луары (Западная Франция) до сих пор часто употребляется аланское имя Гоар. Гоар происходил из знатной, богатой аланской семьи, жившей в Аквитании. Его родители носили римские имена, но, помятуя о своих аланских корнях, сына назвали Гоаром, вероятно в честь знаменитого аланского полководца. Молодой Гоар, родители которого уже были ортодоксальными христианами, стал священником и миссионером. Еще

подростком он совершил поездку в район Трира, где построил небольшую келью у слияния Лохбаха и Рейна. Благочестивая репутация Гоара привлекала в его келью многочисленных пилигримов. По предположению Б. Бахраха, часть из них была аланами, проживавшими в Восточной Галлии. Гоар взял за правило давать всем посещавшим его приют и пищу. К великому ужасу всего духовенства, Гоар весьма обильно питался с гостями. За это он даже предстал перед епископским судом, т. к. отшельники не имели права притрагиваться к еде раньше полудня, а иногда и до захода солнца.

Защищая себя перед судом, Гоар заявил, что, во-первых, святость бога основывается не на материальных вещах, таких как еда, а на праведном мире и радости духа. Во-вторых, что он считал более важным, любой человек обязан оказывать гостеприимство всем, кто его посещает. По словам Гоара, с его стороны было бы крайне негостеприимно не принимать участия в трапезах вместе с гостями. Это отражение хорошо известного обычая алан.

Популярность Гоара была настолько велика, что несмотря на состоявшийся суд, руководство католической церкви вынуждено было впоследствии занести его в ранг святых.

**Самбида**— вождь аланских племен в Галлии. В 440 г. он согласился поселиться на пустующих землях в Валентине на реке Роне. Топонимические названия (Алан, Алансон, Аленсон) в этом районе свидетельствуют о сильном аланском влиянии в раннем средневековье. Аланы Самбида помогали римлянам не только в охране Южной Галлии, но и препятствовали проникновению вестготов на восток. Они принимали также участие в охране западных подступов к Альпам. Других сведений об аланском вожде по имени Самбида источники не содержат.

**Сангибан** — военный вождь алан, живших в середине V в. вокруг Орлеана. На посту вождя Сангибан сменил знаменитого Гоара. В 451 г. вторгшиеся в пределы Римской империи гунны Атиллы осадили резиденцию Сангибана — город Орлеан. После многодневной ожесточенной осады город оказался на грани падения. Положение спас римский полководец Аэций, отбросивший Атиллу до Шалона. В битве у Шалона на Каталаунских полях Западная Европа была спасена от угрозы гуннского нашествия и в этом значительную роль сыграли аланы, занимавшие центр войск. Битва на Каталаунских полях была чрезвычайно кровопролитной и упорной; по Иордану, с обеих сторон пало 180тысяч воинов. Дальнейшее движение гуннов в глубь Европы было остановлено.

**Беоргар** (по В. И. Абаеву — «имеющий много крупного скота») — предводитель аланских дружин в Галлии. В 457 г. римский император призвал алан на помощь в своей войне с вандалами в Испании. Поход, однако, окончился неудачей. После этого Беоргар совершил несколько набегов в Южную Галлию и Северную Италию. Попытка римлян положить этому конец ни к чему не привела, а в сражении у Тортоны был убит император Майоран. Аланы вторглись в Италию и опустошили северные области, пока их не разбил Рекимер, вестгот, находившийся на службе у римлян. В битве у Бергамо в 464 г. Беоргар погиб. Часть его разбитого войска осталась в Северной Италии среди проживавших там алан, другая часть вернулась в Галлию.

**Аспар** (восходит к слар «наступать») — алан по происхождению, крупный военный вождь, предводитель гото-аланских дружин, в результате Великого переселения народов оказавшихся в Византии. Восточно-римские историки Кандид Исавр, Приск, Прокопий Кесарийский, Феофан и другие неоднократно приводят сведения об Аспаре и членах его рода, которые на протяжении V столетия пользовались неограниченным влиянием в Византии и фактически определяли ход ее истории.

Еще отец Аспара—Ардабур (**ард** «божество», «клятва»+**бирæ** «много») — благодаря незаурядным личным качествам и военному таланту стал одним из командующих византийской армии. Незадолго до этого византийский император Феодосий I отправился на запад в поход на узурпатора Евгения. В Константинополе он оставил править своего старшего сына Аркадия. Но реальная власть оказалась в руках Руфина, галло-римского военачальника с большими способностями. Так как Феодосий взял с собой большую часть армии, Руфин для защиты столицы завербовал алан и готов. Именно из их среды вышел алан Ардабур. В византийской армии он дослужился до звания «магистра» — высший византийский военный чин. В 421 г. аланский полководец возглавил походы византийцев в Персию и Месопотамию. На берегах Евфрата Ардабур одержал блестящую победу, уничтожив персидскую гвардию, чьи воины громко именовались

«бессмертными». Военный успех был настолько значимым, что 3 сентября 421 г. в Константинополе по этому поводу устроили пышные торжества.

К этому времени уже подрос и возмужал Аспар — сын Ардабура от брака с дочерью знатного гота Плинты. В 423—425 гг. оба аланских аристократа по поручению императора Феодосия II отправились в Западно-римскую империю с целью низвергнуть узурпатора Иоанна и возвести на престол внука Феодосия — Валентиана. Ардабур с пехотой отправился на кораблях; Аспар во главе кавалерии двинулся сушей. Шторм в Адриатике разметал корабли; чудом высадившийся на берег с горсткой воинов Ардабур попал в плен. Неожиданно появившийся у стен Равенны Аспар овладел городом, освободил отца и схватил узурпатора. В 427 г. за успешно проведенную очередную кампанию Ардабур был произведен в консулы.

Образование в 429 г. в Северной Африке вандало-аланского королевства очень сильно встревожило Рим, ибо 15-тысячная армия «варваров» совершала стремительные походы в Испанию, Грецию, Сардинию, Сицилию, Венецию и другие владения империи. Для устранения этой опасности Рим в 432 г. послал Ас-пара. Византийский император Константин Багрянородный позднее так описал события той поры: «Когда умер Готфрарий, самодержцем вандалов стал Гизерих, Бонифаций же... выступил против вандалов, после того как к нему прибыло большое войско из Рима и Византии во главе с Аспаром. В состоявшемся сражении с Гизерихом войско римлян было разбито». В этом же сражении «Маркиан, бывший воином на службе у Аспара, а впоследствии василевсом (императором), был живым взят в плен Гизерихом». Вскоре, однако, удача улыбнулась Аспару и его подчиненному — Маркиану.

Находясь в Северной Африке, Аспар заключил очень важный договор с Гизерихом, королем вандалов и алан. Возможно, из-за заключения этого важного договора в 434 г. он произведен в консулы. В течение 10 лет (430—440 гг.) Аспар занимал ведущее положение в армии восточной империи, в 447 г. сын Аспара Ардабур, названный в честь деда, произведен в консулы. В 450 г. после смерти Феодосия II сенат Константинополя предложил Аспару императорский престол. Но он отказался, предложив своего родственника, офицера Маркиана.

Непомерная власть Аспара еще более возросла в последние годы правления Маркиана. Благодарный император наградил Аспара и его сына Ардабура саном патриция и назначил «магистром» армии.

После смерти 26 января 457 г. Маркиана реальная власть в империи оказалась в руках Аспара. Однако, учитывая свое происхождение и религию, он не отважился на захват престола и посадил на трон другого своего офицера — Льва (457—474 гг.). Тем не менее Аспар в течение нескольких лет был фактически соправителем Льва I. В первые годы Аспар успешно контролировал его действия. Лев пообещал даже выдать свою дочь Леонтию замуж за сына Аспара Патриция, провозгласить последнего «кесарем», тем самым открыть ему дорогу к престолу. Однако Льва I не устраивала зависимость от Аспара и он отложил свадьбу Леонтии с Патрицием. Игнорируя мнение Аспара, император отправил в Северную Африку к Гизериху своего доверенного Тациана. Но «король» вандалов и алан отказался иметь с ним дело и Тациан вернулся ни с чем. По предположению Б. Бахраха, Гизерих и Аспар еще в 432 г. заключили личное соглашение. Согласно договору, Аспар обещал препятствовать вмешательству Рима в дела Северной Африки, а Гизерих обещал Аспару поддержку для сохранения его позиций в Константинополе.

В 467 г. распространились слухи, что Гизерих собрался захватить Александрию. Лев I, желая одним ударом освободиться от Аспара и уничтожить вандало-аланское королевство, истратил много золота, чтобы собрать флот и войска для нападения. Опасаясь доверить руководство аланским военачальникам, император поручил армию Василию. Однако Гизерих одержал победу, что изменило положение дома Аспара в лучшую сторону. Воины потребовали «провозгласить кесарем, то есть наследником Льва, сына Аспара». Император вынужден был разрешить одному из сыновей Аспара жениться на своей дочери и возвести его в ранг цезаря; в результате сын Аспара получил законное право на наследство.

На большом серебряном блюде, хранящемся во флорентийском Археологическом музее, изображен Аспар во всем его официальном блеске: в консульской тоге, с т. н. маппой (платком) —

знаком власти на публичных собраниях и праздниках—в высоко поднятой правой руке и с жезлом, увенчанном двумя го-ловами, в левой. Кресло, на котором сидит Аспар, покоится на двух львах; рядом с креслом стоит Ардабур-младший в такой же тоге и также с маппой в руке. В медальонах над их головами два поясных изображения мужчин в консульских тогах с жезлами. Один из изображенных в медальоне обозначен именем «Ардабур» — несомненно это отец Аспара; другой — Плинта, тесть Аспара, консул в 419 г.

Император Лев I сумел создать Аспару противника в лице своего будущего зятя Зинова (впоследствии императора), исаврийца по происхождению. Зинов из своих земляков составил значительное войско, не зависящее от Аспара. Таким образом, Льву I удалось уравновесить силу и власть Аспара исаврийской гвардией Зинова. Аспар, конечно, продолжал борьбу за реальную власть в империи. В этой борьбе он опирался на помощь своего сына Ардабура, храброго и талантливого военачальника, одного из высших военных чинов византийской армии. Историк V в. Приск, лично знавший полководца, сообщал о нем, как о весьма образованном человеке, любившем искусство, особенно театр, хорошо знавшем труды греческих философов. В 469 г. Аспар нанес сильный удар по гуннам Аттилы, вторгшимся на Балканский полуостров. Эта выдающаяся победа и последовавшее за ней провозглашение Ардабура кесарем лишь обострили отношения между аланскими аристократами и императором. Вскоре, из-за интриг сына, Аспар в сенате вынужден был публично отказаться от него.

Дело в том, что Ардабур с помощью подкупа пытался заручиться поддержкой ряда исаврийских сторонников зятя Льва I. Он же стремился связаться с Апагастом, военачальником во Фракии. Самой позорной из интриг Ардабура была его попытка поднять восстание, опираясь на поддержку извечного врага Византии — Персии. Эту попытку разоблачил император, в сенате предъявивший письма Ардабура к персам. В письмах речь шла о подготовке заговора. Присутствовавший на заседании сената Аспар не смог защитить сына. После этого раскладка политических сил в Константинополе изменилась. В 471 г. Лев I приказал уничтожить Аспара и его сторонников. Аспар и Ардабур были убиты. Раненому Патрицию и Германарику, младшим сыновьям Аспара, удалось спастись.

Таким образом, одному аланскому семейству военных аристократов на протяжении полувека — во время правления императоров Феодосия II, Маркиана и Льва I — удалось удерживать господствующее положение в Константинополе.

Потомки Аспара продолжали играть большую роль в политической жизни Византии. В период правления Анастасия (491— 518 гг.) в войне с персами в начале VI в. отличились сразу трое представителей аланского рода: внук Аспара Патрикиол с сыном Виталианом и правнук Аспара Арсобинд. Последний в 506 г. избран консулом. В честь вновь избранного консула на ипподроме давалось представление, изображение которого сохранилось на резных предметах из слоновой кости. На одном из них, хранящемся в Государственном Эрмитаже, представлен Арсобинд. Он изображен дающим знак к началу состязаний на ипподроме. В левой руке у него скипетр с двумя маленькими фигурками, одна из которых держит свисток.

**Святой Алан** — один из трех алан, канонизированных католической церковью. Святой Алан (жил во второй половине VII в.), прибыв для проповеди в город Лавар, построил там монастырь. Средневековые источники сохранили упоминания о 6 церквях в этом районе, и все они были посвящены святому Алану. Город Алос, находившийся всего в нескольких милях от Лавара, служил местом расположения еще одного церковно-монастырского комплекса, построенного святым Аланом. Церковь с его могилой была разрушена в период гугенотских войн.

**Багатар** («храбрый», «богатырь») — аланский полководец середины V в. Рассказ о нем и его противоборстве с царем Картли Вахтангом Горгасалом, составленный историком XI в. Джуаншером, вошел во все списки «Картлис цховреба»—свода грузинских летописей. Хроника Джуаншера поражает фантастичностью приписываемых Вахтангу походов и побед. Без серьезного разбора этого рассказа, известного под названием «Жизнеописание Вахтанга Горгасала», невозможно отделить немногочисленные факты от вымысла. Хроника Джуаншера довольно объемна; ограничимся ее кратким изложением.



«Когда Вахтангу исполнилось десять лет, перешли (Кавказский хребет) многочисленные войска овсов и полонили Картли от верховьев Куры до Хунана. Опустошили и захватили овсы долины, кроме городов-крепостей, за исключением города Каспи. Каспи же сокрушили и захватили, взяли в плен и увезли сестру Вахтанга Мирандухт, которой было три года... пришли в Ран и Мовакан и полонили также их, перешли дорогу Дарубандскую, ибо сами дербендцы указали им этот путь и вошли в Осетию победителями». Через несколько лет Вахтанг собрал огромное войско: «сто тысяч конных и шестьдесят тысяч пеших. Вараз-Бакур прислал рать свою в двенадцать тысяч всадников. ...Остановился Вахтанг в Трианети. Там к нему присоединились все цари кавкасианов с пятьюдесятью тысячами всадников». Аланы также «собрали свои войска, присоединили к ним силы Хазаретии (гуннов — Ф. Г.) и встретили их у реки, которая проходит через Дариалан и спускается на равнину Осетинскую». Сражению предшествовали поединки богатырей. Сначала гунн Тархан (восходящее к скифским наречиям имя со значением «лицо, свободное от налогов») сразился с Фарасман-Фарухом, в единоборствах с которым «никто еще не устоял, ибо и львов он руками ловил». Однако Тархан «первым же ударом сабли рассек Фарасман-Фаруха от шлема до самых плеч». На следующий день уже сам Вахтанг вышел на бой с Тарханом и, согласно Джуаншеру, легко одолел гунна. Еще через день в продолжительном поединке Горгасал будто бы победил Багатара, а затем разгромил войско алан и гуннов.

Поражает число пленных (по статистике Джуаншера). Сначала Вахтанг обменял «картлийцев, захваченных осами в течение последних шести лет» на пленных алан. Затем за свою сестру и заложников отдал еще 60 000 воинов. И все равно, по хронике, у него осталось 650 000 алан?! В эти фантастические цифры просто невозможно поверить. Общая численность армии Вахтанга составляла (если верить Джуаншеру) 222тысячи воинов. Каким образом они умудрились пленить около миллиона алан? И это не считая пленных гуннов, «пачаников и джиков».

Согласно древнеармянской версии жизнеописания Вахтанга, в ответ на предложение алан заключить мир и обменяться пленными, Горгасал согласился и «возвратил 30 тысяч пленников и забрал своих (пленников) в количестве 350 тысяч вместе с сестрой Мирандухтой». Хотя и эти цифры не внушают особого доверия, но, по замечанию Ю. С. Гаглойти, «их соотношение представляется более реальным» — количество пленных, захваченных за 6 лет во время набегов, должно превышать численность таковых, захваченных в результате сражения.

«Жизнеописание Вахтанга Горгасала», в отличие от других хроник, входящих в свод «Картлис цховреба», поражает особой грандиозностью и невероятностью приписываемых ему военных походов и побед. В числетаких акций называют походы в Индию, Синдику, Абиссинию и т. д., о реальности которых и говорить не приходится.

В целом, хроника Джуаншера, как и вообще первые главы свода древнегрузинских летописей, неоднократно подвергалась критике. Разгромную характеристику данного свода дал К. П. Патканов: «На каждом шагу чудовищные анахронизмы следуют за не менее чудовищными противоречиями и до такой степени, что в первом отделе Хроники едва ли можно встретить хоть один факт, имеющий действительно историческое значение». Начальная часть свода, по убеждению К. П. Патканова, «вымышлена одним лицом с предвзятою целью».

Критически относился к сведениям «Картлис цховреба» и В. Ф. Миллер. Называя свод «весьма мутным источником», ученый обратил, например, внимание на явную гиперболизацию фактов в рассказе о походе Горгасала против алан: «в этом пространным повествовании на долю исторической истины придется лишь несколько ничтожных крупиц».

Советский академик А. Е. Крымский в своем рукописном фундаментальном труде «Хазары» также подверг критике древние разделы «Картлис цховреба». «Настоящей во всех фактах правдивой истории,—писал А. Е. Крымский,—мы не должны, конечно, здесь искать. Если для русского историка странно было бы заимствовать фактическую историю настоящего Добрыни (Владимира дяди) из русских былин о Добрыне Никитиче или изучать историю самого Владимира из былин об Илье Муромце, то тем более странно искать историческую правду в грузинском эпическом рассказе о Вахтанге Горгаслане, инкрустированном в «Картлис цховреба». Академик, очевидно, имел в виду

фольклорную основу начальных разделов «Картлис цховреба», фактическая сторона которых разительно отличается от свидетельств очевидцев или личных наблюдений летописцев.

Критическое освоение «Картлис цховреба» для древних периодов истории еще не завершено, хотя библиография об этом источнике (от публикаций М. Броссе в начале XIX в. до наших дней) очень велика. Советские специалисты (не исключая многих грузинских кавказоведов) античного и раннесредневекового периодов осторожно подходили к оценке интересующих нас сюжетов «Картлис цховреба». Известный исследователь генезиса феодализма в Закавказье А. П. Новосельцев отмечает: «Я, за редкими исключениями, воздерживаюсь от обращения к материалам «Картлис цховреба» до VII—VIII вв.».

Анализ Г. В. Цулая, А. В. Гадло и Ю. С. Гаглойти показал, что описанное Джуаншером «вторжение оссов в Картли» является его переработкой фольклорного отражения двух походов в Грузию: в первой (совместно алан и гуннов) и второй половине V в.

Что касается поединка Багатара и Горгасала, то есть основания полагать, что он действительно состоялся. Их поединок зафиксирован как в грузинском, так и в осетинском фольклоре. Обе национальные версии этого сюжета акцентируют внимание на нарушении клятвы Вахтангом и вероломном убийстве Багатара. По одному варианту грузинского предания, когда соперники вышли на поединок, Вахтанг обманул своего противника, крикнув ему, что герою не подобает выходить на бой с многочисленной свитой. «Бедняга, говорят, оглянулся, и в это время Горгасал вонзил ему стрелу в шею». По другому варианту, Горгасал от сестры узнал о единственном уязвимом месте Багатара — под мышкой. Перед поединком Вахтанг дал клятву Багатару, что не станет стрелять, пока тот не перейдет реку. Однако, как только Багатар вступил в реку и обнажил подмышку, Вахтанг тотчас пустил стрелу и убил его. В знак раскаяния за нарушение клятвы Горгасал воздвиг 5 храмов и среди них еще один — Метехи, что означает «Мэ втехе», т. е. «я нарушил» (клятву). Так говорит народ. Аналогичные варианты данного сюжета зафиксированы и в фольклоре осетин. Это может служить косвенным подтверждением реальности похода алан в Картли и поединка Вахтанга Горгасала с аланским военачальником Багатаром.

**Саросий** (сар «голова»+ос) — западно-аланский царь VI в. К 60 гг. VI столетия политические границы страны алан-осов на западе достигли Большой Лабы, на востоке — верховьев Аргуна. Часть занимаемой аланами территории была объединена под властью одного правителя — источники того времени упоминают Саросия, «басилевса страны», верховного правителя, ведавшего внешними сношениями части аланских племен, вошедших в его конфедерацию. Это указывает на заметный шаг в консолидации алан-осов и социальный переворот в верхах общества, в результате которого «соцарствующие» архонты (т. е. родовая знать) потеряли прежние функции в управлении.

Независимый правитель («повелитель», «глава») Саросий неоднократно упоминается в источниках той поры. Впервые византийские авторы говорят о нем в 558 г., когда константинопольский военачальник в Колхиде Юстиниан получил от него письмо. Саросий выступил посредником царя аваров, пожелавших установить отношения с империей. Последний раз его упоминает Феофан в описании событий 571—572 гг., когда аланы приняли участие в войне с персами. Все это подчеркивает правоту исследователей, которые видят в Саросии главу западной аланской конфедерации, носившего титул сар-и-ос «глава осов». Неясен лишь повод, благодаря которому он выдвинулся в единоличные правители.

Конечно, такой финал представляется закономерным итогом развития аланского общества: дифференциации населения, раскола элиты, прогрессирующего наступления новой военной аристократии на позиции старой родоплеменной знати. Стимулировало этот процесс участие алан в ирано-византийских войнах. И все-таки, как нам представляется, была какая-то «последняя соломинка, которая сломала горб верблюду». Мы имеем в виду стихийное бедствие. Возможно это была чума, распространившаяся в середине VI в. в Византии, Иране и у всех «варварских народов». В империи чума держалась 4 месяца («во всей силе держалась только три»), унося множество жизней: «смертность стала возрастать более и более, так что в день умирало до пяти, даже до десяти тысяч человек и более».

Если аланы входили в число «варварских народов» (Прокопий), у которых свирепствовала чума, то Саросий мог воспользоваться этим обстоятельством. Дело в том, что на определенном этапе развития общества воображение народа наделяло вождей и первых царей сверхъестественными способностями, и в соответствии с этими верованиями предполагалось, что ход природных явлений в какой-то мере находился под их контролем. На них возлагали ответственность за плохой урожай, плохую погоду и другие стихийные бедствия. При этом исходили из того, что власть вождя или царя над природой, подданными, рабами и т. д. осуществлялась посредством волевых актов. Поэтому если имели место засухи, голод, эпидемии, бури, народ связывал эти напасти с преступным поведением своего властителя. За это его наказывали и даже убивали. В таком изменении поведения народа (от безоговорочного подчинения до лишения жизни) нет ничего непоследовательного. Напротив, он ведет себя совершенно логично. Если правитель является воплощением божества\*, он обязан хранить свой народ; если же он этого не делает, то должен уступить место более способному. Причина его насильственной замены новым владыкой кроется в том, что царь, одновременно являвшийся и магом (жрецом), от которого зависело благополучие стад и полей, в какой-то момент, как полагали, начинал терять свою магическую потенцию, что грозило бедствием всему народу. Поэтому его заменяли более «способным» преемником.

Конечно, родоплеменной вождь, которого сместил Саросий, мог и не быть еще столь сакрализованной фигурой, но и он в какой-то мере был «повинен» в неурожаях и болезнях. Следовательно, Саросий мог использовать распространение чумы для устранения конкурента.

В своей внешнеполитической деятельности Саросий четко придерживался традиционно дружественных отношений с империей. Согласно анализу В. Б. Ковалевской, территория конфедерации Саросия охватывала верхнюю Кубань, Пятигорье и современную Балкарию — только здесь оставались в то время неподвластные Ирану перевальные пути, а в них и была в первую очередь заинтересована Византия. Ведь в пору самых напряженных схваток с Ираном ей необходимы были новые союзники, поэтому империи никак нельзя было терять связи со степью. Именно к Саросию в 558 г. обратились авары с просьбой помочь связаться с Византией. О силе и влиянии Саросия свидетельствует желание византийского посла к тюркам Земарха на обратном пути представиться правителю Алании. Сопровождавших его тюрков Саросий разоружил и только тогда подпустил к себе.

Саросий был хорошо осведомлен о ходе военных действий в Лазике. Зная, что в Сванетии находился в засаде персидский отряд, он посоветовал Земарху воспользоваться другим перевалом — «Даринской дорогой», северокавказским участком знаменитого Великого шелкового пути (скорее всего речь идет о Клухорском перевале). Проводить столь твердую внешнюю политику можно было только опираясь на прочные тылы. В. Б. Ковалевская развила гипотезу А. А. Иессена о том, что появление серии поселений с системой строго продуманной организации обороны по всем горным долинам, уходящим к перевальным путям, связано с деятельностью того же владельца Саросия. Эта гипотеза дает объяснение появлению значительных масс населения в предгорьях и горных районах (опустошенных чумой?), до последнего времени поражавшее специалистов своей неожиданностью и массовостью. Приобретает оно и довольно четкую датировку ~ третья четверть VI в.

Единообразие памятников западной Алании заметнее, чем восточной; византийское влияние здесь сильнее. Для империи Саросий был ценен в первую очередь как «владелец» и устроитель своей земли, контролировавший горные проходы. Не случайно в это время сюда перемещается трасса Великого шелкового пути.

Конечно, Саросий был ценен для Византии и как военный союзник, поставщик дружин. «Аланы и Аваджи, издревле христианам и римлянам дружественные...» — писал Прокопий. Царь лазов, продолжал он далее, «заключил с аланами и савирами союз» и они обязались «не только предохранять земли лазов от всякого разорения, но и Иверию так опустошить, чтобы персам не было впредь возможности вступить в нее. Гуваз обещал аланам и савирам, что царь заплатит им означенные деньги».

Участие военных группировок алан (как западных, так и восточных) в ирано-византийских войнах способствовало все большему отрыву военной аристократии (багатаров и алдаров) от рядовых соплеменников, укреплению их позиций. Войны усиливали власть верховного военачальника; избрание его преемников из одного и того же клана постепенно переходило в наследственную власть.

*\* Скифские цари, например, воспринимались как личностное воплощение всего социального организма. Такое представление весьма характерно для архаических обществ, где благополучие царя и процветание коллектива воспринимались как две стороны одного явления, связанные отношениями причинности. В лице царя скифов совмещались две функции: мирской власти и высшего, божественного знания. В связи с последним, нелишне напомнить о находке золотого перстня скифского царя V в. до н. э. Скила. На перстне изображена богиня с зеркалом в руках, сидящая на троне — символ получения власти скифским царем от божества. В греческой надписи на перстне упоминается еще одно имя — Аргот. По мнению специалистов, это имя первоначального владельца перстня — деда Скила. Антропоним Аргот является, очевидно, греческим переводом скифского имени Уарка (ср. осет. Уæрхаг «волк»). Интересно, что в эпосе осетин первопредок правящего рода Ахсартагата также носил имя Уæрхаг. Легенда о нем и его потомках — тотемический миф о происхождении племени от волка.*

### У истоков государства. Часть 1.

I. VIII—IX вв. — важный период в формировании аланского народа и его государственности. Это время на Северном Кавказе характеризуется растущим влиянием Хазарского каганата. Менее всего давление степняков испытали восточные и центральные районы Алании: Терско-Сунженское междуречье, бассейн Малки—Терека; междуречье Малки и Кумы. Здесь сохранились аланские поселения, основанные в предшествующие столетия, и возникли новые. К западу от Аргуна в VIII—IX вв. наблюдается, даже усиление аланской общности, что выразилось в очередном продвижении алан из предгорий в горную зону. В VIII в. новые катакомбные могильники появляются у слияния Шар-Аргуна и Чатты-Аргуна, в Ассинском, Джераховском и Дарьяльском ущельях, в верховьях рек Гизельдон, Ардон и Урух.

Продвижение равнинных алан в горы нельзя рассматривать как вторжение извне. Это была постепенная внутренняя миграция с разными последствиями: в одних случаях равнинные аланы сохраняли свою этническую чистоту, другие растворились в среде своих горных собратьев и автохтонных групп, третьи ассимилировали последних. Взаимная ассимиляция в горной зоне нашла отражение в появлении новой формы погребального сооружения. Это подземные и полуподземные склепы. «Одновременное появление в разных частях Центрального Кавказа однотипных погребальных сооружений может рассматриваться как свидетельство образования в границах Алании VIII—IX вв. единой культурно-этнической общности» (А. В. Гадло).

Во время ожесточенных арабо-хазарских войн в первой половине VIII в. аланские поселения в Дарьяльском проходе (Владикавказское городище, поселения в Ларсе, Чми, Тарском) оказались на пути арабских воинов. Сначала ал-Джаррах в 724/5 г. совершил «поход против ворот Аллана». Затем Маслама в 727/8 г. двинулся «против турок, захватил у них ворота Аллан и столкнулся с хаканом». Особенно сильный удар по дарьяльским аланам нанес полководец Мерван в 736/7 г. Он «пришел в ущелье Баб аль-Алан, все убивая». Однако материалы аланских могильников свидетельствуют о непрекращающейся жизни в Дарьяле в VIII в. С IX в. начинается отток алан на равнину, хотя это не означает, что их вообще не осталось в ущельях Центрального Кавказа. Так, на правом возвышенном берегу Терека южнее г. Владикавказа выявлены 4 небольших неукрепленных поселения; все они дают средневековый материал. К югу от с. Балта открыто поселение IX—XII вв.

Спорным оказался вопрос о времени появления алан в Уалладжире и Туалгоме. Речь идет именно об аланах, а не ираноязычных племенах вообще. Некоторые авторы отрицают факт локализации алан в ущельях Центральной и Южной Осетии до XV в. Например, В. Н. Гамрекели не признавал идентичность средневековых туалыцев и осетин. Вот один из его аргументов: Вахушти в

отношении современной себе эпохи (начало XVIII в.) употреблял термин «двалы» параллельно с термином «осетины». Следовательно, заключал В. Н. Гамрекели, историческая традиция продолжала различать двалов и осетин. Но если следовать такой логике, то в XVIII в. никакого отношения к осетинам не имели также иронцы и дигорцы, т. к. данные этнические названия употреблялись наряду с термином «осетины».

Нельзя согласиться и с другим положением В. Н. Гамрекели, по которому аланы до XV в. не проживали в ущельях Центрального Кавказа и поэтому двалы до этого времени не были с ними знакомы. В данном случае игнорируются сведения средневековых авторов и археологические материалы. В. А. Кузнецов и В. Х. Тменов в Алагирском ущелье исследовали аланский катакомбный могильник VIII—IX вв. В Архонском ущелье недалеко от Даллагкау Е. Г. Пчелина еще в 1928 г. произвела раскопки 17 катакомб, датируемых ею IV—VII вв, Аланские захоронения отмечены по всему участку с названием Бурсарта («желтоголовые», т. е. блондины). В связи с этим топонимом представляет интерес легенда оплемеи «Бурдурта», обитавшем некогда («очень давно») в Куртатинском ущелье и переселившимся «в направлении к Трусовскому ущелью». Наконец, Р. Г. Дзаттиаты у с. Едыс Южной Осетии исследовал аланский могильник VI—IX вв. Вспомним также указания арабских авторов X в. о народе тулас «туальцы-аланы».

Аланы, видимо, осуществляли контроль над перевальными дорогами Алагирского ущелья. На правом берегу р. Ардон расположена бывшая таможенная застава «Ворота Чырамад», контролировавшая древний торговый путь в Грузию. Этот путь играл важную роль в связях севера и юга Кавказа. В Касарском ущелье недалеко от Нузала находилась таможенная застава «Зилын дуар». Она представляла собой комплекс заградительных сооружений, подпорных стен и боевой башни. К домонгольскому времени относятся остатки оборонительного комплекса в местности «Галфандаг».

Интересно, что в районе заставы «Ворота Чырамад» найден серебряный сасанидский кубок. По мнению Е. Г. Пчелиной, К. В. Тревер и В. А. Кузнецова, он вполне мог попасть сюда в качестве платы за проезд через заставу. Касарский оборонительный комплекс строился, судя по керамике, в VIII—IX вв. На это же время указывает инвентарь могильника «Галфандаг». В нем найдены две арабские монеты 800 и 805—808 гг.

VIII—IX вв. — важная веха не только в этнической, но и социально-политической истории алан. В это время процесс классообразования вступил в заключительную фазу, завершившуюся в начале X в. образованием государства. Перемены в общественном строе алан нашли отражение в формах и структуре поселений того времени. В рассматриваемый период в равнинной и предгорной зонах Центрального Кавказа возникла система защищенных каменными стенами и башнями аланских поселений. Они были зрительно связаны между собой, отличались небольшими размерами, использованием естественно укрепленных мысов и останцев, употреблением камня для крепостных стен. Сплошной площадью они занимали пространство от Урупа на западе до линии Пятигорск—Гунделен—Каменноостское—Герменчик—верховья Чегема на востоке. Из выявленных на сегодня т. н. «каменных городищ» алан 97 приходится на предгорные районы, а на горные—только 15; концентрация их увеличивается с запада на восток. На Ставропольской возвышенности и в долинах рек Кумы, Терека и Сунжи много т. н. «земляных городищ». Для них выбирали мысы с обрывистыми берегами, огражденные глубокими оврагами. Небольшие цитадели укрепляли рвами, а основную часть поселения площадью до 15—20 га с напольной стороны снабжали системой рвов и валов. Среднее расстояние между наиболее близко расположенными крепостями составляло всего 1,9 км. Неслучайно Масуди систему аланских городищ охарактеризовал как сплошной ряд поселений.

В горной полосе Осетии возникли мощные заградительные системы, которыми аланы пытались прикрыть освоенную ими в предгорной зоне территорию. Так, в Куртатинском ущелье находился Хилакский оборонительный комплекс — стена (общей протяженностью 335 м), укрепленная массивными башнями. Толщина стены в отдельных местах доходила до 3 м, высота — до 5 м. Анализ раствора стен и башен дал дату 638 г.

Привлекает внимание мощная заградительная система в Касарском ущелье. Стена была настолько массивной, что в народе ее называли «Китайской». Интересно, что название ущелья

восходит к араб. къасара и одно из его этимологических значений — «крепость». Заслуживает внимания также тот факт, что названия многих аулов к югу от Касарского и Хилакского оборонительных комплексов имеют арабскую основу. Следовательно, обе заградительные системы построены аланами против возможной агрессии с юга, что вполне закономерно, если учесть, что они являлись союзниками хазар в борьбе с арабами.

Строительство каменных и земляных городищ, оборонительных систем, являясь свидетельством усиления позиций военной аристократии, вместе с тем показательно и в социальном отношении. Хорошо известно, что военно-инженерное дело во многом зависит от уровня производства, экономики и соответствующего им общественного строя. Количество труда, затраченного на создание того или иного городища, отражает величину отчужденного в обществе прибавочного продукта и определяет социально-экономический облик памятника. Математические расчеты Г. Е. Афанасьева на примере памятников аланского варианта салтово-маяцкой культуры VIII—IX вв. показали, что при создании укреплений на городищах одной группы затрачивалось до 4500 человеко-дней, а второй группы (сторожевые крепости) — свыше 20000 человеко-дней. Разумеется, социальный институт, по заказу которого возводились городища второй группы, обладал большими экономическими возможностями. Вторичной функцией этих городищ было использование защищенной территории для проживания выделяющейся верхушки общества. И. М. Чеченов на археологических материалах Кабардино-Балкарии отметил численное преобладание аланских городищ со сложной планировкой в равнинной и особенно предгорной зонах, при отсутствии таковых в высокогорных районах. По мнению археолога, это означает, что базой становления раннеклассовых отношений являлась равнинная и в большей степени — предгорная часть Центрального Кавказа.

Археологические материалы горной полосы Осетии VI—IX вв. указывают на имущественное расслоение и социальную стратификацию в среде местного населения. Инвентарь могильников неодинаков по своему составу. Так, из 9 исследованных С. С. Куссаевой катакомб в с. Балта, меч обнаружен только в одной. Из 27 катакомб с. Чми мечи находились лишь в двух. В одном из погребений у с. Лац среди разнообразного инвентаря найдены топор, стрелы, меч с деревянными ножнами, покрытыми тончайшими ажурными золотыми полосками. Вообще оружие обнаружено не во всех мужских погребениях нагорной полосы. Многие или лишены его, или представлены только ножом. Сабли, копье, панцирь — находки редкие и неизменно связанные с богатством остального инвентаря. По мнению археологов, топоры, ножи и наконечники стрел сопровождали захоронения рядовых воинов. Мечами, вероятно, были вооружены имущие лица, составлявшие конную дружину. С. С. Куссаева полагала, что памятники Чми, Балта, Харха и Кобани характеризуют общество горцев VI—IX вв. как раннеклассовое. Наиболее богатые погребения отличаются многообразием форм украшений, наличием предметов вооружения, золотых и серебряных вещей, монет, стеклянной посуды, костей домашних животных и т. д. Например, среди 27 катакомб с. Чми катакомба № 11 особо выделялась наличием в могиле двух ниш и черепа лошади, богатством погребального инвентаря: украшенный золотом меч, стеклянная и деревянная посуда. Костяк покоился в центре могилы на некотором возвышении. Все эти отличия С. С. Куссаева относил «за счет имущественного или социального неравенства погребенного. Погребенный в кат. № 11 безусловно выделялся как вещами, его сопровождавшими, так и особым обрядом погребения».

Богатством погребального инвентаря отличается ряд захоронений VI—IX вв. в Дигорском ущелье. В Галиатском могильнике первой половины VIII в. обнаружены меч, копье, колчан со стрелами (?), наконечники стрел, ножи, предметы украшения, седло и целый скелет лошади. У с. Хазнидон расположен могильник V— VIII вв. Здесь же грунтовое погребение, что указывает на одновременность совершенных захоронений в катакомбах и грунтовых могильниках. По резонному предположению В. А. Кузнецова, взрослые захоронения в грунтовых ямах и, как правило, без вещей — скорее всего принадлежали рабам (хотя могли принадлежать и кавдасардам). Детские погребения в ямах археолог обоснованно связывает с незаконорожденными детьми—кавдасардами.

Важная роль в социальных переменных внутри аланской конфедерации принадлежала военной аристократии. Ее отрыву от массы рядовых соплеменников способствовало участие в арабо-

хазарских войнах. Правда, отдельные походы арабов на Северный Кавказ имели для алан тяжелые последствия. Так, в 724 г. Джаррах обложил дарьяльских алан подушной податью. Часть населения оставила обжитые предгорья и в поисках новых земель двинулась подальше от арабов — на север, в верховья Северского Донца, Оскола и Дона. Тем не менее, VIII в. отмечен все возрастающей ролью военно-служилой знати в социальной структуре аланского общества. Укрепление позиций военной аристократии привело к возникновению в VIII в. дружинного культа. С этого же времени бытуют амулеты в виде коня и всадника. Они составляют примерно 15% всех найденных в северокавказских древностях амулетов и встречены в 10% комплексов, содержащих амулеты. По предположению В. Б. Ковалевской, «они могут быть свидетельством принадлежности воинов, носивших амулеты, к царской дружине — аланской гвардии».

Постепенно назревал конфликт между старой родоплеменной и новой военно-служилой знатью. Обострение противоречий в высших слоях общества не является спецификой быта алан. Например, в среде тюркской общности в начале 20-х гг. VII в. имел место острый конфликт между родовой («князя страны») и военной аристократией («тот, кто одерживал победы на войне»), вызванный стремлением последней захватить власть над объединением. Конфликт был разрешен компромиссом. Глава военной аристократии (хазар-тархан) сохранил свое положение, но верховная власть закрепилась за сакрализованным родом Ашина, представителя которого в 630 г. провозгласили каганом хазар.

Надо сказать, что объективные причины для обострения конфликта были. Во многих племенах особенности понимания института царской власти отражали скорее ритуально-магическую, нежели административно-политическую функцию первых царей. Они «обеспечивали» процветание коллектива не столько управляя им, сколько выполняя строго регламентированные традицией ритуальные акты. Жизнь их превращалась в цепь тяжелых запретов; они все более отстранялись от управления страной и реальная власть сосредоточивалась в других руках. В связи с этим привлекает внимание рассказ Феофана об аланском владыке-полководце Итаксисе. Специалисты полагают, что Итаксис—титул и сблизают его с иранским титулом «питиахш», обозначающим «второго царя» в ряде древних государств Кавказа и Передней Азии. Вероятно, аланский Итаксис-питиахш также был «вторым царем» и являлся носителем не только военной, но и реальной светской власти. Здесь же следует отметить, что средний слой военно-служилой знати алан — алдары (первоначально «военные предводители») в средневековой Осетии составили сословие феодалов, а само слово «алдар» стало переводиться как князь. Высший слой военной аристократии—багатары — в государстве алан составил элиту, представители которой к X в. захватили царский трон.

О высоком социальном статусе аланской военной аристократии в VIII в. говорит и тот факт, что она играла видную роль в Хазарском каганате. В 764 г. хазары вторглись в Закавказье; во главе их стоял некий Астархан. «Он был главнокомандующим хазарской армии и предшественником тех беков, которые позже заняли первенствующее положение в Хазарском государстве, возвышаясь над самим каганом». Анализ М. И. Артамонова, а позже и В. А. Кузнецова, показал, что Астархан — не личное имя, а титул — «тархан асов», т. е. «тархан алан».

Таким образом VIII—IX вв. в истории алан отмечены серьезным ростом социального статуса военной аристократии, сумевшей потеснить старую родоплеменную знать. Последующее историческое развитие привело к изменению структуры верховной власти у алан, узурпации царского трона представителями элиты дружинной знати.

Рассматриваемый период богат археологическими памятниками, но беден письменными источниками. В течение VIII—IX вв. аланы выпадают из сферы внимания античных авторов. Последние упоминания об аланах в византийских письменных памятниках связано с событиями 708—711 гг., поездкой спафария Льва (будущего императора Льва III) в Аланию. Вновь аланы упоминаются только в письмах константинопольского патриарха Николая Мистика в начале X в.

С. Н. Малахов обратил внимание на один агиографический памятник — Житие Феодора Эдесского. В нем непосредственно говорится о крещении группы алан в середине IX в.

В IX в. Эдесса являлась епархиальным центром Осроэны, обширной территории в «земле Персидской» (Северной Месопотамии). Епископ Эдессы родился в 793 г., а умер в 60-х гг. IX в.

Защищая интересы церкви, Феодор совершил путешествие в Багдад (Вавилон) ко двору легендарного царя Мавия. Епископ склонил его тайно принять христианскую веру.

Согласно Житию, «царь вавилонский» с тремя своими верными слугами, аланами и епископом Феодором отправились на берег Тигра. Епископ крестил сначала царя, а затем и алан. В арабской версии Жития правителем Багдада назван ал-Мамун. Решив принять новую веру, он стремя слугами принял крещение от епископа. О крещении Мавия, персидского царя, убиении его (вместе с тремя слугами) «персами», имеется лаконичное упоминание в русских летописях.

Прототипом фольклорного героя Мавия был сын аббасидского халифа Мутаваккиля (847—861 гг.) ал-Мувайяд или Моавид, задушенный по приказу брата 8 августа 866 г. Ал-Мувайяд являлся правителем Сирии; в ходе династической борьбы принятие христианства могло стать поводом для его убийства. Гонения на христиан усилились еще при жизни халифа Мутаваккиля: христиан обязали носить желтую одежду, запретили носить чалму, ездить на лошади.

Интересен древнерусский перевод Жития: «Имеюще же царь три известных отроки от асия соуща родом». Данное свидетельство замечательно тем, что является вторым случаем непосредственного перевода византийского этнонима «аланы» древнерусским «асы» или «ясы». Ранее алан Иосифа Флавия в древнерусском переводе его «Иудейской войны» также называли «ясами». Иными словами, «аланы» античных авторов соответствуют «ясам» русских летописей.

## У истоков государства. Часть 2.

**II. Итаксис** — западно-аланский владыка VIII в., игравший важную роль в политической жизни той эпохи. Император Византии отправил к нему своего посла — спафария Льва «с деньгами». Итаксис принял спафария «со всякими почестями», что указывает на дружественный характер отношений между Западной Аланией и Византией. Такие же отношения аланы поддерживали и с предками абхазов — абазгами. «Властитель абазгов» говорил Льву о «старинной друг к другу любви» абазгов и алан. В свою очередь, аланы относились к абазгам «как к добрым соседям» и «отправляли к ним купцов».

Специалисты, как указывалось выше, полагают, что Итаксис — не имя, а титул, и сближают его с иранским титулом «питиахш». Этимология слова «питиахш» не совсем ясна, но термин связывают с ахеменидской должностью «око царя» и переводят «наблюдающий». В надписи Армазийского некрополя картлийский питиахш Иодманган назван «эпитропос», что означает «управитель царя», «правитель, опекун, наместник царя, регент». Питиахши в Грузии являлись высшими должностными лицами при царском дворе, могли заменять царя в необходимых случаях. По аналогии можно предположить, что аланский Итаксис-питиахш, вероятно, был «вторым царем» и являлся носителем как военной, так и светской власти.

**Багатар** — аланский полководец IX в., активный участник политических событий на Кавказе. Возможно, ему принадлежал обнаруженный в аланском погребении перстень армянского царя Ашота. История этого перстня интересна.

В 1940 г. экспедицией Карачаевского учительского института под руководством К. М. Петролевича исследовался северный Зеленчукский храм. Под полом храма был найден тщательно сложенный каменный ящик с богатым инвентарем из 242 предметов, 170 из которых—золотые или позолоченные украшения. Богатство украшений и расположение могилы под полом кафедрала Аланской епархии указывают на принадлежность погребенной здесь женщины к элите аристократии Алании. В состав погребального инвентаря входил перстень-печать с альмандиновой вставкой, на которой вырезано имя армянского царя «Ашота сына Снбата» (886—891 гг.). Опираясь на эту надпись, специалисты определяют дату погребения. Между временем производства перстня и временем погребения, в котором он был найден, исследователи допускают хронологический промежуток в несколько десятилетий. При каких же обстоятельствах перстень царя Армении Ашота I мог попасть к представителям высшего слоя аланской аристократии?



Ашот Багратуни вошел в историю как первый царь, при котором Армения приобрела важные признаки суверенного государства, ибо до 80-х гг. IX в. Армения управлялась чиновниками арабского халифата. В конце IX в. соотношение сил между Арменией, халифатом и Византией было таково, что Ашот Багратуни смог добиться царского титула. Царская корона Ашота I стала уступкой со стороны арабов, уступкой вынужденной, обусловленной стремлением сохранить свое политическое присутствие в стране. Ашот I правил в период, отмеченный сложностями как в отношениях с Византией, халифатом, соседями, так и внутри государства.

В конце IX в. абхазские цари выступили в роли объединителей Грузии. Армянские Багратиды, в свою очередь, стремились сохранить контроль над этими районами. По сообщению грузинского летописца, «боролись армяне и абхазцы из-за Картли». Пытаясь противостоять притязаниям абхазских царей, Ашот I двинулся на север, стремясь соединить с Арменией области, граничащие с Шида-Картли. В 891 г. противник правителей Абхазии владетель Тайка и Кларджети Адарнасе Багратуни (891— 923 гг.) провозгласил себя «царем картвелов», став таким образом первым грузинским царем из династии Багратидов. Адарнасе опирался на помощь царя Армении, в то время как военачальник абхазов Наср прибегнул к помощи аланских дружин. В 888 г., т. е. незадолго до воцарения Адарнасе, произошло ожесточенное сражение противоборствующих коалиций. Летопись «Матиане Картлиса» так описывает это событие: «Выступили Гурген и Адарнасе, сын Давида, помогали ему сомехи (армяне), сразились у (реки) Мтквари, абхазы потерпели поражение, убили Насра и Багатара, мтавара овсов и эристава абхазов».

Однако позиции абхазов и их союзников алан оставались достаточно прочными. Ашот I, понимая, что с помощью только военной силы невозможно утвердиться в Картли, в 890 г. заключил военно-политический союз с Абхазским царством и Аланией.

В начале X в. Смбат I (сын Ашота I) под давлением войск халифата вынужден был отступить на территорию, контролируемую Адарнасе. На севере граница владений Багратидов Армении и Грузии доходила до Дарьяла. Смбат I неоднократно призывал «северное ополчение (алан), на которое более всего надеялся». Смута внутри Армении не прекращалась. Законный наследник Смбата I его сын Ашот утвердился на престоле лишь с помощью Адарнасе. Византия с тревогой следила за развитием событий в Закавказье, справедливо опасаясь ослабления позиций империи в ее соперничестве с арабами. Во второй половине 913 —феврале 914 гг. Константинопольский патриарх Николай Мистик написал письма миссионерам Алании, католикосу Армении, царю Картли Адарнасе IV и царю абхазов Константину. Направляя им послания, Николай Мистик стремился противопоставить арабской мощи коалицию провизантийски настроенных христианских правителей Кавказа. Таким образом, в конце IX — начале X вв. аланы так или иначе были связаны с Арменией. Перстень-печать Ашота I мог в качестве подарка союзника оказаться у представителя аланской аристократии. Так как Ашот I являлся царем, то резонно предположить, что он или его наследники перстень передали лицу приблизительно равному им по своему социальному статусу.

Необходимо остановиться еще на одном факте, заслуживающем пристального внимания. Непременным предметом в наборе инсигний армянских царей была корона, обозначаемая словом **таг**. А одним из основных терминов для обозначения царского титула являлось слово **таговор\***. Этимология «таговор» прозрачна — термин происходит от **таг** — «венец», «корона». В связи с этим особый интерес представляют утверждения генеалогических преданий алдаров восточной Осетии об их происхождении от армянского царевича Тага (Таговора). В литературе и документах первой половины XIX в. алдаров очень часто называли «тагиатами», «тагаурцами». А. Гакстгаузен, например, писал: «В Северной Осетии существует особое дворянство, состоящее из 12 родов, названных тагаорцами. Они будто бы происходят от армянского князя Тагаора (Венценосец)».

Конечно, мнимое происхождение алдаров от «армянского царевича Тага» — это вымысел создателей их родословных. Но, учитывая оживленные армяно-аланские связи в средние века, без натяжки можно предположить возможность заимствования князьями восточной Алании социального термина «тагаита» (венценосцы) именно из Армении.

Здесь же отметим различную интерпретацию фрагмента древнегрузинской летописи о «Бакатаре, князе осетинском и эриставе абхазском». В одних случаях этот фрагмент переводят так:

«одолели абхазов, убили Насра и мтавара овсов Бакатара и эристава абхазов». При таком переводе не совсем ясно, к кому относится титул «эристав абхазов» (букв. «глава войска»), к Насру или Бакатару. По убеждению Ю. С. Гаглойти, в подлиннике термин **эристави абхазта** (эристав абхазов) относится к Бакатару — «мтавару овей» («князю осетинскому»).

Как полагает Ю. С. Гаглойти, появление князя овсов в роли командующего войсками абхазов не является неожиданным. Цари Абхазии в борьбе за гегемонию в Картли в IX—X вв. активно использовали военную мощь алан. Например, Степанас Таронский писал о «князе абхазов, вышедшем из земли сарматов (алан), что по ту сторону Кавказских гор, предпринявшем во главе нескольких десятков тысяч воинов поход в Армению».

По сообщению Вахушти Багратиони, царь абхазов Баграт «вывел своего шурина, дал ему войска и помог осетинам». Иными словами, рядом с абхазами в этой войне принимали участие и овсы. Обратим также внимание на то, что Вахушти, говоря о захвате в плен Насра и его убийстве у села Асчиндзы, ничего не сообщает о судьбе Бакатара.

*\* По мнению Н. Д. Миклухо-Маклая, армянский термин таговор, в переводе означавший «венценосец, царь» — «довольно обычное наименование у мусульманских авторов восточных христианских государей вплоть до византийских императоров включительно». Царю Армении Смбату I Багратуни этот титул пожаловал византийский император.*

### **Союзники Византии и Руси. Часть 1.**

I. X век—ключевая веха в этнической и социальной истории алан. В начале столетия аланские протогосударства (западное — с центром в верховьях Кубани, и восточное, тяготевшее к Дарьялу) объединяются в единое раннеклассовое общество. Итак, начало X в. — дата возникновения аланского государств.

В это же время, согласно детальному анализу А. В. Гадло, окончательно оформляется «в целом единый и настолько специфический комплекс культурно-бытовых комплексов, что уровень этнической консолидации в Алании можно охарактеризовать как уровень, свойственный средневековой народности». Следовательно, X в. — дата «рождения» аланского (осетинского) народа.

Наконец, (в начале X в. в истории алан произошло еще одно примечательное событие — официальное принятие христианства. Разумеется, христианизация алан протекала отнюдь не гладко. Новую религию первоначально восприняли лишь царь, его дружина и окружение. Византийский патриарх Николай Мистик в письмах к архиепископу Алании Петру просил в деле христианизации особое внимание и «крайнюю осторожность» проявлять «в отношении людей знатных и властных», в отношении же «простых людей» он позволял «допускать строгость». Новая религия распространялась с трудом Николай Мистик отметил это в одном из писем к архиепископу Алании: «Ты сам понимаешь,— писал он,— что не легко дается переход от языческой жизни к строгости Евангелия». В 932 г. после поражения от хазарского кагана Аарона, аланский царь был вынужден на время отречься от христианства.

К середине X в. положение меняется. По данным византийского императора Константина Багрянородного, царь Алании «не живет в мире с хазарами... и может сильно вредить им». Пограничные владения кагана аланский царь мог «грабить и причинять великий ущерб и бедствия хазарам». Поэтому каган «страшился нападения аланов». Царю Алании Византия посылала грамоты с золотой печатью достоинством в два солида и он именовался «духовным сыном императора». Владыки авазгов, иверов, албанцев, других горских народов получали от императора приказы и только царь Алании «трактовался как самостоятельный государь». Интересно признание источника X в., исходящего из двора кагана: «Царство алан сильнее и крепче всех народов, которые вокруг нас». В письме патриарха Византии Николая Мистика архиепископу Алании Петру аланский владыка назван «князем». В книге Ибн-Русте (нач. X в.) имеется текст «Записки» анонимного автора с описанием ряда народов Восточной Европы. В терминологии «Записки» нашло отражение различие в характере власти государей и племенных вождей: если владыки русов, алан, хазар, болгар,

«владения ас-Сарир» названы в ней маликами, то в отношении мадьяр и славян употребляется два термина: ра'ис (глава, предводитель) и малик, а о буртасах говорится, что «у них нет главы, который управлял бы ими». Масуди изображает аланского царя как могущественного государя. «Царь аланов выставляет 30 000 всадников. Это царь могущественный, сильный и пользующийся большим влиянием, чем остальные цари». Помимо столицы — Магаса — у алан «находятся еще крепости и угодья, расположенные вне этого города, куда царь время от времени переезжает». Интересное свидетельство об аланах содержится в хронике «Ху-дуд-ал-Алам»: «Царь их христианин. Они владеют 1000 больших деревень. Среди них имеются как христиане, так и идолопоклонники. Часть населения — горцы, а часть — жители равнины... Хайлан, город, в котором находится царская дружина».

Верховная власть в аланском обществе сосредоточилась в руках высшего слоя военной аристократии — багатаров. Согласно Ибн-Русте, «царь аланов называется Б.гайр, каковое (имя) прилагается к каждому из их царей». Титул «багатар», как уже отмечалось, первоначально применялся по отношению к полководцам, но с развитием классовых отношений он получил новый оттенок и некоторое время применялся и в отношении царей. Таким способом, как нам представляется, аланские цари указывали на свою связь с определенным типом знати — военной аристократией. Одновременно царь алан носил заимствованный у хазар титул «кэркундедж». Иными словами, он являлся носителем и военной, и гражданской власти. Это же можно отметить в отношении эмиров Северо-Восточного Кавказа. Термин «эмир», в Дагестане известный с конца VIII в., обозначал носителей то военной, то гражданской власти, то объединял эти функции в одном лице. Средний слой аланских дружинников периода военной демократии — алдары — к X в. превратились в особое сословие знати; слово «алдар» стало переводиться как «князь».

В дальнейшем роль знати, вышедшей из военной аристократии, у алан оставалась значимой. В византийских источниках аланские аристократы-полководцы известны под разными терминами. Так, согласно Анне Комниной, при дворе императора Алексея находился «алан, по сану магистр, который был близок к императору и принадлежал к числу его домашних». Магистр — до IX в. высший византийский военный титул, присваивавшийся членам не императорских фамилий. Но в X—начале XII вв. он постепенно выходит из употребления. Алан, упомянутый Анной, последний магистр, известный по византийским источникам. Комнина назвала еще одного крупного аланского полководца по имени Рамсик, причем назван он «эксусиократором». Во всех известных случаях этим византийским социальным термином обозначался верховный правитель Алании.

Таким образом, Алания начала X в. являлась сильным государством с большим числом укрепленных поселений, мощной армией. В социальной структуре источники выделяют «простых людей» и «людей знатных и властных». Среди последних ведущую роль играла военная аристократия. Из ее высшего слоя — багатаров — происходил царский род алан Ахсартагатов. Интересно, что в нартовском эпосе этим же антропонимом обозначается наиболее могущественный род, а имя родоначальника — Ахсар — восходит к индоиранскому ksathra «мощь», «принцип военной функции». Имя главы рода Ахсартагатов — Урызмаг — произошло от ava—gasmaka «господин».

У аланского царя была постоянная вооруженная сила — дружина, набираемая из аристократов разных степеней. По данным «Худуд ал-Алам», дружина царя стояла в городе Хайлан. Но были еще «другие города и крепости» (Масуди), в которых находились военные гарнизоны, подчиненные царю. Во всяком случае, в знаменитой крепости «Дар-и-алан» (Аланские ворота), находилась «стража в количестве 1000 человек». Дружинники входили, вероятно, в формирующийся административный аппарат. На местах они, видимо, играли роль агентов центральной власти. Вспомним, например, упоминание Константина Багрянородного об «эксусиократоре» (царе) Алании и «архонте» (князе) Асси, контролировавшем Дарьяльский проход. По свидетельству грузинской летописи, Дургулель Великий, знаменитый аланский царь, прибыл в гости к своему шурина Баграту IV «со всеми князьями Осетии».

С некоторыми оговорками можно провести аналогию между положением аланской военной знати и дружинников Древней Руси. Наиболее характерный тип дружинных погребений X в. обнаружен не только в Киеве и подвластной ему Черниговщине, но и в других важнейших пунктах

Древнерусского государства—в Смоленске, Поднепровье, Верхнем Поволжье, Пскове, Ладого и Вольни. Очевидно, эти памятники принадлежат «росам» — дружинникам, связанным с Киевом и осуществлявшим контроль над подвластными киевскому князю городами и погостами.

По сведениям дореволюционного исследователя З. Чичинадзе, в 1019 г. аланский царь Урдуре еще более упрочил центральную власть, укрепив тем самым и мощь государства. Вот как описывает алан той поры грузинская летопись: «Аланы являются христианами. Это достойный почтения народ. Они любят родниться и любят своих родственников, умеют хранить дружбу, познавать врага. Любят поддерживать соседство, они хлебосольны, хорошо умеют править страной, отличные воины, прекрасно владеют оружием, в бою едины и помогают друг другу, умеют хорошо расставить свои силы во время боя... умеют строить отличные башни, крепости, замки, мосты, переправы, все, что необходимо в войнах. Прекрасно умеют строить церкви и изготовлять церковную утварь. Исключительно высоко в них почитание старших, особенно стариков».

Сведения об аланах содержатся и в трудах византийских авторов. Так, например, Михаил Пселл оставил интересный рассказ о том, как император Константин IX Мономах, правивший в Византии в середине XI столетия, «полюбил некую девицу, которая... жила у нас как заложница из Алании. Девица, дочь **тамошнего царя**, красотой не отличалась, заботами о себе не была избалована и украшена только двумя прелестями: белоснежной кожей и прекрасными лучистыми глазами. Тем не менее царь сразу пленился ею, забыл думать о других своих пристрастиях, у нее одной проводил время и пылал к ней любовью.

Пока царица Зоя была жива, он не очень-то проявлял свои чувства... но когда Зоя умерла, он раздул пламя любви, распалил страсть и разве что не соорудил брачный чертог и не ввел туда возлюбленную, как жену. Преображение этой женщины было мгновенным и удивительным: ее голову увенчало невиданное украшение, шея засверкала золотом, руки обвили змейки золотых браслетов, на ушах повисли тяжелые жемчужины и золотая цепь с жемчугами украсила и расцветила ее пояс. И была она настоящим Протеем, меняющим свой облик.

Хотел Константин и увенчать ее царской короной, но опасался двух вещей: закона, ограничивающего число браков, и царицы Феодоры, которая не стала бы терпеть такого бремени и не согласилась бы одновременно быть и царицей, и подданной. Поэтому-то он и не сподобил возлюбленную царских отличий, однако удостоил звания, нарек севастой, определил ей царскую стражу, распахнул настежь двери ее желаний и излил на нее текущие золотом реки, потоки изобилия и целые моря роскоши. И снова все расточалось и проматывалось: часть растрачивалась в стенах города, часть отправлялась к варварам, и впервые тогда аланская земля наводнилась богатствами нашего Рима, ибо одни за другими приходили груженные суда, увозя ценности, коими издавна вызывало к себе зависть Ромейское царство... Дважды, а то и трижды в год, когда к юной севасте приезжали из Алании слуги ее отца, самодержец публично показывал ее им, провозглашал ее своей супругой, именовал царицей, при этом и сам преподносил им подарки и своей прекрасной жене велел их одаривать».

Михаил Пселл, судя по тону его описания, тенденциозно подходил к оценке роли алан в византийских делах середины XI столетия. На рубеже 50—60-х гг. XI в. начинается блистательная военно-политическая деятельность царя алан Дургулея Великого. В течение почти четверти века он и его армия играли ключевую роль в развитии событий не только на Кавказе, но и в Передней Азии и на Ближнем Востоке. Его услугами охотно пользовались императоры Михаил VII Дука и Никифор Вотаниант. Очевидно, Византия сильно нуждалась в военной помощи со стороны алан. Вероятно, этим и объясняется «увлеченность» византийского императора юной дочерью царя Алании. Конечно, Константин IX Мономах мог «увлечься» красивой аланкой, оказавшейся в столице империи. Но в том-то и дело, что сам же Михаил Пселл говорит, что она «красотой не отличалась». И тем не менее, император максимально приблизил ее к себе и всячески ублажал. Очевидно, союз с нею и «богатые подарки» аланам объективно служили интересам Византии. Неслучайно в период правления Константина IX Мономаха в армии империи важное место принадлежало аланским дружинам. Например, в 1045 г. в походе на Двин участвовал отряд магистра Константина Аланского.

Аланы в X—XII вв. представляли большую политическую силу, подкрепленную военной мощью. Этим и объясняется повышенный интерес к ним со стороны крупных держав. Так, Византия сразу же после возникновения аланского государства активизировала свои контакты с аланами, в которых искала военных союзников, способных заменить одряхлевшую Хазарию и прикрыть северо-восточный фланг империи от возможных вторжений. Красноречиво в этой связи высказывание императора Константина Багрянородного: аланы предпочитают дружбу «царя Ромейского», «если хазары не желают жить в мире и дружбе» с Византией, то царь алан «может причинить им много зла... хазары, боясь нападения алан, и не находя поэтому возможности нападать с войском на Херсон и климаты, так как не имеют силы одновременно воевать с обоими, будут принуждены соблюдать мир».

О значении «аланского» фактора в политике Византии свидетельствует и такой факт: после поражения от болгар в 917 г. патриарх Николай Мистик в письме царю Болгарии Симеону угрожал нашествием венгров, печенегов, русов, алан и «других скифских племен».

С целью укрепления связей с аланами, Византия предприняла идеологическую акцию — содействовала распространению среди них христианства. Данная акция для империи служила средством политической экспансии и укрепления своих пошатнувшихся позиций на Кавказе. Церковные связи двух государств были настолько интенсивными, что вскоре «Алания в византийских источниках представлялась (подобно Руси и др.) оплотом православия в Европе» (М. В. Бибиков).

В этот период упрочились связи алан со славянским миром) Впрочем, отношения славян с ираноязычными племенами юга России имеют давнюю историю. Напомним слова А. П. Новосельцева «о лексическом и даже общественном наследии древних насельников нашего юга — иранцев... часть которых слилась со славянами и участвовала в этногенезе юго-восточной части русского славянства». Что касается конкретно алан, то еще Ю. В. Готье отмечал: «С самого начала русской исторической жизни до Батыева погрома ясы жили рядом с русскими и **среди них** и должны были вносить в русскую жизнь что-то свое».

То, что дело обстояло именно так, указывает иранское про исхождение ряда имен купцов и послов, упомянутых в договорах Руси с греками 911 и 945 годов. В договоре Игоря к таким именам специалисты относят: Сфаньдр, Истр, Прастен, Фроутан и др. Имя Сфаньдр, равно как иранское Эсфандар, очевидно, восходит к **эсфанд** — 12 месяцев года. Фроутану из договора Игоря соответствует иранское **форутан** «простой», «скромный». Имя Прастен сопоставимо с причастием **парастанде** «поклоняющийся», «почитающий», «слуга». В договоре это имя встречается трижды. Созвучно ему имя Фурьстен — одного корня с **фэрэстандэ** «отправитель», «экспедитор».

Ираноязычные параллели можно провести и к некоторым другим славянским именам. Например, легендарному основателю древнерусской столицы — Киею — имеется аналогия в иранском имени Кия. Слово **кей** или **кийя** в иранских языках означает «правитель», «владыка», «царь». Еще одно славянское имя Алвад имеет точную аналогию в иранском. И, наконец, имя Мутур из договора Игоря сопоставимо с иранским мохтар «свободный», «независимый».

В походе 945 г. славян на Каспий принимали участие и аланы. Этот поход стал возможен благодаря соглашению Руси с Византией, заключенному вопреки противодействию Хазарии. Известный исследователь дипломатии Киевской Руси А. Н. Сахаров считает, что в ходе подготовки к походу славяне заключили также союз с аланами и другими народами Северного Кавказа. Сирийский автор Бар-Гебрей сообщает некоторые детали данного похода: «В тот год, когда он (Мусафид Марзубан) начал царствовать, вышли разные народы: аланы, славяне и лезги, проникли до Азербайджана, взяли город Бердау и, убив в нем 20 000, ушли назад».

Объединение славян с аланами и лезгинами указывает на вероятную остановку русов в Дагестане. Здесь и могло произойти описанное Бар-Гебреем событие, ознаменовавшее союзнические отношения славян с северокавказцами.

Поход 945 г. был первым из известных совместных выступлений славян и алан. Разумеется, это показатель не только контактов, но и тесного сближения и сотрудничества. Нашу оценку не меняет то, что в 965 г. Святослав после разгрома хазар нанес удар по ясам и касогам. Как правило, касаясь похода Святослава, исследователи цитируют следующий фрагмент летописи: «В лето 6475

(965 г.). Иде Святослав на козари. Слышавше же козаре, изыдоша противу ему со князем своим Хаганом и соступившеся крепко бишася; и одоле Святослав козарам и град их Белую Вежу взят, и победы ясы и касоги, и приде ко Киеву» (Ипатьевская летопись). Аналогичные тексты приведены и в других летописях, например: Воскресенской, Тверской, Псковской и Софийской. Однако в свое время В. Н. Татищев обратил внимание на другой фрагмент хроники: после победы над ясами и касогами Святослав их «приведе Киеву». В. Н. Татищев трактовал данный сюжет как указание на привлечение алан в Киев «на поселение». А. И. Сахаров допускает, что Святослав перед походом на Дунай мог привести в Киев не поселенцев, а дружины алан и касогов. В любом случае само появление алан в Киеве — факт примечательный. Столь же показательно, что в начале XI в. «Ярослав ходи на ясы, и взят их, и посели на Руси».

Детали походов славян на Кавказ в XI в. известны благодаря переводу В. Ф. Минорского «Тарих ал-Баб». В 1030 г. «русы прибыли в Ширван на тридцати восьми судах». В междоусобной борьбе за трон Аррана (Ганджи) они встали на сторону правителя Фадла б. Мухаммеда и его сына Мусы; «русы оставили свои суда и помогли взять Байлакан. Получив богатое вознаграждение, русы двинулись на запад». Через два года «русы опустошили Ширван» и отходили по суше. По предположению В. Ф. Минорского, они «имели какое-то соглашение с аланами или надежду, что последние поддержат их с севера». Но на этот раз «газии ал-Баба под предводительством эмира Мансура б. Маймуна заняли горные проходы, предали русов мечу и захватили добычу, которую те везли». Через год «русы, подкрепленные аланами, вернулись с целью мести в ал-Баб». Русы и аланы «собрались вместе и двинулись» сушей; однако в битве под ал-Карахом потерпели поражение. «Властитель аланов был силой отражен от ворот Караха».

В начале XII в. киевские князья, осваивая Дон, активизировали борьбу с половцами и стремились нейтрализовать донецких алан. Когда в 1111 г. славяне двинулись к городу Шарукану, то впереди дружины с пением религиозных гимнов шли священнослужители. Горожане вышли «и поклонившася князем русским и вынесоша рыбы и вино». Русичи вошли в город, «перележаща ночь ту», а утром двинулись дальше. По мнению Ю. А. Кулаковского, город на Донце населяли аланы-христиане, и славяне, подступая к Шарукану, знали об этом.

В 1116 г. Владимир Мономах «посла сына своего Ярополка, а Давыд сына своего Всеволода на Дон, и взя полон многе, и взяша три грады: Сугров, Шарукан, Балин. Тогда же Ярополк приведе с собою ясы, и приведе себе жену, красну велми, яського князя дщерь». Как и прежде, аланы, которых Ярополк «приведе с собою», переселялись на Русь, особенно в пограничные районы, где несли военную службу.

Как видно, в X—XII вв. немало алан переселилось на территорию Киевского государства. Но шел и обратный процесс: славяне оседали на Северном Кавказе, что нашло отражение в устной традиции осетин. Это еще в 1780 г. подметил протопоп И. Болгарский: «Что касается до самих сих народов, которых мы называем осетинцами... сказывают многие их них, что весьма не малое число прежде в их места переселилось посторонних и разного рода людей, как то грузин и славян, укрывающихся в то время от притеснений и гонений, чинимых первым от персидского Аббас-шаха, а последним от ординских татар, с которыми смежное имели жительство по разным местам, как то некоторые на Можарах, а другие на Татартупе...»

Обратим внимание на сообщение источника о контактах со славянами в эпоху «ординских татар». В этой связи привлекают внимание открытые археологами на городище Верхний Джулат (у Эльхотовских ворот) каменные здания и вещественный материал, тяготеющий к культуре Древней Руси XI—XIII вв., что подтверждает связь алан со славянами. Интересны находки русских крестов XII—XV вв. на Северном Кавказе. По мнению некоторых специалистов, они свидетельствуют о проникновении в предгорье каких-то групп населения из русских земель. На это же указывает фрагмент персидской хроники «Тарасол» из Тебризской библиотеки, в котором Георгий Лаша наименован «царем царей Абхаза, Шака, Алана и Руса». Тщательно проанализировав связанные с этим сообщением данные, М. Тодуа пришел к заключению, что под названием **Русы** подразумевается часть жителей Древней Руси, оторванных от родных мест и еще в XII в.

населявших Северный Кавказ в непосредственной близости от государства грузинских Багратидов, т. е. проживавших на территории Алании.

Таким образом, Алания X—XII вв. являлась мощной державой, игравшей важную роль в политической жизни Восточной Европы и Передней Азии. С Аланией искали союза крупнейшие державы той эпохи. Это касается Армении и Грузии. По справедливому замечанию А. П. Новосельцева, закавказские государства стремились заручиться поддержкой соседей с севера, чтобы сделать их своими союзниками против врагов с юга. В X—XII вв. наиболее крупное этнополитическое объединение Северного Кавказа — Алания; именно с ней, в первую очередь, искали союза правители Армении и Грузии. Тем удивительнее выглядит господствующее в грузинской историографии мнение о вассальной зависимости с начала XII в. алан и других северокавказских народов от царей Иверии. Это сомнительное утверждение базируется на единственном источнике XII в. — анонимной «Жизни царя царей Давида».

Давид Строитель — действительно колоритная фигура в истории Картли, пожалуй, самая яркая личность среди грузинских царей. Получив тяжелое наследство — разоренное и расстроенное государство с резко поредевшим после длительных кровавых войн населением — смог объединить все царства в одно целое, освободиться от зависимости сельджуков и возглавить борьбу против внешней агрессии.

Решение столь сложных задач потребовало проведения реформ; одной из ключевых являлось создание постоянного войска, отличного от феодального ополчения и подчиненного только царю. Была сформирована и его личная гвардия («мона-спа»).

Резервы для создания постоянной армии Давид нашел в лице половецких (кипчакских) племен. Стремясь закрепить контакты с ними, царь Картли женился на дочери половецкого хана «Атрака, сына Шаракена». Не следует, однако, забывать, что, по свидетельству армянских источников, Давид Строитель первоначально имел жену армянку, которая родила ему сына Деметре, будущего царя. Следовательно, женитьба на половчанке была чисто политическим шагом, сыгравшим свою роль. Давид договорился с тестем о переселении в Грузию (для пополнения постоянного войска) 40 тысяч половецких семей. Хан, «радостно согласившийся на предложение Давида», просил его урегулировать отношения с аланами и обеспечить мирный проход через Дарьяльское ущелье. С этой целью Давид Строитель в 1118 г. отправился в Аланию. Анонимный автор «Жизни царя царей Давида» рассказывает об этом: «Царь пожелал поехать в Овсети и направился. Взял с собой Георгия Чкондидели, мцигнобартухуцеси своего, человека совершенного добротой души, тела, полного мудрости и разумом, советника осторожного, воспитателя царя, соучастника всех его деяний. Вошли в Овсети и встретили их цари Овсети и все мтавари и как рабы предстали перед ними. И взяли заложников с обеих сторон — овсов и кипчаков и так легко объединили два народа, установил между ними любовь и мир, как между братьями, и взял крепости Дарьяла и Кавказских гор; открылась свободная дорога для кипчаков, вывел множество людей, тестя и шурина своих. Не напрасно вывел он их, ибо их руками полностью сокрушил силы персидские, навел страх на царей и с их помощью совершил дела невероятные. Будучи в Овсети (во время пребывания в Овсети) скончался Георгий Чкондидели; с большими почестями перенесли его в монастырь и похоронили, горевало все царство и сам царь оплакивал его как отца своего».

К данному сообщению историка Давида Строителя многие грузинские исследователи подходили без должного критического анализа, прямолинейно воспринимали слова о взятии «овских заложников». Отсюда и тезис о якобы вассальной зависимости Алании от Картли. Разумеется, это явное преувеличение.

Анонимный историк являлся придворным биографом Давида и уже в силу этого просто обязан был возвеличивать истинные и мнимые заслуги царя перед грузинским государством. Конечно, придворного историка нельзя упрекать за это. Но невозможно оправдать современного исследователя, без какого-либо анализа воспринимающего на веру буквально каждое слово источника.

В грузинской специальной литературе указывается, что в поездке на север Давида сопровождала только его дружина («мона-спа») из 5 тысяч воинов. Со столь незначительными

силами он не смог бы «взять крепости Дарьяла Кавказских гор», да и вряд ли посмел бы на территории Алании брать заложников. Кроме того, как подчеркнул З. В. Папаскири, некоторые факты позволяют установить этнический состав «мона-спа»: она комплектовалась из воинов не грузинского происхождения, но «христианами верными, проверенными в боях». Скорее всего этими христианскими воинами были аланы и армяне. А это вовсе исключает возможность их использования против алан.

Самым важным и показательным в нашем случае является сам факт поездки Давида Строителя в Аланию. В сложное для Иверии время монарх не отправился бы к своим вассалам на переговоры, он просто отдал бы приказ. Именно то обстоятельство, что Давиду вместе с Георгием Чкондидели (первым после царя лицом в государстве) пришлось лично выехать в Аланию на переговоры, говорит как раз об отсутствии вассалитета; «рабам» на столь высоком уровне для переговоров не ездят. Дипломатические усилия Давида были значительными и занял много времени, т. к. Георгий Чкондидели скончался во время переговоров.

Заслуживают внимания другие источники, проливающие свет на характер алано-грузинских отношений в XII в. В знаменитой Дидгорской битве в августе 1121 г. в армии Давида участвовало и «наемное войско» из 500 алан. Можно согласиться с Ш. А. Месхиа. что привлечение алан — не военная, а политическая акция, ибо у Давида только половцев насчитывалось **25 тысяч**, да и платить им не надо было. По сведениям историка царицы Тамары (матерью которой была аланка, сама она вышла **замуж** за алана), автора «Истории и восхваления венценосцев», **одну** из дочерей Давид отдал замуж в Аланию.

Приведенные свидетельства не дают оснований **говорить** о вассальной зависимости Алании от Грузии. В XII в., как и раньше, правящие круги соседних народов поддерживали взаимовыгодные, двусторонние контакты.

## Союзники Византии и Руси. Часть 2.

**II. Арабат** — аланский полководец XI в. — эпохи царя Алании Дургулеля Великого. Проводя активную внешнюю политику, Дургулель часто посылал союзникам дружины. С одним из таких аланских отрядов Арабат попал в Византию. В сражении с турками он спас Исаака Комнина, племянника императора, а всю армию — от разгрома. Подробное описание этого боя оставил в «Исторических записках» Никифор Вриенний. «Один алан из числа вступивших по найму в отряд благородного Исаака, по имени Арабат, видя, что варвары нападают с величайшей яростью, и что братья (Комнины) одни с немногими воинами подвергаются опасности, и, боясь, чтобы с которымнибудь из них не случилось какой беды, приглашал товарища по имени Хаскариса, из подручников Алексея Комнина, вместе с ним сойти с лошадей и ударить на врага копьями. «Стыдно будет», сказал он, «если в присутствии аланов мужи благородные и именитые подвергнутся опасности; срам падет тогда на весь аланский народ!» Так советовал Арабат; но Хаскарис отвергал совет его, будто бы не столько благоразумный, сколько смелый... но Арабат, разбранив его по-варварски, тотчас сошел с лошади и, ударив ее кнутом, чтобы она следовала за бегущими, начал сражаться пеший. Турки, пораженные необычностью сего зрелища, недоумевали, что это делается. В руках Арабата было короткое копье: первого попавшегося он ударил копьем в грудь и сбил его с лошади. Один (турок) пустил в него стрелу и ранил ею правую его руку; но он вырвал стрелу из раны и ею же, как некогда Врасид, отомстил варвару. Устрашенные таким его мужеством, варвары немного отступили. Пользуясь этим случаем, он взошел на кровлю (какого-то строения) и оттуда поражал неприятеля стрелами. ...Объятые великим страхом, турки оставили их и отступили; а римляне, немного отошедши, спешили и остановились в безопасном месте. По наступлении ночи пришел к ним и тот алан, который прежде сошел с лошади. Таким образом, все спаслись — никто не был взят в плен, ни убит; и все спасшиеся благодарили своего спасителя и защитника, доброго Арабата».

**Дургулель Великий** — царь Алании, одна из крупнейших политических фигур Кавказа и Ближнего Востока XI в. Его дипломатические и военные шаги нередко оказывались решающими для судеб многих народов.



Блистательная военно-политическая деятельность царя алан Дургулеля Великого начинается на рубеже 50—60-х гг. XI в. В течение почти четверти века он со своей армией играл ключевую роль в развитии событий не только на Кавказе, но и в Передней Азии и на Ближнем Востоке. Его услугами охотно пользовались императоры Михаил VII Дука и Никифор Вотаниант. Очевидно, Византия очень нуждалась в военной помощи со стороны алан. Этим и объясняются династические браки той поры. Сестра Дургулеля Великого Борена вышла замуж за грузинского царя Баграта IV, правившего в 1027—1072 гг. Их дочь Мария вступила в брак с византийским императором Михаилом VII Дукой (1071—1078 гг.). Дочь Дургулеля Великого Ирину Михаил Дука выдал замуж за знатного византийского патриция Исаака Комнина. После смещения Михаила Дуки в 1078 г. Мария стала женой императора Никифора Вотанианта, а двоюродную сестру Ирины в конце XI в. взял в жены правитель Трапезунда Григорий Гавр. Византийские источники Ирину Аланскую называют «василиссой», т. е. императрицей. Это указывает на высочайший социальный статус и политический вес аланского царя Дургулеля, что отметил М. В. Бибииков: «Речь идет о самостоятельном государстве, равноправном с империей ромеев: византийскому василевсу соответствует аланская василисса». Дургулель Великий оказывал серьезную военную помощь своим родственникам-союзникам. В 1062 и 1065 гг. он со своим войском вторгнулся в Арран и наносил удары по противникам Баграта IV. Император Михаил Дука послал Никифора Палеолога к своему «родственнику правителю Алании» за войском. Никифор привел из Алании 6 тысяч воинов. В борьбе с восстанием Урселя в 1073 г. принимало участие войско, присланное «правителем Алании». Приближенные Дургулеля играли важную роль в византийских делах и армии. В походе на Двин в 1045 г. участвовал «магистр» Константин Аланский. В 1071 г. аланы вместе с византийцами сражались против сельджуков при Манцикерте.

Высокую оценку военно-политической деятельности Дургулеля Великого дают грузинские летописи. В 60-х гг. XI в. Грузию неоднократно потрясли набеги сельджукского султана. По сведениям «Картлис цховреба», со времени нашествия Мервана Глухого Картли не испытывала подобного разгрома: «от множества трупов не касался взгляд человеческий тверди земли». Ряд крепостей, включая города Тифлис и Рустави, султан передал своему вассалу Фадлону.

В 1064 г. сельджукский султан Алп-Арслан вновь вторгся с большим войском в Закавказье. Багат IV позвал на помощь своего шурина «великого царя» алан. Дургулель во главе 40-тысячной армии совершил успешный поход на Ганджу. Аланы «разорили владения Фадлона и возвратились с большой добычей». Сообщение грузинской летописи подтверждают арабские авторы. Мониджим-Баши сохранил рассказ о том, как в 1062 г. аланы, прошедшие Дарьяльские ворота, опустошили Арран и взяли 20 тысяч пленных. В 1065 г. они совместно с грузинскими войсками вновь вторглись во владения Шаддадидов и дошли до Аракса.

Вскоре после успешного похода в Ганджу Дургулель Великий решил лично посетить своего шурина и «со многими вельможами» отправился через Абхазию в Кутаис, где застал свою сестру. Оттуда он отправился в Карталинию. Царь Багат находился в Надарбазеве и услышав только о появлении Дургулеля, пошел ему навстречу и «встретил его дружески». В Зкецуни они 12 дней провели за праздничными столами.

Путь из Алании через Абхазию в Кутаис, по которому шел в Грузию Дургулель, указывает на то, что границы Алании в то время простирались далеко на север и на запад, до Эльбруса.

Умер Дургулель Великий в конце XI в. Точное место его захоронения пока не известно. Конечно, самому крупному и влиятельному царю Алании должен принадлежать мавзолей, соответствующий его общественному положению и статусу. В этой связи заслуживает самого пристального внимания идея В. А. Кузнецова, связавшего захоронение в царском мавзолее на Кяфарском городище с Дургулелем. Стены мавзолея сложены из 8 прекрасно отесанных плит, сплошь покрытых рельефными сюжетными изображениями, что в совокупности с конструкцией делает склеп уникальным. Столь монументального могильного сооружения в средневековых древностях Кавказа больше нет и это ставит его на совершенно особое место. Комментируя изображения на склепе, В. А. Кузнецов пишет: «Это символическая характеристика деяний покойного царя... не трудно заметить, что в образах скрыта целая концепция средневековой феодально-

рыцарской этики... Широкое и обильное застолье с дружиной и приближенными, местными и заморскими гостями, культ личной доблести и силы, удачных набегов и военных мероприятий и, наконец, духовное смирение перед всевышним и церковью» — это те нормы и идеалы, которые пронизывали всю жизнь рыцарской аристократии. Семантика рельефов мавзолея соответствует идеологии феодальной элиты; «взятая в целом, она, очевидно, была направлена на прославление деяний захороненного в мавзолее героя — царя Алании...».

**Ирина Аланская** — дочь знаменитого царя Алании Дургулеля Великого. Византийский император Михаил VII Дука, женатый на племяннице Дургулеля, Ирину выдал замуж за знатного патриция Исаака Комнина. Византийские источники Ирину называют «василиссой», т. е. императрицей.

**Росмик** — аланский царь начала XII в., игравший большую роль в армии и при дворе императора Византии Алексея. По свидетельству Анны Комниной, в сражении византийцев с кельтами алан Росмик командовал правым флангом, «где стояли его соотечественники». В источниках Росмик назван «экскусиократором» (царем), а его воины — «воинственными аланами».

По данным Анны Комниной, византийские императоры часто пользовались помощью алан в борьбе с врагами; аланы входили в состав войска, сражавшегося под командованием Исаака и Алексея Комниных против турок. Шеститысячный аланский отряд примерно в это же время пришел на помощь Михаилу VII. Полководцы Росмика в византийской армии занимали важнейшие посты. Так, при дворе Алексея Комнина находился «алан, по сану магистр, который был близок к императору и принадлежал к числу его домашних».

Таким образом, в период правления царя Росмика Алания поддерживала традиционно дружественные отношения с Византией.

**Бурдухан** — аланская царевна, ставшая женой будущего царя Грузии Георгия. ревнегрузинские историки дают Бурдухан блестящие характеристики. Так, автор «Истории и восхваления венценосцев» писал: «Будучи царем, отец (Деметре) привел Георгию в жены дочь царя Худдана, по имени Бурдухан, сообразную с солнцеликим и льву подобным мужем. Сама она была солнцем над солнцами по красоте... Она... если исключить, что у нее был муж, благостью, мудростью, умением ходатайствовать и оказывать помощь напоминала просветительницу неба и земли Марию». Историк царицы Тамары с связи с восшествием ее на престол, отмечал: «Воссела волею божьею Тамара... дочь царя царей Георгия, сына Деметре, рожденная от жены Георгия Бурдухан — дочери осетинского царя, той, которая превосходила всех добродетельных женщин во всех отношениях, кроме того, что она была матерью Тамары; другой ей подобной невестки в те времена не видела страна грузин, она достойна того, чтобы потомки чтили ее из поколения в поколение».

Благодаря браку с Бурдухан Георгий постоянно мог рассчитывать на аланские дружины. Например, когда объединенные силы мусульманских стран опустошили южные районы Грузии, «царь Георгий собрал войска из семи царств своих, из Имеретин и Америи, вывел осетин и жителей многих других земель и направился против султана, имевшего бесчисленное множество... войска». Летописцы утверждают, что Георгий в необходимых случаях получал аланские войска в нужном количестве.

Вскоре после возведения в 1179 г. на престол Тамары произошло событие, по определению летописей, «не только неожиданно, но и безвременно, не сообразуясь даже с быстротечностью жизни: скончалась мать Тамары, равная матери сына Божья. Какой язык в состоянии выразить, сколько горести и вздыханий было вызвано этим событием?.. Вырывая волосы и бороду, он (Георгий)... проливая потоки слез, тысячу и десять тысяч раз ударял себя в грудь и изводил себя. С выбритой головой и подавленным сердцем встречал он дочь свою, светозарный вид которой уже успел омрачиться. Когда они держали друг друга в объятиях, из четырех их глаз источались потоки слез».

Среди представительниц женской половины царского дома Грузии, помимо Бурдухан, средневековые летописцы давали столь высокие оценки лишь ее дочери — царице Тамаре, жене Давида-Сослана.

**Борена** — дочь аланского царя Урдуре, сестра Дургулеля Великого, жена царя Грузии Баграта IV (1027—1072 гг.). Дочь Борены — Мария — вышла замуж за византийского императора Михаила VII Дуку (1071—1078 гг.).

**Давид-Сослан** — аланский царевич из рода Царазонта, муж царицы Грузии Тамары. В закавказской историографии иногда искажают генеалогию Сослана, отказывая ему в аланском происхождении. Первым точку зрения о принадлежности Давида-Сослана к роду грузинских Багратидов высказал в XVIII в. Вахушти. Это мнение еще в дореволюционной историографии подвергалось резкой и обоснованной критике. Например, В. Б. Пфаф аргументацию Вахушти о багратидском происхождении Сослана называл «неуместными и тенденциозными доводами». Концепцию Вахушти убедительно опроверг Г. Д. Тогошвили. Он обратил внимание на то, что современные Тамаре закавказские историки Сослана не считали Багратидом. «История и восхваление венценосцев», Басили, Вардан, Степанос Орбелян и др. Давида-Сослана единодушно называют «аланом царского происхождения». Так, Мхитар Гоша (1188 г.) писал: «Тамара, дочь царя Георгия, разошлась с первым мужем, русским царевичем, и вышла замуж за человека из Аланского царства, ее родственника по матери (матерью Тамары была аланская царица Бурдухан), по имени Сослан, которого после воцарения называли и Давидом». В стойкой народной традиции Сослан неизменно связывается с Царазонами. В Нузальской надписи также определенно говорится о принадлежности Сослана к царскому роду алан Царазонта.

Соправитель Тамары, наделенный широкими правами и полномочиями, Давид-Сослан фактически был вторым лицом в стране и верховным главнокомандующим. Одержанные в период совместного царствования крупны победы над внешними врагами, установление внутреннего мира, большие успехи в экономике и культуре — все это ассоциировалось с именами Тамары и Давида. Они пользовались огромной популярностью, о чем свидетельствуют грузинские летописи и историки, литература и памятники устного народного творчества.

Как верховный военачальник, Давид-Сослан лично вел войска на врага, когда решались крупные вопросы внешней политики (Шамхорская битва) или судьба грузинского государства (Басианская битва).

Шамхорская битва произошла 1 июля 1195 г. Согласно грузинским летописям, в ней «царь действовал как Ахиллес» и одержал уверенную победу. Басили назвал ее «олимпийской победой, достойной гораздо более высокой похвалы, чем победы, которые одержал Александр (Македонский) над Дарием», Давид-Сослан отличился и в Басианской битве; «Подошел Давид, со своим войском, и как волк среди овец, так он ворвался в бесчисленное войско султана. ...Такое громадное множество войска было сразу разбито, побеждено и рассеяно. ...Везде, куда только можно было глазами достать, видны были обращенные в бегство лесоподобные войска».

Полководческая слава Давида-Сослана, приобретенная в боях грузинского феодального государства, косвенно укрепляла воинский авторитет алан, по словам летописцев, «мужей мужественных и сильных в боях».

**Амбал** (осетин, **æмбал** — «товарищ») — алан по происхождению, один из приближенных князя Андрея Боголюбского. На славянский княжеский двор Амбал попал при любопытных обстоятельствах. Андрей Боголюбский после смерти своей первой жены (дочери Кучки), взял в жены аланку, вместе с которой в землю русскую отправился ее брат по имени Амбал. В тот период браки между представителями славянской и аланской аристократии стали обычным явлением. Так, согласно сообщению летописного свода, брат Боголюбского князь Всеволод Большое Гнездо «имел жену ясыню Марию, скончавшуюся в 1205 году; сестра же ея была с 1182 года за Мстиславом, сыном Святослава, великого князя Киевского». Князь Ярополк, сын Владимира Мономаха, после похода на Дон и половцев в 1116 г. «получил ясыню Елену, девицу чрезвычайной красоты, и на ней в Киеве женился». Ее называли дочерью аланского князя Сварна. Еще раз источники упоминают ее в 1146 г.: «Перенесе благоверная княгиня Олена Яска князя своего Ярополка из гробницы в церковь святого Андрея, и положи его у янки». Согласно данным Ипатьевской летописи, «она умерла в глубокой старости в 1201 году».

Особый интерес к союзу с аланами проявляли суздальские князья. Учитывая, что династические браки—обычное дело средневековой дипломатии Восточной Европы, не вызывают удивления многочисленные связи между членами княжеских семей Алании и Суздаля. Таких случаев было так много, что В. Т. Пашуто счел возможным подчеркнуть: «Суздальские князья долгое время сохраняли и матримониальные союзы с владельцами Северного Кавказа, при владимирском дворе встречаются служилые осетины», т. е. аланы. Дело дошло даже до того, что князья других городов Древней Руси в жены аланок брали из Суздаля! Например, в 1182 г. «Князь Киевский Святослав Всеволодович ожени два сына, а ...за Мстислава ясыню из Володимира Суждальского, Всеволожою свеста».

Разумеется, династические браки отражали политическую ориентацию в восточной политике Киевской Руси, где христианам аланам отводилось заметное место. В этой связи появление Амбала в окружении славянского князя Андрея не представляется чем-то неожиданным. Амбал очень быстро продвинулся по службе, «стал любимцем князя» и «получил большую силу во всем доме». Это, однако, не помешало ему вместе с сестрой принять активное участие в заговоре против Боголюбского. Ночью 29 июня 1174 г. заговорщики, в их числе Амбал, ворвались в спальню Андрея и убили его.

На следующий день горожане Владимира, жители Боголюбове и других окрестных сел восстали против княжеской администрации и многих из них перебили. Вскоре Всеволод Большое Гнездо казнил заговорщиков, Амбала повесил, а его сестру — супругу Андрея — утопил в озере Клешен. Сын Андрея от брака с аланкой — Георгий — в это время правил в Новгороде, откуда был изгнан после убийства отца. Спасаясь от преследований Всеволода, Георгий удалился к родственникам своей матери. Средневековые источники отмечают его появление в пределах Восточной Алании на р. Сунже. Следовательно, мать Георгия Андреевича (ставшего затем на короткое время мужем царицы Грузии Тамары) и ее брат Амбал были аланами северокавказского происхождения.

### **В годы суровых испытаний. Часть 1.**

I. Среди важных политических событий, имевших большое значение для судьбы алан, в первую очередь следует назвать нашествие кочевников Востока. Всякого рода влияния, завоевания и т. д. нельзя не только преувеличивать, но и недооценивать. Часто именно внешние воздействия оказывались решающими для направления путей развития тех или иных народов. Это в полной мере можно отнести к аланам.

В первой половине XIII в. аланы дважды столкнулись с татаро-монголами. Первое столкновение произошло во время разведывательного похода особого корпуса кочевников из двух усиленных туменов (численностью около 25 тысяч воинов) под командованием опытных полководцев Джебе и Субудая. Аланы внимательно следили за движением корпуса. Ко времени выхода монголов на Северный Кавказ они заключили союз с кипчаками о совместной борьбе с завоевателями. Однако, хотя в этом союзе были кровно заинтересованы обе стороны, он оказался непрочным. «Когда они (монголы) пришли в область алан,— писал Рашид ад-Дин,— а жители тамошние были многочисленны, то они (аланы) сообща с кипчаками сразились с войсками монголов; никто не остался победителем. Тогда монголы дали знать кипчакам: «Мы и вы — один народ и из одного племени, аланы же нам чужие: мы заключим с вами договор, что не будем нападать друг на друга и дадим вам столько золота и платъев, сколько душа ваша пожелает, (только) предоставьте их (алан) нам». Они послали много добра; кипчаки ушли обратно, и монголы одержали победу над аланами, совершив все, что было в их силах по части убийств и грабежей».

После разгрома аланского войска монголы огнем и мечом прошли по равнинной части страны, а затем стали безжалостно истреблять кипчаков.

Поход Джебе и Субудая 1222—1223 гг. в Восточную Европу являлся глубокой разведкой в ходе подготовки кампании по покорению западных стран. Уже в то время существовал план создания мировой империи Чингисхана, куда должны были войти все европейские государства, вплоть «до

последнего моря». Предводителем общемонгольского похода в Восточную и Центральную Европу стал внук Чингисхана Бату (Батый).

Решение о новом походе, как пишут летописцы Джувейни и Шихаб ад-Дин, было принято на втором курултае в 1235 г. «На втором курултае мнение утвердилось на том, чтобы обратить победоносный меч на голову вождей русских и асских за то, что они поставили ногу состязания на черту сопротивления». Походу на алан Батый придавал большое значение. Его привлекали перевальные дороги в Закавказье (современные Военно-Сухумская, Военно-Осетинская и Военно-Грузинская дороги). Помимо этого, монголы горели желанием свести старые счеты с аланами, выступившими против них еще в 1222 г. Чингизиды тщательно готовились к броску на запад. В помощь Батыю Угэдэй, наследник Чингисхана, назначил своих сыновей Гаюк-хана и Кадагана, царевичей Менгу-хана, Бучека, Кулькана, Бури, Байдара, братьев Бату — Хорду, Тангуту и несколько других царевичей, а из знатных эмиров — «Субатай-бахадур». Для «устройства своих войск и ратей отправились каждый в свое становище и местопребывание, а весной выступили из своих местопребываний и поспешили опередить друг друга. В пределах Булгара царевичи соединились; от множества войск земля стонала, а от многочисленности и шума полчищ столбенели дикие звери и хищные животные».

В 1237 г. одновременно с Русью монголы вторглись на Северо-Западный Кавказ, где нанесли поражение адыгам. Второй поход монголов против алан продолжался с сентября 1238 г. По сентябрь 1239 г. Зимой они приступили к осаде столицы Алании — г. Магас. Подробности битвы за Магас оставили Джувейни, Рашид ад-Дин и Шереф ад-Дин. По их данным, жители Алании «по многочисленности своей были (точно) муравьи и саранча, а окрестности были покрыты болотом и лесом до того густым, что (в нем) нельзя было проползти и змее». Осадой города руководили Гаюк-хан, Менгу, Кадан и Бури. По их приказу, «с каждого бока» проложили такую дорогу, что по ней могли двигаться четыре телеги. Против крепостных стен установили метательные орудия. После длительной осады и штурма Магаса осталось «только имя его». У каждого убитого горожанина отрезали правое ухо. В переводе персидского текста В. Г. Тизенгаузеном, «сосчитано было 270 000 ушей». Цифра жителей Магаса представляется явно завышенной, но также несомненно, что она была немалой. Судя по длительности осады — по арабским источникам полтора месяца, а по китайским — даже три — с применением стенобитных машин, Магас являлся крупным городом. В. Ф. Минорский дает иной перевод данного фрагмента из Джувейни: «И насчитано было две тысячи семьсот ушей». Данная цифра представляется более вероятной, чем приводимая в издании В. Г. Тизенгаузена. Интересно, что из всех покоренных татаро-монголами укреплений Восточной Европы в монгольской и китайской хрониках упомянуты лишь Киев и Магас.

Летом 1240 г. чингизиды в основном закончили покорение равнинной Алании и степного Предкавказья. Феодалная раздробленность не позволила овсам выставить объединенное войско. Бесконечные феодалные междоусобицы в предшествующий период привели к политическому распаду некогда мощного Аланского государства, усилению процессов децентрализации. В 1235 г. венгерские миссионеры обратили внимание на междоусобицы в Алании, из-за которых даже на сельскохозяйственные работы «все люди одного селения при оружии вместе идут». По рассказу доминиканца Юлиана, также посетившего Северный Кавказ в 1235 г., у алан «сколько местечек, столько князей, из которых никто не считает себя подчиненным другому. Здесь постоянная война князя с князем, местечка с местечком».

Монголы умело воспользовались трениями среди северокавказской знати, послав, например, воинов аланского князя Матарша на Магас, а аварские отряды — на Кумух. Причем, Матарша был начальником авангарда у Монкэ, руководившего штурмом Магаса. В Матаршу «попало две стрелы, но воодушевившись храбростью, он овладел городом».

Крупные феодалы Алании, не желая терять свои привилегии, нередко без боя сдавали целые области. Китайская хроника «Юань-ши» прямо указывает на это: аланский князь Хан-Ху-сы со своим народом подчинился Угэдэю, как только монголы достигли границ его владений. За это феодала возвели в звание «бадур», пожаловали золотую пайцзу и «оставили властвовать ...над землей и народом». Вскоре по указу завоевателей он набрал «войско асов в 1000 человек», а его сын Атачи

находился «в свите и сопровождал государя в походе». Сын Атачи Бодар наследовал должность тысячника и носил золотую пайцзу. В 1283 г. Бодару пожаловали тигровую пайцзу, назначили командиром гвардии и главнокомандующим «отдаленных сторон». На службу к монголам перешли Арслан, Илья-багатар, Юй-ва-ши, Негулай, Коу-эр-цзы, Фу-да-лай-сы, Бадур, Матарша, У-цзор-бухань и еще 30 знатных алан. Они также сохранили свои сословные привилегии, а богатства преумножили. Например, Менгу «выдал Арслану грамоту на управление народом асу». Упомянутому выше Атачи хан Хубилай «пожаловал 500 лан серебра и 3500 связок ассигнациями, а также 1630 дворов из числа усмиранных жителей». В монгольско-китайской империи аланы составили отборную пекинскую гвардию численностью, по данным И. Мариньоли, более тридцати тысяч воинов.

По сообщению византийского историка второй половины XIII в. Георгия Пахимера, социальные верхи алан, зихов, готов, русов и других, изучив язык, переняв обычаи и нравы татаро-монголов, стали их союзниками. Вассалы Золотой Орды нередко собирали дань со своих соплеменников. Например, Менгу назначил некоего Аргуна главным сборщиком налогов в «западных странах», а в 1255 г. отправил вместе с другими чиновниками произвести перепись «покоренных народов», в том числе населения Северного Кавказа. На службе у ханов находилось и духовенство захваченных районов.

Татаро-монгольская агрессия и сословная политика ханов нашли отражение и в устном творчестве. В частности, в нартов-ском эпосе в сказании о войне между Ахсартагата и Бората фигурирует Сайнаг-алдар. Это имя представляет собой передачу монгольского почетного имени Батыя — Саин-хан «славный хан». Образ Сайнаг-алдара и его действия служат иллюстрацией политики ханов Золотой Орды — образование и стравливание группировок в стане своих противников. Сайнаг - алдар помогал одному объединению нартов в борьбе с другим, во главе с Хамыцем, которого он и убивает.

Однако большая часть населения равнинной Алании продолжала оказывать захватчикам сопротивление, которое проявлялось в самых различных формах и охватывало практически все слои населения, в том числе и господствующие. Одна из (пассивных) форм борьбы—уход с захваченных территорий. «Картлис цховреба» сообщает о появлении в Закавказье в середине XIII в. новой большой группы алан. «Среди них была удивительная женщина по имени Лимичав, и она с собой привела малолетних детей родом аксарфкянов (ахсартагатов): Фареджана и младшего Багатара, и много князей».

Значительные контингенты алан во второй половине XIII — первой половине XIV вв. появились в Молдавии, на Балканском полуострове и в Венгрии. В Венгрию аланы совместно с половцами прибыли в конце 30-х гг. XIII в. и поселились на плодородных землях, которые указом короля закрепились за ними. Часть алан нашла убежище в Византии, с которой на протяжении многих веков Алания поддерживала дружественные отношения. По сообщению Никифора Григора, аланы тайно послали посольство в Константинополь с предложением перейти на службу. «Император благосклонно принял их и более 10 тысяч алан прибыло в Византию с женами и детьми».

Аланы, осевшие в горных ущельях, вместе с другими народами Кавказа продолжали вооруженную борьбу с завоевателями. Степанос Орбелян в «Истории Сюника» повествует о выступлении против татар объединенного войска, во главе которого стоял «молодой грузинский царь Давид, сын Деметра». Он «завладел Аланскими воротами, которые в древности назывались Дариал... откуда изгнал татарскую стражу».

Из-за упорного сопротивления населения **равнинной** Алании монголы неоднократно вынуждены были посылать сюда карательные отряды. В 1247—1248 гг. татаро-монголы вновь нанесли чувствительное поражение равнинным аланам. Однако, как и прежде, аланы, а также черкесы и лезгины, не покорились захватчикам. В 1253—1254 гг. через степное Предкавказье проследовал Вильгельм де Рубрук. Он обратил внимание на упорное сопротивление, оказываемое населением Северного Кавказа завоевателям. В частности, В. де Рубрук отмечал: «Черкесы и аланы или аас, которые исповедуют христианскую веру и все еще борются против татар. За ними вблизи моря... находятся сарацины, именуемые лесгами, которые равным образом не подчинены татарам. ...Аланы

на этих горах все еще не покорены, так что из каждого десятка людей Сартаха двоим надлежало караулить горные ущелья, чтобы эти аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине».

Чингизиды так и не смогли подчинить горную зону своему влиянию. Плано Карпини в «Путешествии к татарам» воспроизвел один из фрагментов борьбы алан; «В нынешнее время осаждали они (монголы), кажется, двенадцать лет в Аланской земле гору, которая, однако же, сопротивлялась храбро и многие татары и вельможи их под нею погибли». Под упомянутой горой подразумевается крепость на возвышенности. Арабские географы упоминали о многих аланских крепостях на равнине и в горах, «куда царь время от времени переезжает». У Плано Карпини речь скорее всего идет об известной аланской крепости Дар-и-Алан в глубине Дарьяльского ущелья. Как выше отмечалось, монголы стремились взять под контроль перевальные пути в Закавказье, в том числе и дарьяльский путь, но они не могли этого сделать, не захватив крепость Дар-и-Алан. Данные Плано Карпини о длительности осады — 12 лет — требуют коррективов. Поскольку он побывал на Северном Кавказе в 1246 г., то получается, что монголы приступили к осаде в 1234 г., когда их еще не было на Кавказе. Следует согласиться с В. А. Кузнецовым и отнести начало осады аланской крепости к 1238—1239 гг., т. е. ко времени монгольского похода на Кавказ; следовательно, она велась не 12, а 8 лет.

Информация о борьбе алан и других народов Северного Кавказа с татаро-монголами еще в середине XIII в. дошла до Англии. Р. Бэкон в «Великом сочинении» писал: «Затем далее к востоку находятся горы аланов или ассов. Они — христиане и принимают всех христиан, равно как латинских, так и греческих... И они борются против татар; за ними на восток живут сарацины, которые называются лелги (лезги), ведущие с татарами войну из-за плодородной земли». Помимо этого, Р. Бэкон отметил «какие-то племена в горах и наиболее защищенных местах, хотя они (татары) и соседствуют с ними, не могут одолеть, ибо они непобедимы».

Не затихала борьба с чингизидами и на равнине. В этот период распространенной формой сопротивления стало абречес-тво: такая форма борьбы, когда воюющий мстит врагу, не имея силы его уничтожить. Небольшие отряды наводили страх на завоевателей. Рубрук и его спутники на пути от Сартаха к его отцу Батью «ощущали сильный страх: русские, венгры, аланы, рабы их (татар)... собираясь зараз по 20 или 30 человек, выбегают ночью с колчанами и убивают» врагов. Вместе с тем Рубрук отметил, что в Предкавказских степях «он встречал алан в разных местах в пределах татарского господства. Они оказывали ему радушный прием, уважая в нем его духовный сан». Рубрук выяснил, что вся равнина уже контролировалась татарами, а непокорные жили в горах. «Из расспросов своих татарских проводников Рубрук узнал, что аланы, так же как и лезгины, отстаивали свою независимость от татар и, спускаясь с гор в степи, грабили у татар их стада».

По свидетельству Джувейни и Рашид ад-Дина, борьбу с захватчиками на равнине возглавляли предводители черкесов (Тукар), алан-асов (Качир-укулэ) и половцев (Бачман). У них не было постоянного местопребывания — «днем на одном месте, ночью на другом». К ним присоединилось «скопище других беглецов», «бесчинство увеличивалось со дня на день», «смута и беспорядки умножались». Для поимки абреков Менгу-хан выделил 20 тысяч воинов. Вскоре монголам удалось схватить Бачмана; его собственноручно казнил хан Бучек. Такая же участь постигла алана Качир-укулэ.

Джувейни и Рашид ад-Дин, находившиеся на службе у монголов, тенденциозно подходили к оценке выступления равнинных алан. Показательна их характеристика руководителей и участников сопротивления: «воры», «бродяги», «разбойники». В то время как среди населения они пользовались поддержкой. Это вынужден был признать и Рашид ад-Дин: повстанцы «во всех городах держали лазутчиков, чтобы они извещали о выезде разного состояния людей». Абреки угоняли скот у завоевателей, убивали предателей. Нападая на караваны, они, по словам Рашид ад-Дина, кричали: «У кого нет ничего, или есть мало, до тех нам дела нет». Бедняки отходили в сторону, а у остальных отнимались ценности. Поэтому можно говорить о наличии серьезного социального протеста. Еще одним свидетельством этому служит интересное сообщение китайской хроники «Юань-ши». Один из крупных аланских князей Хан-ху-сы добровольно подчинился Угэдэю и вскоре во главе отряда в 1000 воинов отправился в поход. «По возвращении... Хан-ху-сы по пути домой встретил врагов и погиб в

бою. Умирая, он приказал своей жене Вай-ма-сы во главе войска защищать владение. Вай-ма-сы, одевши шлем и латы, усмирила волнение».

Очевидно, рядовое аланское население, оставшееся на равнине, не разделяло сепаратизма князей и нередко с оружием в руках выступало как против татаро-монголов, так и против своих феодалов-изменников.

Всякое мало-мальски широкое выступление монголы жестоко подавляли. С этой целью враждовавшие между собой джучиды Золотой Орды и хулагиды Ирана на рубеже XIII—XIV вв. объединили свои силы. В 1301 г. монгольский правитель Ирана Га-зан-хан истребил повстанцев Дагестана, «которые с давних пор, бунтуя и восставая, скрывались в неприступных горах». Крупное восстание вспыхнуло в аланском городе Деякове. Известия о нем содержатся в русских летописях. «В лето 6785 (1277 г.)» пришли в Орду князь Борис Ростовский с братом Глебом и сыном Михаилом, князь Федор Ярославский. Князья с ханом «Менгу-темиром поидоша на войну на ясы, и приступиша рустии князи ко ясскому городу ко славному Деякову, и взяща его месяца февраля 8». Таким образом, дата падения города известна, но начало восстания точно установить пока не удастся. Татарские ханы постоянно посылали отряды из покоренных районов на войну, хотя с чисто военной точки зрения привлечение местных дружин было далеко не обязательным. Таким способом стравливались соседние народы. Если хан вынудил русских князей идти на Кавказ для штурма Деякова, то среди туменов Мамай в 1380 г. находились и представители горских народов — «черкесы».

Из других выступлений народов Северного Кавказа необходимо упомянуть о восстании черкесов (возможно, и аланских жителей г. Маджары) в 1327 г., во время которого предводитель монгольского войска Хасан, по одним сведениям, был убит, по другим источникам — смертельно ранен.

Татаро-монгольское нашествие нанесло страшный удар по народам Кавказа. Но особенно тяжелыми его последствия оказались для алан. Довершил разгром алан Тимур, после походов которого Алания стала «пустыней без владельцев» (М. Меховский). Большая часть народа переселилась в Европу, Византию, Закавказье, на Дальний Восток. Значительная часть равнинных алан вынуждена была мигрировать в горы, к своим соплеменникам, теряя тем самым мощную производственную базу на равнине. Надолго приостановился процесс экономического, социального, этнического и культурного развития алан-осетин.

## В годы суровых испытаний. Часть 2.

**Феодор**—священнослужитель, поставлен Константинопольским патриархом епископом Алании (около 1240 г. ?), алан по происхождению. В период монгольских походов нашел своих соотечественников вблизи Херсона в Тавриде, «где и преподавал им пастырское учение. Претерпев разного рода затруднения, он достиг, наконец, кавказской Алании, где испытал горькое разочарование, застав свою паству христианской лишь по имени. Интересно и важно в его рассказе то, что у алан были повсюду священники из **местных людей**: так как они были поставлены незаконно, то епископ Феодор, после долгих колебаний, совершил над ними вторичное рукоположение» (Ю.Кулаковский). Рубрук, побывавший здесь в 1253 г., «в степях на Дону и на Волге встречал Алан, которые были христианами греческого исповедания». Разыскивая свою епархию, Феодор сначала прибыл в Херсон, а оттуда в Керчь. «Отсюда он хотел, по-видимому, направиться на место своего пастырского служения. Но там ему не было дозволено высадиться на берег. Пристав затем где-то на кавказском берегу, еп. Феодор достиг пределов своей епархии только после 60-дневного очень трудного пути. Очевидно, таким образом, что ему пришлось проходить через один из горных проходов, которые служили для сношений алан с иберийцами, занятыми авазгами...»

**Атачи** — китайская форма имени аланского князя **Ждас** «Бесстрашный», сына крупного аланского князя Хан-ху-сы, перешедшего на сторону монголов и отмеченного ханом Мункэ. Высшее монгольское командование, как подчеркнул Ю. Рерих, справедливо отметило воинскую доблесть алан и мудрость их полководцев, поэтому с выгодой для себя заключило с ними военный союз.



Атачи (Ждас) возглавил 1000 аланских воинов, снаряженных отцом, и сопровождал Мункэ (1251—1260 гг.) в походах. Эта тысяча стала основой личной гвардии хана. Учитывая строгость отбора в ханскую гвардию, этот факт следует рассматривать как исключительную честь, на которую редко кто мог рассчитывать. Атачи участвовал в походе Мункэ в провинцию Сычуань. Он отличился в бою с сунской армией у города Дао-вай-шань. Хан «лично пожаловал его вином и наградил серебром». В походе Арикбуга (младшего брата Мункэ и Хубилая) Атачи во главе авангарда «устремился на врагов. Стрела попала ему в живот, но Атачи не испугался». Хубилай, услышав об этом случае, «похвалил его, наградил серебром и поставил над гвардией». Атачи отличился в походах 1261, 1262, 1268, 1269, 1270, 1274 гг.; поэтому он получил почетное прозвище **Ждас** «Бесстрашный».

В 1273 г. в городе Чан-Чао, «где он стоял гарнизоном», Атачи был убит сунским военачальником Хун-Фу «на пиру, на который были приглашены асы». Многие аланские офицеры после взятия Чан-Чао нашли смерть в этом городе из-за предательства китайского генерала Хун-Фу. Генерал, сдав город войскам великого хана, ночью организовал резню аланских частей. В отместку, по приказу великого хана, весь китайский гарнизон был уничтожен, город потерял свои права, а собранную с него дань полностью передали семьям убитых аланских офицеров. Хан Хубилай, сожалея о смерти Атачи, пожаловал его семье «500 лан серебра и 3500 связок ассигнациями, а также 1539 дворов из числа усмиренных жителей».

**Матарша** («Бесстрашный») — аланский князь, во время Кавказского похода монголов перешедший на сторону врага. Он, его братья Бадур и У-цзор-бу-хан «с народом пришли с выражением покорности» к хану Мункэ. Вместе с монголами Матарша участвовал зимой 1239—1240 гг. в осаде и штурме столицы Алании г. Магаса. Причем, Матарша командовал авангардом войск монголов. По сведениям китайской хроники, при штурме Магаса «в него попало две стрелы, но, воодушевившись храбростью, он овладел городом».

**Илья-багатар** — аланский полководец; во время Кавказского похода монголов в XIII в. Илья-багатар «пришел с правителем его государства и подчинился Угэдэю. Ему повелено было быть в гвардии». Судя по этому сообщению хроники «Юань-ши», Илья-багатар командовал дружиной какого-то крупного аланского князя. Тот же источник представляет Илью исключительно мужественным человеком. Подвергшись внезапному нападению тигра, он схватил хищника за язык, а затем заколол его кинжалом.

В 1258 г. Илья-багатар уже на Дальнем Востоке; вместе с ханом Мункэ он участвовал в походе на провинцию Сычуань. Аланский полководец решительно действовал при подавлении восстания в долине Янг-Це-Кьянг, где быстро навел порядок. Прославленного военачальника вероломно убили в 1275 г. в упоминавшемся уже городе Чан-Чао.

Старший сын Ильи-багатара Есудар заменил отца и командовал отрядом алан. Но вскоре он умер от полученных в бою ран. Другой сын Ильи Юй-ва-ши «наследовал отцу в должности тысячника» аланского корпуса. Он отличился во многих сражениях; умер в мае 1307 г.

**Качир-укулэ** — один из предводителей повстанцев, боровшихся в середине XIII в. с татаро-монголами. В равнинной зоне Северного Кавказа сопротивление захватчикам не прекращалось в течение длительного времени. Так, Вильгельм де Рубрук, побывавший в степном Предкавказье в 1253—1254г., «встречал алан в разных местах в пределах татарского господства». На пути к Батью Рубрук и его спутники «ощущали сильный страх: русские, венгры, аланы, рабы их (татар) ...собираясь зараз по 20 или 30 человек, выбегают ночью с колчанами и луками и убивают» своих врагов. По свидетельству Джувейни и Рашид ад-Дина, борьбу с монголами на равнине возглавили предводители черкесов (Тукар), алан (Качир-укулэ) и половцев (Бачман). Они доставили татаро-монголам столько неприятностей, что хан Менгу снарядил для поимки вождей абреков огромное войско в 20 000 человек. В то время как ядро повстанцев составляло всего 200 человек. Уходя от погони, Бачман скрылся на одном из островов Волги. Но монголы, воспользовавшись отливом, ворвались на остров, истребили его защитников и схватили Бачмана. Позже его собственноручно казнил Бучек. Такая же участь постигла алана Качир-укулэ.

**Арсалан** — аланский князь, поступивший на службу к монгольским ханам. По сведениям хроники «Юань-ши», «со своим сыном А-сан-чжэнем он явился к войску (монголов) с изъявлением

покорности в то время, когда Мункэ окружил войском его город». Из аланских воинов монголы сформировали отдельный корпус, который слился с ханской гвардией. Позже Мункэ велел Арсалану «одному быть начальником асов; оставили только половину отряда, а остальных вернули, чтобы они охраняли свои границы». Сына Арсалана Мункэ приблизил к себе.

Рядовое аланское население не поддерживало сепаратизм князей и с оружием в руках выступало и против захватчиков, и против своих князей. А-сан-чжэн «встретил возмущившийся отряд Ду-р-гэ, храбро вступил с ним в бой и погиб. ...Мункэ послал обернуть (в ткани) труп и возвратить его (отцу) для погребения». Арсалан взамен отправил к Мункэ другого сына — Николая; он принял участие в походе монголов в провинцию Хун-Нам на юге Китая и там погиб. Внук Арсалана Ху-р-ду-та занимал место сотника у великого хана Хубилая (1260—1294 гг.).

**Хан-ху-сы** — аланский князь середины XIII в., имя которого дано в передаче китайской хроники «Юань-ши». В период правления хана Угэдэя (1236—1241 г.), сына Чингисхана, монголы совершили поход на Кавказ. Чингизиды проявили большую заинтересованность в привлечении хотя бы части алан на свою сторону, надеясь с помощью их дружин укрепить свое положение в регионе, а также использовать военную мощь алан в других походах.

Хан-ху-сы с подчиненными перешел на сторону монголов. Мункэ пожаловал князю «звание бадур, дана была ему золотая пайцза и повелено властвовать над своею землею и народом». Хан-ху-сы снарядил 1000 аланских воинов и во главе со своим сыном Атачи отправил в свиту Мункэ для сопровождения хана в походе. Сам же Хан-ху-сы, согласно хронике, «по пути домой встретил врагов и погиб в бою». Он приказал своей жене Вай-ма-сы «во главе войска защищать владение. Вай-ма-сы, одевши шлем и латы, усмирила волнение». Судя по этому сюжету, рядовое аланское население, оставшее на равнине, не разделяло сепаратизм князей и с оружием в руках выступало против своих соплеменников-феодалов.

**Бодар** — аланский князь, сын Атачи, внук Хан-ху-сы. Если дед Бодара жил и умер на Кавказе, то отец его, командуя аланской тысячей в личной гвардии монгольских ханов, перебравшись на Дальний Восток, где отличился во многих сражениях. После гибели Атачи, великий хан Хубилай повелел Бодару «наследовать отцу в должности тысячника и носить золотую пайцзу». Он также прославился талантом полководца; в 1283 г. ему пожаловали тигровую пайцзу, «титул главнокомандующего, усмирителя отдаленных сторон и чин командира гвардии, вместе с тем за ним было сохранено командование отрядом асов». Бодар далеко продвинулся по служебной лестнице и командовал крупными силами. При Хубилае личный состав ханской гвардии насчитывал уже 30 000 аланских всадников. С этого времени элита аланской военной аристократии стала привилегированной в армии великого хана. Аланская гвардия, состоявшая из двух корпусов, просуществовала до падения Монгольской династии. Когда последний монгольский император Китая Тогон Тимур в 1368 г. покинул Пекин, в числе отрядов, следовавших за ним, была и аланская дружина, «сохранившая и в беде верность своим повелителям» (Ю. Рерих).

Во время похода в 1289 г. у воинов Бодара не хватило провианта. Тогда его мать «Най-цзяо-чжэнь дала средства и отправила свой собственный скот для пропитания войска. Хубилай, услышав об этом, похвалил ее и богато наградил». В 1300 г. Бодар умер; его сыновья также служили в армии и занимали высокие командные посты.

**Джайи-Буха** — правнук аланского князя Николая, служил на Дальнем Востоке, в армии великого хана Мункэ. Высший офицер, он в 1329 г. возглавил особую часть, состоявшую из аланских воинов. В 1336 г. стал командующим левого крыла аланской гвардии.

**Фареджан** — аланский царевич, талантливый полководец, в острой борьбе с противниками в конце XIII в. сумевший сохранить ядро алан и спасти этнос от полного физического уничтожения.

Родился Фареджан в середине XIII в. После гибели отца в январе 1263 г. его вместе с младшим братом Багатаром укрыли в Закавказье. Свод грузинских летописей «Картлис цховреба» и аноним середины XIV в. Жамтаагмцереги так описывают события той поры: в 1263 г. «пришли осетины, преследуемые Берка-ханом. Среди них была удивительная женщина по имени Лимичав, и она с собой привела малолетних детей, родом ахсарфкянов (ахсартагатов): Фареджана и Багатара и много князей». Женское имя Лимичав, упомянутое в летописи, по мнению лингвистов, является

искаженным осетинским Лымансау, что в переводе означает «с приятной походкой». Так как эта женщина имела отношение к царским детям — Фареджану и Багатару — то, очевидно, она сама относилась к аланской аристократии. Поэтому ей, грациозной, видимо, женщине, дали такое имя. Имя Фареджан М. Андроникашви-ли выводит из осет. **фарн** «добро, слава, блеск» и т. д. Такое имя, указывающее на богатство и благопристойность его носителя, вполне увязывается с личностью наследника престола.

В царствование Вахтанга II (1289—1292 гг.) грузинские князья во главе с царевичем Давидом и «сыном овского царя» Фареджаном отправились в поход в Малую Азию. «В то же царствование разгорелась война между монгольскими нойонами (правителями) — Казаном и Тукалом. Сторону последнего взяли грузины, которые все имущество Тукала укрыли в Атенской крепости под наблюдением Фареджана». Разъяренный Казан послал против Давида огромное войско. «Монголы опустошили Карталинию и Трианети». Грузинский монарх отступил в Осетию и укрылся «в крепости Хада».

В конце XIII в. в Грузии разгорелась острая борьба за престол между Давидом VI и Вахтангом IV. Грузинский «Хронограф» XIV в. в связи с этим «царевича овского» Фареджана причисляет к активным сторонникам Давида. Во многом благодаря его поддержке — по хронике: «Фареджан также весьма содействовал Давиду» — последний утвердился на престоле. Давид очень нуждался в военной поддержке аланских аристократов. С их помощью он надеялся ослабить влияние монголов в Грузии, позиции которых в Закавказье были очень прочными; Давид даже вынужден был жениться «на монгольской принцессе Джигра-Хатун». Правда, используя тот факт, что она оказалась бездетной, Давид породнился и с аланами, взяв «овскую принцессу Алтун, от которой родились сын Георгий и дочь Тамара».

Такое развитие событий никак не устраивало монголов и они предпринимали попытки стравить Давида и алан. Долго это им не удавалось. Но однажды монголы вынудили Давида пойти с ними в поход на крепость Тангузала. После месячной осады крепость пала. Так как в ней находился Фареджан, «сын царя осетинского, то осетины ожесточились», стали наиболее активной силой, выступавшей против Давида. Преемником Фареджана стал Багатар; он довел до логического завершения дело, начатое братом Фареджаном и, стабилизировал границы проживания алан как на Северном Кавказе, так и в Закавказье.

**Багатар** — один из самых известных военачальников средневековой Алании. Его жизнь и деятельность приходится, пожалуй, на самый тяжелый и трагический период истории алан-овсов — XIII в. С 30-х гг. этого столетия шла упорная борьба с монголо-татарскими завоевателями. Борьба шла не только за территорию, не только за независимость, но и за само существование алан-овсов. В том, что они сохранились как этнос, велика заслуга Багатара. Слово «багатар», напомним, означает «храбрый», «богатырь». Первоначально этим термином аланы обозначали высший слой военной аристократии, предводителей дружин. Позднее, с развитием социальных отношений, «багатарами» стали именовать и царей, подчеркивая тем самым их происхождение из военно-аристократической элиты. Так, например, согласно Ибн-Рустэ (X в.), царь алан назывался «багатар», «какое имя прилагается к каждому из их царей». В отдельных случаях рассматриваемый термин использовался как антропоним. В нашем случае Багатар — т. н. «говорящее» имя, указывающее на полководческий талант его носителя. Своды грузинских летописей Багатара причисляют к аланскому царскому роду Ахсартагатов. Его отец в середине XIII в. возглавил сопротивление соплеменников золотоордынским ханам. В этой борьбе царь алан опирался на помощь ильханов — правившей в Закавказье династии монголов, соперничавших с Берке — владыкой Золотой Орды.

В середине XIII в. Вильгельм де Рубрук, посетивший Северный Кавказ, обратил внимание на упорное сопротивление, оказываемое аланами завоевателям. В частности, он писал: «аланы или аас, которые исповедуют христианскую веру и все еще борются против татар. ...Аланы на этих горах все еще не покорены ...аланы, также как и лезгины, отстаивали свою независимость от татар и, спускаясь с гор в степи, грабили у татар их стада».

Играя на внутримонгольских противоречиях, аланская аристократия в 60-х гг. XIII в. пыталась воспользоваться вторжением ильханов на Северный Кавказ и покончить с господством Золотой

Орды. Союзу аланской аристократии с ильханами способствовало и то обстоятельство, что Хулагу (хан закавказских владений татаро-монголов) поддерживал христиан всех исповеданий. Первоначально успех сопутствовал Хулагу. В 1262 г. его нойоны одержали ряд крупных побед. Хулагу, согласно Рашид ад-Дину, приказал отправиться за врагом и забрать «жилища воинов Беркея. В силу (этого) указа они переправились через реку Терек. Жилища всех эмиров, вельможи воинов Беркея сияли в той степи. Кипчакская степь была сплошь в кибитках и больших шатрах, а земля та полна мулов, лошадей, верблюдов, коров и овец, а работных людей их ни одного не было в жилищах. Все бежали, бросив жен и детей». Три дня пировали нойоны Хулагу.

Несколько иначе описывает данный этап противоборства монгольских ханов армянский историк XIII в. Киракос Гандзакец. По его данным, Хулагу разбил свои отряды на три рати. Одну из них он «поручил своему сыну Абагахану, к нему же отправил и правителя Аргуна ...другую рать он собрал у Аланских ворот и, взяв с собой остальное войско, двинулся и вступил (на территорию) далеко за Дербентскими воротами, ибо оттуда есть лишь два пути: через аланов и через Дербент. И, разорив части улуса Джучи, дошел до великой и бездонной реки Теркн Этиль...»

Берке, в свою очередь, собрал огромное войско. Арабские авторы единодушно указывают на это, Джучиды «собрали превеликое, словно муравьи и саранча, полчище», свидетельствует Рашид ад-Дин. Ему вторит Ибн-Василь: Берке «сделал воззвание к войску своему, чтобы сядил на коня всякий, кому 10 лет (и более) от роду. Село народу столько, что не видно было ни начала, ни конца». 13 января 1263 г. хулагиды были разбиты на берегу Терека. В реке утонуло немало воинов. По свидетельству испанского географа XIII в. Ибн Са'ида, после сражения в Тереке еще долго находил «панцири и кольчуги».

После этой битвы аланским сторонникам ильханов, «преследуемым Берка-ханом», пришлось бежать в Грузию. Аланских князей с их дружинами царь благоразумно разместил в различных районах страны — Тифлисе, Дманиси и Жинвали. В 1268—1269 гг. аланский отряд переведен в Гори для отражения возможных нападений из Западной Грузии, но вскоре выведен из него. В 1292 г. аланы вновь занимают Гори, на сей раз при поддержке монголов.

Во второй половине XIII в. в Грузии разгорелась острая борьба за царский престол. По летописям, аланские царевичи Фареджан и Багатар поддержали Давида VI. Во многом благодаря помощи алан Давид утвердился на престоле. Однако вскоре, как утверждают те же источники, монголы заставили Давида VI пойти с ними в поход на крепость Тангузала. После месячной осады город пал. Так как в нем находился Фареджан «сын царя осетинского, то осетины ожесточились, начали грабить Карталинию и убивать жителей, взяли город Гори и укрепились в нем». Во главе аланских дружин стоял Багатар.

Как видно, монголам удалось столкнуть Давида VI и алан. Багатар «разорял Картли, Триалети, сгонял с вотчин азнауров и были беды великие среди жителей Картлийских». Он же захватил крепость Дзами в ущелье внутренней Грузии. В начале XIV в. аланы, по словам летописцев, стали наиболее активной силой, выступавшей против Давида. В целом источники свидетельствуют о больших возможностях аланского элемента в Грузии как в политической, так и в экономической сфере.

При Багатаре относительно стабилизировались границы проживания алан-овсов как к северу, так и к югу от Главного Кавказского хребта.

Таким образом, Фареджан и особенно Багатар фактически спасли алан от полного уничтожения монголо-татарами. Именно они укрыли в горных районах у своих земляков остатки равнинных соплеменников и возглавили борьбу за независимость. Не случайно многие горные районы связываются с именем Багатара. Его деятельность связана с защитой Уалладжира, Туалгома, населения в Ксани и других территорий, заселенных аланами.

В борьбе с экспансией кочевников аланы опирались на помощь соседей, в первую очередь— Грузии. Однако, в конце концов союз Багатара и Вахтанга распался. С ослаблением позиций монголов в Грузии, непокорность и мощь алан в Картли (по летописям: «**весьма возвеличился** мтавар Багатар овский») превратились в серьезную преграду для укрепления царской власти. Феодалная знать Грузии стремилась положить конец влиянию аланской аристократии. Тавады

осадили крепость Дзами в Шида-Картли. «И как ожесточилась (осада) ...овсы... обещали не вредить; с тем и явился Багатар пред Бека и затем помер».

Обстоятельства гибели Багатара, изложенные грузинскими летописцами, более чем туманны. Правда, в одном источнике говорится, что он убит двумя стрелами, когда переправлялся через реку.

В древней Нузальской часовне сохранилась эпитафия (надпись на стене), посвященная Багатару. Первое известие о Нузальской часовне принадлежит протопопу И. Болгарскому, который 18 июля 1780 г. в донесении астраханскому и ставропольскому епископу Антонию писал: «в Олагирском уезде близ деревни Дагом церковь святых Троицы развалившаяся, в деревне Мизур целая, в деревне Нузал целая ж, в которой видно отчасти стенное изображение святых великомучеников Георгия и Федора Тирона и архистрага Михаила, а в чие имя неизвестно...»; далее он указал на «несколько образов, у которых видны надписи грузинскими литерами».

В 30-х гг. XIX в. М. Броссе дважды опубликовал на французском языке текст Нузальской надписи. Вторая публикация (1838 г.) отличается от первой (1830 г.) примечаниями М. Броссе и некоторыми уточнениями, поэтому мы приводим второй перевод: «Нас было девять\* братьев из семьи Чарджонидзе-Дчархилан: Ос-Багатар, Давид-Сослан, Сокур и Георгий, которые бросали на врага взгляд гнева. Трое из наших братьев — Исак, Романоз и Василий — были монахами, верными служителями Христа. Мы были хозяевами узких дорог, которые вели в четыре стороны. У нас в Касаре крепость и таможня, и мы занимаем переднюю часть моста. Надеемся на доброе отношение на той стороне, если вы повели себя хорошо на этой стороне. У нас столько же золота и серебра, сколько и воды. Я завоевал Кавказ и покорил четыре царства. Верный своим привычкам, я похитил сестру принца Картли\*\*. Он, настроенный против меня и обманувший в клятве, взял на себя мои грехи. Багатара бросили в воду и истребили армию Оссов. Вы, читающие эти строки, помолитесь за меня».

Одним из первых русский перевод надписи привел А. Головин (1852 г.). «Мы были 9 братьев Чараджоновы и Сахиловы: Ос-Багатар, Давид-Сослан, с 4 царствами боровшиеся, Фидарос, Жадарос, Сокур и Георгий, для врагов страшный. Наши братья: Исаак, Роман и Василий сделались верными рабами Христу (монахами). Мы имеем с 4 сторон пути охранные: в Кассарском ущельи замок (где брали плату с прохожих), мостовые ворота; я в ожидании будущего века жил здесь. Золотой и серебряной руды имеем столько же довольно, как воды. Кавказ покорил, с 4 царствами боролся, у грузинского царя (Ваханга) сестру отнял, не теряя своего достоинства и обычаев, но он настиг, нарушил клятву и взял на себя мой грех. Багатара утопили и истребилось войско Оса. Кто эти стихи будет читать, пусть помянет меня».

В делах «Комиссии для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей» сохранился документ, датированный августом 1860 г. и содержащий «надпись на Нузальской Царазонской церкви». Надпись представляет собой 9 четверостиший на грузинском языке с синхронным переводом на русский. Так как данный вариант отличается от всех опубликованных версий, то мы приведем перевод эпитафии:

«1) Нас было 9 братьев Царазоновы-Цахиловы: Ос - Багатар, Давид и Сослан с 4-мя царствам борющиеся;

2) Фидарос, Доладороз, Сокур-Георгий, с презрением на врагов взирающие;

3) братья наши Исаак, Ро-маноз и Басил сделались добрыми рабами Христа (монахами);

4) мы содержали в 4-х углах узкие проходы дорог;

5) в касаре имели укрепление и **сабаж** (заставу), здесь содержу двери моста, о будущем обнадежен, в настоящем благополучен;

6) руды золота и серебра имею в таком изобилии, как вода.

7) покорил Кавказцев,противостоял 4-м царствам (народам);

8) у грузинского (Батони) князя похитил сестру, не оставил своего рода; постиг меня, клятвою обманул, наложил на себя вину мою (грех);

9) Багатар утонул в воде, войско осетин истреблено».

Данный вариант отличается от известных ранее тем, что и грузинский текст и русский перевод

представляют собой 9 не слитных куплетов, а не простое повествование. В делопроизводстве комиссии стихотворение препровождено следующей записью: «Копия с надписи сохранившейся и поныне на стене Нузальской Царазонской церкви, при сем прилагается для дальнейшего исследования, как достопримечательный памятник».

Эпитафия не случайно появилась именно в Нузале. Деятельность Багатара, во всяком случае в последние годы его жизни, была направлена на защиту Туалгома и Уалладжира. Главным звеном в системе оборонительных сооружений в Касарском ущелье являлась мощная крепость «Нузалы фидар». По оценке военных специалистов XIX в., «у Нузала крепкая позиция для обороны входа в Касарское ущелье». Вполне закономерно, что именно этот аул стал «гнездом» аланской аристократии, эмигрировавшей в горы в бурные годы татаро-монгольской экспансии.

В Уалладжире долгое время хранились царские реликвии алан-овсов. В 1869 г. жители ущелья уверяли В. Б. Пфафа, что в Рекоме хранятся шлем, колчан и копье Багатара. Отправившись туда, он «действительно нашел эти вещи, зарытые под кучею стрел и пиков». Суеверие местного населения приписывало названным вещам чудотворную силу; если «кто-нибудь унес их, в том месте, где они будут храниться, непременно появится моровая язва». В доказательство этого алагирцы поведали В. Б. Пфафу о том, как «несколько лет тому назад, когда шлем Оси-багатара для лучшего сохранения был перевезен в Нузал, там появилась повальная болезнь, вследствие чего шлем, по решению народного собрания, был перевезен обратно в Реком». В «Описи имущества часовни Реком», составленной в мае 1903 г., под инвентарными номерами 46 и 49 значатся «шлем с кольчужной сеткой» и «остатки колчана со стрелами». Участники экспедиции А. А. Миллера летом 1928 г. среди предметов Рекома обратили внимание на «один из древних шлемов с кольчужной сеткой и околышком», поразившим «орнаментом, очень напоминающим средневековую корону западноевропейских феодалов». В 1935 г. доспехи Багатара из Нузальской часовни перевезли в музей краеведения г. Алагира, откуда они исчезли во время фашистской оккупации в 1942 г.

Согласно устной традиции первой половины XIX в., в Нузале хранились также и другие реликвии аланской аристократии, а также золотые предметы «грузинского короля» — очевидно Арчила или Александра, которые в конце XVII в. неоднократно находили приют в Уалладжире, спасаясь от иранского шаха. Но «в 1821 году, когда священник Николай Самарганов крестил наш народ,— писали местные жители заместнику Кавказа,—то все выше прописанные вещи похищены были». В 40-х гг. XIX в. В. С. Толстого уверяли, что «в 1821 году священник Самарганов из Гори, прочитав эти надписи и найдя сокровища, их выкрал и надпись соскоблил». В 1879 г. П. С. Уварова со слов старожилов записала в своем дневнике: «В ауле Нузал, через реку существует пещерный монастырь, где, по словам жителей, издревле собрано было много рукописей и разных драгоценностей; священник грузин, собрав членов своей семьи, подставил лестницы к скалам и вывез все бесследно».

Трудно судить, насколько можно доверять приведенным свидетельствам. Точно известно лишь то, что Самарганов действительно в начале 20-х гг. XIX в. по распоряжению экзарха Грузии «обревизовал всю христианскую Осетию». В то время грузинские церковники, выполняя решение высшего духовенства, вознамерились построить в Нузале новую церковь. Однако местные жители решили сохранить древнюю часовню. «Н. Самарганову, вложившему в строительство 400 рублей, эта история не понравилась, он прибыл в Нузал и, как рассказывают очевидцы, изуродовал фрески и надписи старой церкви...»

Резюмируя изложенное, отметим, что связь Багатара с Касарским ущельем и конкретно с Нузалом прослеживается отчетливо. Это обстоятельство в совокупности с содержанием Нузальской надписи и последними изысканиями ученых в этой области позволяют сделать вывод: эпитафия создана вскоре после смерти Багатара в 1304/6 гг. и отражает реальные события той эпохи.

В народной памяти сохранилось много рассказов о Багата-ре. Отдавая должное его военному таланту, устная традиция вместе с тем подчеркивает роль Багатара в сохранении алан как этноса. Далеко не случайно во многих преданиях Багатар предстает как этнарх, от которого произошли аланы-осетины. В такой образной форме народная традиция воздаст должное герою, который в тяжелейший период сделал все возможное для сохранения народа.

**Ростом** — аланский князь из рода Сидамонта, основатель династии ксанских эриставов. Согласно устной традиции осетин, «колени Сидамонта» в давние времена, продвигаясь по Архонскому ущелью и образовывая поселения, «все время находило в этих местах уже жившее здесь население». Из-за высокой плотности населения трое потомков Сидамона — Ростом, Бибила и Цитлосан — с частью народа покинули Уалладжир и осели в Южной Осетии. Там они стали эристами и «родоначальниками грузинской княжеской фамилии Сидамоновых Эристовых».

Сведения фольклора подтверждаются данными письменных источников, в частности хроники «Памятник эриставов», созданной между 1405—1410 гг. в Ларгвисском монастыре Григолом Бандасдзе. В первой части «Памятника эриставов» повествуется о появлении потомков Сидамона в верховьях реки Ксани. Согласно хронике, из-за междоусобиц «в стране Осетской» трое царевичей — Ростом, Бибила и Цитлосан — с 70 «добрыми рабами» через Заки пришли «в страну Двалетскую». Туальцы называли пришельцев Бибилурами, выделили им место для жительства и взяли с них присягу, что те не будут домогаться господствующего положения. Бибилури стали «строить себе крепости и огромные дома, подобных которым еще не было в Туалгоме». Туальцы, заподозрив их в стремлении возвыситься над коренным населением, изгнали братьев из своей страны и те со свитой перебрались в Цхразмиское ущелье. «В то время цхразмис-хевцы сражались с крепостью Груиси пять месяцев». Ростом и его дружина включились в сражение, проявив себя отважными воинами, способными организовать успешную борьбу против неприятелей. Это определило дальнейшую судьбу Ростом — по желанию местных жителей он стал эриставом.

**Шалва** — ксанский эристав, происходивший из аланского княжеского рода Сидамонта. Вместе с «овским царевичем» Ба-гатаром он играл заметную роль в политической жизни Закавказья рубежа XIII—XIV вв. В начале XIV в. царь Грузии Вахтанг пожаловал эриставу Шалве Сидамонову «Трусо, Гуда, владения Гагасдзе, Дзагнакорпу, Дигвами, Ацерис-хеви, Бехуше и среди дидебулов (вельмож) своих лучшим считал». Западная граница владений эриставов Сидамонта отодвинулась до верховьев Арагви. Причиной столь щедрого пожалования явилась поддержка Сидамонами Вахтанга в его борьбе за трон с Давидом VI. «Шалва,— отмечается в хронике,— привел в жены дочь царя осов, по имени Ширд, которая увеличила достоинство монастыря» Ларгвисского. Брак эристава из рода Сидамонта с дочерью «царя осов» закономерен, ибо аланы со своим правителем Багатаром являлись наиболее активной силой, выступавшей против Давида.

**Амсаджан** — видный аланский аристократ второй половины XIV в. В числе других аланских феодалов-рыцарей его предки после татаро-монгольских походов на Северный Кавказ эмигрировали в Закавказье. Так как источники той поры Амсаджана связывают с царевичами Фареджаном и Багатаром, то, вероятно, его род входил в окружение царя Алании. В Закавказье предки Амсаджана скорее всего попали после поражения, нанесенного в январе 1263 г. монгольским ханом Берке объединенному войску царя Алании и хана Хулагу. Аланы, «преследуемые Бер-ка-ханом», отошли в Грузию. Среди них были малолетние царские дети из рода Ахсартагатов — Фареджан и Багатар, а также «много князей». Через несколько лет возмужавший Амсаджан вошел в коалицию царевичей и активно сражался на их стороне. Он погиб в бою с ксанским эриставом Виршелом, также происходившем из знатного аланского рода Сидамонта.

Летописец Григол оставил описание сражения, происшедшего у аула Мна Туросовского ущелья: «И была битва жестокая, ибо люди те были ловкими воинами, храбрыми и богатырями, и полностью в доспехах. И было (пущено) множество стрел, подобно дождю частому, и (брошено) множество камней, подобно граду, и скатываемых (камней) в неисчислимом множестве. Тогда были убиты от большого числа стрел главы и богатыри страны их: Сунгу, Фареджан, Амсаджан, Багатар и многие другие».

Имя Амсаджан состоит из двух элементов. Длительный период составные имена выражали привилегированность социальной верхушки. Следует учитывать и тот факт, что составные имена с компонентом джан «душа» появились только в XIII в. и первоначально получили распространение среди знати. Летописец Григол Амсаджана относил к аланским «главам и богатырям», ставил в один ряд с царевичами Фареджаном и Багатаром. Все это указывает на высочайший социальный статус и большой политический вес Амсаджана.

**Фодим**—аланский полководец начала XIV в., находившийся на службе у монгольских ханов на Дальнем Востоке. Рано получил титул «Дарга», что соответствовало должности начальника штаба правого крыла аланского корпуса. В 1311 г. он уже занимал более высокую должность и был командирован на защиту города Тянь-мин-тьен в Манчжурии. В 1326 г. он стал главой всех алан, служивших на Дальнем Востоке.

**Тогай** — глава посольства дальневосточных алан к папе Римскому. На территории, контролируемой на Востоке монгольскими ханами, проживало очень много алан христианского вероисповедания. Данные об их численности оставил папский легат епископ Иоанн Мариньоли, несколько лет проживший в Китае во время своего путешествия 1338—1353 гг.: «Всех выше (стоят) также князья его государства, более 30 тысяч, которые зовутся аланами и управляют всей восточной империей. Они христиане... благородный род аланов, являющихся ныне величайшим и благороднейшим народом в мире; всех красивее и храбрее их мужи, с помощью которых татары овладели восточной империей и без которых никогда не достигли бы славной победы».

В большой аланской колонии на Востоке активную работу вели католические миссионеры. Неслучайно в письме к папе Римскому Бенедикту XII от 14 июля 1336 г. великий хан просил папу, чтобы «он молился на Нас и Наших верных слуг, аланов, его христианских сыновей». Когда великий хан отправил посольство к Бенедикту XII, то с ними отправилась и аланская делегация — «Тогай с 13 товарищами». Среди других документов То-гай вез в Рим письмо, подписанное аланской знатью, это — Фодим Иовенс, титулируемый здесь как «царь Алании», Шиан-сим Тонги, Шембога Венсии, Иоанн Иошда и Рубенс Пинцанус. Звучание этих имен на аланском языке установить трудно из-за искажений, наложенных на них китайской транскрипцией. В письме папе аланские князья сообщали о смерти еще в 1328 г. католического миссионера Иоанна Монтекорвино, «наставлявшего» алан, и просили прислать нового легата, «который мог бы позаботиться о наших душах». Откликаясь на просьбу знатных алан, Бенедикт XII направил в Китай нового легата.

**Таус** — аланский князь, в конце XIV в. оказавший упорное сопротивление воинам знаменитого Тимура. Княжество Тауса, как и владение другого аланского князя Кулу, персидские источники располагают в «области Иркувун». Последний этнический термин состоит из самоназвания осетин **ирон** и осет. слова **кау** «селение». В конечном итоге этноним переводится как «иронские селения» или в переносном смысле — область осетин.

Где же находились княжества Кулу и Тауса? Э. В. Ртвеладзе допускает вероятность их локализации в Куртатинском ущелье. В нем имеется много средневековых укреплений, в том числе у аула Гули, название которого созвучно с крепостью Кулу персидских источников. По мнению Э. В. Ртвеладзе, бытующие в Осетии предания о Тимуре являются отражением действительного пребывания здесь его воинов.

Если Гули — владение Кулу, то крепость Тауса должна находиться где-то рядом. Это может быть Дзвгисское наскальное укрепление, находящееся в 2—3 км от Гули. В древности Дзвгис представлял собой важный стратегический пункт, защита которого была заботой населения всего ущелья. Описание укреплений племени Иркувун, особенно крепости Тауса, находившейся «на третьем уступе горы», напоминают оборонительный комплекс «Дзвгисы фидар». В него входили шесть наскальных башен и основное крепостное сооружение, закрывавшее вход в глубокую пещеру. Раскопки, проведенные здесь в 1982 г. В. А. Кузнецовым и В. Х. Тменовым, дали богатый материал XIV—XV вв. Археологи обследовали храм, кладбище, культовые памятники и пришли к выводу, что в Дзвгисе обитали аланы-овсы, укrywшиеся здесь в середине XIII в. от татаро-монгольских завоевателей. Рядом с аулом находилась хозяйственная база — поляна Фаскау (11 га). Поляна закрыта в глубине гор, защищена от ветров. Хорошо сохранились следы оросительного канала длиной около 200 м.

Крепость «Иркувун», т. е. «Дзвгисы-фидар», находилась на вершине горы. По свидетельству восточных хронистов, пройти к ней было чрезвычайно трудно. Укрепление находилось на такой высоте, что «у смотревшего мутился глаз и шапка валилась с головы, в особенности крепость Тауса». Она располагалась на отвесной скале; «пущенная стрела не долетала до нее». Тимур ввел в бой специальные отряды мекритов, вероятно, горцев, т. к. они «в ходьбе по горам были так ловки и



искусны, что заберутся в любое место». Мекриты занялись поисками слабых мест и подходов к крепости. Но поиски оказались безрезультатными. «Сколько не ходили и не смотрели, совсем не нашли ни одной дороги, по которой можно было добраться до этой крепости».

Тогда Тимур изменил тактику. Он приказал изготовить длинные лестницы, поставить их на второй уступ, затем таким же образом взобраться на третий уступ горы, на котором находилась крепость. Одновременно другие воины, взобравшись на вершину горы и обвязавшись веревками, спустились до места напротив крепости. Оба отряда одновременно приступили к штурму. Защитники крепости сражались мужественно, истребив немало нападавших, но силы оказались неравными. Ворвавшись в крепость, воины Тимура «умертвили множество людей из племени Иркувун, которые были в ней». Руководители обороны — князя Кулу и Таус — попали в плен и были казнены. Здесь же отметим, что в Дзвгисском склеповом могильнике XIV— XV вв. обнаружено рекордное количество погребенных — 235 человек, преимущественно женщин и детей. Вероятно, это массовое захоронение связано с походами Тимура, ведь ворвавшись в крепость Тауса, его воины «умертвили множество людей из племени Иркувун».

После гибели Тауса аланское княжество у входа в Куртатинское ущелье распалось.

**Пулад** — еще один аланский князь, оказавший упорное сопротивление Тимуру. После разгрома в апреле 1395 г. золотоордынского хана Тох-тамыша, Тимур двинулся на владения аланской знати. Поводом для выступления против Пулада послужил его отказ выдать Тимуру Утурку — одного из полководцев Тохтамыша. Утурку скрывался у аланского князя в крепости Кабчигаи. По мнению историков, это укрепление находилось в районе современного Владикавказа. Средневековое поселение у входа в Дарьяльское ущелье по-тюркски называлось Капкай, Кабчигаи.

Прежде чем двинуться на Пулада, Тимур отправил ему письмо: «Пришли Утурку, укrywшегося у тебя, а то я приду с бесчисленным войском, которое все состоит из львов, убивающих врагов». Ответ последовал не менее категоричный: «У меня хорошо защищенная крепость и средства для войны приготовлены; Утурку нашел у меня убежище, пока я жив, буду его защищать и оберегать». Разумеется, аланский князь понимал, что не сможет долго продержаться под натиском Тимура. Но гостеприимство у алан являлось неременным условием поведения по отношению к любому путнику; по нормам этикета, Пулад в границах своих владений обязан был защищать даже врага.

Быстрым маршем Тимур подошел к Кабчигаю. Местное население заняло оборону у входа в ущелье. После кровопролитного сражения Тимур с большим трудом овладел укреплением и сжег его.

*\* В версии А. С. Хаханова говорится о семи братьях. \*\* По публикации текста 1830 г.: «похитил я сестру князя Картли, не приняв ее, однако, в свой род (не примкнув, однако, к ее роду)».*

### Заключение

Нашествие татаро-монголов, а затем и серия походов Тимура стали катастрофой не только для политического образования алан. Погибло государство, едва не исчез сам народ, в этот период резко сократившийся количественно и потерявший огромную территорию. По словам современников, территория Алании стала «пустыней без владельцев». В дальнейшем остатки некогда многочисленного этноса проживали в узких горных ущельях к северу и югу от Главного Кавказского хребта. Страшные болезни (холера, оспа, чума и т. д.) косили людей, ставя на грань существования алан-осетин как народа. Об изменениях демографической ситуации на Центральном Кавказе красноречиво свидетельствуют цифры. Так, если в середине XVIII в., по источникам, только северных осетин было «более двухсот тысяч душ», то после серии эпидемий начала XIX в. их осталось всего 16 тысяч. Но на историческом пути алан-осетин подстерегали опасности не только такого рода. В позднем средневековье было утрачено даже имя народа—«аланы». Некоторые «оракулы» предрекали даже «растворение» осетин как таковых. В. Чудинов, например, писал: осетины «быстро ассимилировались», утратив свою народность, «так что среди них трудно

услышать их собственный язык». И вообще, «за пределами 1830 года у осетин нет более истории». Тем не менее, несмотря на столь страшные прогнозы «специалистов», народ живет и развивается.

Осетины являются прямыми потомками алан. Но с ними связаны не только осетины. Аланы почти 1500 лет жили на Северном Кавказе, прошли богатый событиями исторический путь, создали самобытную, яркую культуру. Естественно, их вклад в современную историю и культуру народов Северного Кавказа значителен. Будем надеяться, что будущие исследования раскроют эту проблему во всей полноте.

Историю средневековых алан автор данной книги рассматривал I через призму деятельности аристократии, в первую очередь и главным образом—военной аристократии. Прием этот не нов. Вспомним хотя бы труд Н. И. Костомарова «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей». Такой подход позволяет в какой-то мере освободиться от традиционной для науки «ограниченности сюжетов, замыкания их в круг того, что составляло лишь вершину исторического айсберга» (В. Л. Янин).

Раскрытие истории алан посредством портретной галереи военной аристократии обусловлено не только состоянием источников, но и стремлением показать ведущую роль этого класса и в других сферах жизни общества. Именно военная аристократия сыграла ключевую роль в формировании аланского государства; она же стояла на страже его границ, защищая тем самым интересы всех алан. Если обратиться к более поздним периодам, то, как блестяще показала Г. Т. Дзагурова в своей книге «Под российскими знаменами», военная интеллигенция осетин отличилась не только на полях сражений, но и в сугубо гражданских делах. Это и открытие новых школ на свои средства, и помощь в обучении одаренных детей (независимо от сословного происхождения) в столице России, помощь представителям местной интеллигенции и т. д.

Хочется надеяться, что предложенная вниманию читателей книга явится посильным вкладом в дело удовлетворения многократно возросшего интереса к истории республики. Причины этого феномена очевидны: кардинальные изменения в быту и обществе, острые военные конфликты на севере и юге породили во всех слоях населения потребность осознать свой исторический путь, выяснить, что в нем заслуживает внимания, что — отрицания, ибо без анализа достижений и ошибок невозможна верная оценка настоящего и прогнозирование хотя бы ближайшего будущего.

#### Источники

- Агафий Миринейский. История/Пер. с греч. М. В. Левченко// ВВ, 1950. Т. 3.  
Анна Комнина. Алексиада/Пер., вступ. статья и ком. Я. Н. Любарского. М., 1965.  
Армянские источники об аланах/Сост., ком. Р. А. Габриелян. Ереван, 1985. Вып. I—III.  
Багратиони Д. История Грузии/Изд. и примеч. А. А. Рогава. Тбилиси, 1971.  
Бейлис В. М. Арабские авторы IX —первой половины X в. о государственном и племенном строе народов Европы//Древнейшие государства на территории СССР. 1985. М., 1986.  
Вахушти . География Грузии/Введ., пер. и примеч. М. Г. Джанашвили//Зап. КОИРГО, 1904. Т. XXIV. Вып. V.  
Ган К. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе//СМОМПК, 1884,1890. IV, IX.  
Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России//СМОМПК, 1897. Вып. XXII.  
Джуаншер Джуаншеряни. Жизнь Вахтанга Горгасала / Пер., введ. и примеч. Г. В. Цулая. Тбилиси, 1986.  
Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967.  
Ибн-Даста. Известия о хазарах, бургасах, мадьярах, славянах и русах/Пер. Д. А. Хвольсона. СПб., 1869.  
Иванов А. История монголов /Юань-ши/ об асах-аланых//Христианский Восток. СПб., 1914. Т. II. Вып. 3.  
Караулов Н. А. Сведения арабских географов IX и X веков о Кавказе, Армении и Азербайджане. Тифлис, 1902,1908. Вып. II, III.  
Киракос Гандзакечи, История Армении / Пер., предисл. и ком. Л. А. Ханларян. М., 1976.

- Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956.
- Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
- Корнелий Тацит. Соч. в 2-х томах. Л., 1970. Т. 1, 2.
- Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1966, 1968, 1980. Ч. 1—3.
- Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе//ВДИ, 1947, № 1-4, 1948, № 1-4.
- Летопись Картли/Пер., введ. и примеч. Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982.
- Матузова В. И. Английские средневековые источники. М., 1979.
- Меховский М. Трактат о двух Сарматиях/Введ., примеч. и ком. С. А. Аннинского. М.—Л., 1936.
- Миклухо-Маклай Н. Д. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке//Уч. Зап. Ин-та востоковедения. М.-Л., 1954. Т. IX.
- Михаил Пселл. Хронография/Пер., статья и примеч. Я. Н. Любарского. М., 1978.
- Моисей Хоренский. История Армении/Пер. Н. Эмина. М., 1858.
- Мровели Л. Жизнь картлийских царей/Пер., предисл. и ком. Г. В. Цулая. М., 1979.
- Никифор Вриенний. Исторические записки /976—1087/. СПб., 1858.
- Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941.
- Прокопий из Кесарии. Война с готами/Пер. С. П. Кондратьева, вступ. статья З. В. Удальцовой. М., 1950.
- Рашид-ад-дин. Сборник летописей/Пер. с перс. Ю. П. Верховского. М.-Л., 1960.
- Страбон. География/Пер., статья и ком. Г. А. Стратановского. Л., 1964.
- Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.-Л., 1941. Т. II.
- Тменов В. X. Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе. 1984.
- Тогошвили Г. Д., Цховребов И. Н. История Осетии в документах и материалах. Цхинвали, 1962. Т. I.
- Уварова П. С. Материалы по археологии Кавказа. М., 1900. Вып. VIII.
- Цулая Г. В. Грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа КЭС. М., 1980. Т. VII.
- Якуби. История/Пер. П. К. Жузе. Баку, 1927.

## Литература

- Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. Т. I.
- Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958. Т. I; Л., 1973. Т. II.
- Аланы и Западная Европа. Владикавказ, 1992.
- Аланы и Кавказ. Владикавказ, 1992.
- Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971.
- Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
- Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна среднего Дона в VIII—X вв.// АОН. Вып. 2. М., 1987.
- Ахвледiani Г. А. Сборник избранных работ по осетинскому языку. Тбилиси, 1960. Кн. I.
- Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966.
- Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л., 1979.
- Гатуев А. Христианство в Осетии. Владикавказ, 1901.
- Дзаттиаты Р. Г. Оборонительные сооружения южных осетин. Цхинвали, 1983.
- Калоев Б. А. Осетины. 2-е изд. М., 1971.
- Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.
- Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы. М., 1984. Кодзаев А. Древние осетины и Осетия. Владикавказ, 1903.
- Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.
- Кузнецов В. А. Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ, 1990.

- Миллер В. Ф. Осетинские этюды. М., 1881. Ч. I; М., 1882. Ч. 2; М., 1887. Ч. 3.  
Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X—XI веков. М., 1963.  
Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья. М., 1980.  
Плетнева С. А. Хазары. М., 1976.  
Санакоев М.П. Некоторые вопросы источниковедения истории осетинского народа. Цхинвали, 1979.  
Скитский Б. В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года // Изв. СОНИИ, 1947. Т XI.  
Тогошвили Г. Д. Сослан-Давид. Владикавказ, 1991.  
Чеченов И.М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969.  
Чочиев А. Р. Очерки истории социальной культуры осетин. Цхинвали, 1985.  
Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане. Махачкала, 1969.

#### Список сокращений

- АОН — Археологические открытия на новостройках.  
ВДИ — Вестник древней истории.  
Зап. КОИРГО — Записки кавказского отдела императорского русского географического общества.  
Изв. СОНИИ — Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института.  
КЭС — Кавказский этнографический сборник.  
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.